

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
БАШКИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

С.В. ИВАНОВА

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ И ЛИНГВОКОГНИТОЛОГИЯ:
СОПРЯЖЕНИЕ ПАРАДИГМ**

**Рекомендовано Советом по филологии
Учебно-методического объединения
по классическому университетскому образованию
в качестве учебного пособия для студентов и аспирантов
высших учебных заведений, обучающихся по направлению
520300 в специальности 021700 – «Филология»**

УФА 2004

УДК 80
ББК 81
И21

Рецензенты:

доктор филол. наук, профессор **Т.М. Рогожникова** (УГАТУ);
кафедра английского языка Башкирского государственного
аграрного университета (г. Уфа)

Иванова С.В.

И21 Лингвокультурология и лингвокогнитология: спряжение парадигм:
Учебное пособие. Уфа: РИО БашГУ, 2004. – 152 с.
ISBN 5-7477-0943-7

В настоящем издании раскрываются базовые понятия лингвокультурологии и лингвокогнитологии. Поставлена цель выявления зоны сопряжения этих двух современных направлений лингвистического анализа. Данный материал скомпонован в виде учебного пособия и может быть использован в рамках одноименных спецкурсов. Учебное пособие содержит образцы выполнения лингвокультурологического и лингвокогнитивного анализа, что может оказаться полезным как для студентов, так и для аспирантов филологических факультетов.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Лингвистическая наука конца XX века отмечена печатью полипарадигматизма. Данное явление наиболее ярко предстает в лингвокультурологии. Это направление лингвистического анализа базируется на достижениях многих других направлений. Однако наиболее тесная связь прослеживается между лингвокультурологией и когнитивной лингвистикой. Лингвокультурология и лингвокогнитология сопрягаются по многим параметрам. Лингвокультурология заимствует инструментарий когнитивной лингвистики. Вместе с тем когнитивная лингвистика, наряду с другими, ставит перед собой и задачи выявления этнокультурной специфики, связанной с условиями пакетирования и хранения информации, что может быть отнесено к сфере лингвокультурологического исследования.

Соответственно, данное учебное пособие состоит из двух разделов, сосредоточенных на каждом из заявленных направлений. Оно призвано сформировать базовые представления о том, что составляет суть лингвокультурологического и лингвокогнитивного анализа, как лингвокогнитивный анализ может быть использован при проведении лингвокультурологического исследования. Таким образом, материал данного учебного пособия может оказаться полезным не только для тех, кто хотел бы ознакомиться с теоретическими предпосылками рассматриваемых направлений лингвистического анализа (что, безусловно, важно, поскольку появилась настоятельная необходимость обобщить имеющиеся наработки), но и для тех, кто хотел бы проводить свои собственные исследования, овладев методологической базой лингвокультурологии и лингвокогнитологии.

Настоящее издание предназначено как для студентов, так и для аспирантов, как для начинающих, так и для продолжающих изучение курсов лингвокультурологии и когнитивной лингвистики. При составлении учебного пособия была максимально учтена обширная литература по рассматриваемой тематике, обильно появляющаяся в последнее время, что, по всей видимости, объясняется практической востребованностью данных лингвокультурологии и когнитивной лингвистики в современной действительности. Вместе с тем, осознавая необходимость выделения «базового слоя» литературы по избранной тематике, в конце каждого раздела предлагается ограниченный список обязательной литературы, который будет способствовать целенаправленной работе будущих читателей данного издания. Оба раздела учебного пособия снабжены контрольными вопросами, которые

предназначены как для самоконтроля, так и для контроля усвоения материала на аудиторных занятиях.

Предлагаемый материал был апробирован на английском отделении факультета романо-германской филологии Башкирского государственного университета в рамках работы спецсеминара «Введение в лингвокультурологию». Практика его использования позволяет утверждать, что данный материал может быть представлен в виде лекционного курса, дополненного серией семинарских занятий, на которых студенты могли бы апробировать рассматриваемые методики исследования.

ВВЕДЕНИЕ

Нынешнее состояние языкознания вполне укладывается в общее русло развития науки в постсовременный период, для которого характерно то, что «на прошлое смотрят не как на предпосылку, а как на свою непосредственную составную часть. Это слияние того, что есть, с тем, что было» [Гулыга 2002: 6]. Постсовременность в лингвистике предполагает возврат к высказанным идеям, но уже на новом витке, подкрепленный новым знанием, отработанными методами, с привлечением новых свидетельств и аргументов, способствующих дальнейшему, более глубокому проникновению в суть изучаемого. Постсовременность предполагает экспансию в смежные дисциплины и за счет этого обогащение научного знания. Именно постсовременность обуславливает существование в языкознании нескольких не отрицающих друг друга парадигм [Шаховский 1998: 59], так называемый полипарадигматизм (Е.С. Кубрякова), который рассматривается исследователями как показатель эвристической зрелости.

Порождением такого полупарадигмального состояния, результатом сопряжения нескольких научных парадигм и является лингвокультурология. Она знаменует собой становление нового типа анализа языковых единиц. Целью этого анализа является исследование и описание культурного пространства той или иной лингво-культурной общности сквозь призму языка и дискурса и культурного фона коммуникативного пространства [Красных 2002: 13]. В связи с бурным развитием лингвокультурологии представляется важным выявить, с одной стороны, предпосылки столь интенсивных изысканий, а, с другой стороны, определить перспективы лингвокультурологических исследований. Между этими полюсами необходимо очертить исследовательское пространство нового направления, внести четкость в описание его эвристик, продемонстрировать потенциал существующих методов при проведении лингвокультурологического исследования.

Необходимость и закономерность обращения к лингвокультурологической тематике обусловлена тем, что в последнее время остро встала проблема переосмысления и уточнения представлений о языке в связи с анализом его функционирования, ломающим представления о ригористичности языковых структур, языкового знака. Изучение функционирования языка влечет за собой внимание к проблематике «языковлечения» (Е.Ф. Тарасов): взаимодействия языка и мышления, языка и личности говорящего, языка и культуры. Именно

последний комплекс избран в качестве объекта пристрастного внимания и тщательного изучения в рамках лингвокультурологии, сравнительно молодой отрасли языкознания. Всплеск интереса к лингвокультурологии на современном этапе развития языкознания обусловлен целым рядом факторов:

1. Изменением теоретических установок: от приоритета универсального, глобального – к доминированию специфического; от констатации структурной детерминированности к пониманию диссипативного характера языка.
2. «Выявлением огромного неоднородного фонда конкретных пограничных явлений и фактов, которые ранее не привлекали к себе пристального внимания, в то же время являлись свидетельством высокой степени сложности и многогранности анализируемого языкового материала, не вписывающегося в традиционную лингвистическую парадигму» [Голякова 2002: 6].
3. Появлением новых парадигм – лингвокогнитологии, теории речевых актов, коммуникативной лингвистики, функциональной лингвистики, теории дискурса.
4. Аналитическими возможностями новых парадигм внутри лингвистики, которые позволяют рассматривать известное под новым углом зрения, имеют большой аналитический и моделирующий потенциал. Так, В.И. Герасимов и В.В. Петров утверждают, что лингвистика не обладает монополией на конструирование общей языковой модели [Герасимов, Петров 1988: 6].
5. Изменением взгляда на исследовательскую процедуру – от доминирования формального подхода к признанию интуиции, языкового чувства, «вчувствования в язык» (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров), интроспекции (А. Вежбицкая, Д.О. Добровольский).
6. Развитием, расширением, углублением понимания языка: как вечной работы духа, как системы и живой стихии (В. фон Гумбольдт), как «дома духа», «дома философствования» (Ю.С. Степанов) по сравнению с его интерпретацией как фиксированной системы языковых знаков.

Вместе с тем фронт лингвокультурологических исследований достаточно широк и неоднороден, что является закономерным следствием различного истолкования существа и неоднозначного характера лингвокультурных связей. Соответственно, исследование лингво-культурной специфики представляется возможным проводить в различных

направлениях. Такая множественность вполне укладывается в парадигму современной науки. Лингвисты отмечают, что настоящее время отмечено плюрализмом интерпретаций в силу того, что «теория разворачивается как пучок относительно самостоятельных моделей-описаний предметной области.<...> При этом ставка делается не на конфронтацию, а на координацию подходов, которая обеспечивает объемное и объективное видение» [Гак 1998: 14].

В этом плане вполне понятно обращение лингвокультурологов к потенциальным возможностям лингвокогнитологии, также сравнительно новому направлению лингвистических исследований. Лингвокогнитология, изучающая языковые механизмы и проявления структуризации знаний, способствует манифестации того блока информации, заключенной в языковой единице, который соотносится с культурным знанием. Представляется, что когнитивная лингвистика обеспечивает лингвокультурологию мощными аналитическими инструментами и эвристиками, позволяющими раскрыть этнокультурную специфику языковых структур.

Осознание факта теснейшего сопряжения двух исследовательских парадигм способствовало тому, что лингвокультурологическая и лингвокогнитивная тематика и проблематика не могли не получить совместного освещения и взаимообразного решения. Соответственно, первая глава монографии сфокусирована на проблемы, связанные с определением специфики лингвокультурологической парадигмы. Вторая глава нацелена на описание лингвокогнитивного инструментария, который может найти широчайшее применение при проведении лингвокультурологического анализа.

Раздел 1. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ КАК НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

1.1. ЯЗЫК И КУЛЬТУРА КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Вопрос о сущности владения человека языком в течение длительного времени находится в центре внимания и лингвистов и методистов. Разработке и апробации самых разнообразных стратегий овладения и пользования языком посвящено множество больших и малых работ. Попытки выстроить надежную, перспективную и эффективную систему обучения стимулируют исследования языка в самых разнообразных ракурсах и с разных точек зрения. Выделение в языке различных систем: фонетики, грамматики и лексики - казалось бы, приоткрыло тайну владения и овладения языком, но не раскрыло ее целиком. Божественный дар – языковая способность человека - связана не только с беглым оперированием единицами языка, но и сложной работой с ними, когда они выступают в своей совокупности, когда имеет место взаимоналожение смыслов и значений, когда языковая единица становится контекстно и ситуативно обусловленной, когда говорящий должен произвести выбор языковых единиц, которые бы способствовали выполнению поставленной коммуникативной задачи. Новые кванты лингвистических знаний приближают ученых к разгадке тайны языка и его носителя. Изучение иностранного языка в силу развития лингвистики становится более целенаправленным. Однако, несмотря на все эти достижения, изучающий иностранный язык чувствует себя несвободно в стихии изучаемого языка. Попытки идентификации этого препятствующего фактора неизбежно подводят исследователя к выводу о том, что язык переплавляет в своих недрах то, что трудно уложить в схематичные представления и жесткие правила-инструкции. Этот сопротивляющийся материал порожден человеческим фактором в языке, ломающим априорные схемы, гибким, изменяющимся, но вместе с тем вполне ощутимым. Исследования человеческого фактора в языке с неизбежностью подводят к изучению антропоцентрических свойств языка. Понимание того, что «язык есть система знаков, выражающих понятия, а следовательно, его можно сравнить с письменностью, с азбукой для глухонемых, с символическими образами, с формами учтивости, с военными сигналами и т.д. и т.п.» [Сосюр 1977: 54], дополнилось осознанием важности выявления особенностей этой системы в связи с особенностями пользователя. Таким образом, исследование языка как

системы дополняются исследованиями различных проявлений антропоцентричности языковой системы. Антропоцентризм языка проявляется в анализе проблематики, связанной с отражением специфики человека в языке. Эта специфика касается восприятия мира, отражения окружающего мира в языковом сознании человека, фиксации языковыми средствами результатов освоения окружающего мира и его объектов. В сферу проблемы антропоцентричности языка входит и отражение языком специфики познания мира человеком. Однако при этом в процессе описания разных языков лингвисты столкнулись с наличием в языках резко расходящихся явлений. Поиск причин этих расхождений невольно приводит к пониманию существования разнообразных способов организации жизни различных национально-языковых сообществ, многообразных результатов освоения мира, различных условий организации жизни, то есть всего того, что в широком терминологическом смысле называется культурой народа. Язык наряду с культурой как духовной характеристикой нации стал описываться как «дух народа» (В. фон Гумбольдт). Определение же духа сложно и труднодостижимо. Выявление четких языковых показателей, выразителей духа, было заявлено в качестве задачи, поставлено филологической общественностью на повестку дня и до сих пор является стимулом развития и совершенствования лингвистической мысли.

Находя неизменный отклик у языковедов, вопрос о характере соотношения языка и культуры получал различное решение. Бесспорным при этом является факт его обманчивой прозрачности и однозначности. Так, В.В. Виноградов констатировал (вслед за В. фон Гумбольдтом), что «язык – это не только средство выражения мысли, но и форма ее становления, орган образования мысли (как говорил В. фон Гумбольдт) – и вместе с тем сама сформировавшаяся мысль». В.В. Виноградов развивает это положение и подчеркивает, что изучение словаря немислимо «без знания материальной и духовной культуры» [Виноградов 1995: 6]. Заявленное положение подкрепляется сходным тезисом М.М. Покровского, подчеркнувшего еще в 90-е годы XIX в. мысль о необходимости изучения языка не только в связи с языковыми категориями, но и в связи с общим развитием (цит. по [Виноградов 1995: 7]). Однако В.В. Виноградов прозорливо предостерегает против “механического сцепления фактов быта и мировоззрения с формами языка” [Виноградов 1995: 6]. Лингвистика в XX в. сделала прорыв в этом отношении: вопрос о соотношении языка и культуры получил форму триады *язык ÷ культура ÷ языковая личность* [Вендина 2002; Воробьев 1993; Караулов 1987; Тарасов 2000; Шаховский 1998; Лису 1996] и был подвергнут тщательному анализу уже в новом свете, сквозь призму

человека говорящего. Именно эта триада, поставленная в центр внимания ученых, явилась опредмеченным продолжением гумбольдтовской концепции языка как духа народа [Вендина 2002: 42]. Кроме того, лингвисты пытаются выделить единицу лингвокультурологического анализа [Бельчиков 1988; Брагина 1999; Виноградов 1983; Воробьев 1997; Гак 1998; Верещагин, Костомаров 1983; Гудков 1999; Кабакчи 1998; Костомаров, Бурвикова 2000; Степанов 2000; Телия 1998; Томахин 1980], несмотря на трудности данного процесса, связанного со сложным, неоднозначным, диссипативным характером изучаемого явления.

Постоянное использование понятия “культура” требует внести большую определенность в понимание этого многозначного термина, нежели подразумевает обиходное, профанное использование этого слова. Не имея перед собой цели дать новое определение или даже классифицирующий обзор имеющихся точек зрения, хотелось бы остановиться на достаточно распространенных и базовых для разных направлений определений с тем, чтобы выявить основные составляющие понятия и самого феномена культуры. В результате анализа около 300 определений культуры американские антропологи А. Кребер и К. Клакхон представляют классификацию из 6 основных типов (цит. по [Розин 2002: 282-283]). С описательной точки зрения “культура, или цивилизация, в широком этнографическом смысле слагается в своем целом из знаний, верований, искусства, нравственности, законов, обычаев и некоторых других способностей и привычек, усвоенных человеком как членом общества” (Э. Тайлор). В историческом смысле культура - это “социально унаследованный комплекс способов деятельности и убеждений, составляющих ткань нашей жизни” (Э. Сэпир). Нормативные определения культуры сориентированы либо на образ жизни, либо на идеалы и ценности. “Образ жизни, которому следует община или племя, считается культурой... Культура племени есть совокупность стандартизованных верований и практик, которым следует племя” (К. Уислер). С другой стороны, “культура ... это материальные и социальные ценности любой группы людей (институты, обычаи, установки, поведенческие реакции) независимо от того, идет ли речь о дикарях или цивилизованных людях” (У. Томас). Культура получает и психологические интерпретации. В этом смысле “культура – это социологическое обозначение для наученного поведения, то есть поведения, которое не дано человеку от рождения, не предопределено в его зародышевых клетках, как у ос или социальных муравьев, а должно усваиваться каждым новым поколением заново путем обучения у взрослых людей” (Р. Бенедикт). В этом же ряду психологических определений можно обнаружить и следующее: “культура - это формы привычного поведения, общие для группы,

общности или общества. Она состоит из материальных и нематериальных элементов” (К. Янг). Ряд исследователей отмечают структурную природу культуры. В этом смысле “культура – это в конечном счете не более чем организованные повторяющиеся реакции членов общества”, а также “сочетание наученного поведения и поведенческих результатов, компоненты которых разделяются и передаются по наследству членам данного общества” (Р. Линтон). И, наконец, генетические определения подчеркивают, что “культура - это имя для особого порядка или класса феноменов, а именно: таких вещей и явлений, которые зависят от реализации умственной способности, специфической для человеческого рода, которую мы называем “символизацией”. Говоря точнее, культура состоит из материальных объектов – орудий, приспособлений, орнаментов, амулетов и т.д., а также действий, верований и установок, функционирующих в контекстах символизирования. Это тонкий механизм, организация экзосоматических путей и средств, используемых животным особым рода, то есть человеком, для борьбы за существование или выживание” (Л. Уайт). Культурологи подчеркивают, что, в общем и целом, “существующие теории культуры различаются в соответствии с теми областями реальности, из которых черпаются объяснительные принципы. Культурно-материалистические теории характеризуются обращением к биологическим факторам и процессам жизнеобеспечения. Коммуникационные теории базируются на социальном детерминизме. В теориях, где акцент ставится на символических объектах культуры, доминирует психологический редукционизм” [Орлова 1994: 111]. Вместе с тем при определении культуры намечаются и области соприкосновения. Так, вслед за отечественным исследователем культуры Л.И. Иониным можно констатировать, что для авторов буквально всех приведенных выше определений культура - это характеристика человеческого общества, это то, что отличает человека от животных. Кроме того, объединяющим для всех определений тезисом является небиологический характер наследования культуры. Культура предполагает обучение. И, наконец, все они признают, что “культура напрямую связана с идеями, которые существуют и передаются в символической форме (посредством языка)” [Ионин 1996: 47]. Полагаем, что в силу многогранности самого понятия “культура” все выработанные на данный момент определения отражают разные аспекты рассматриваемого понятия. Более того, ход настоящего исследования требует провести четкие корреспонденции между культурой и обуславливающей ее реальностью. Такая классифицирующая деятельность позволяет выявить сферы проявления культуры как среды обитания, как поведенческого кода и образа жизни, как способа деятельности и как системы символов.

Прежде всего культура понимается как рукотворная среда обитания человека (“man-made part of our environment”) [Oxford 1990]. В другом, более образном, определении культура трактуется как “социальный цемент всех наших отношений; это среда, в которой мы двигаемся и дышим и проводим свое существование” [Brooks 1968]. Таким образом, понятие среды – материальной и социальной - является базовым для интерпретации культуры.

В русле подхода, свойственного для бихевиористов, культура предполагает наблюдаемое поведение (observable behavior) или поведенческие стереотипы (sets of behaviors), как, например привычки и традиции. Лингвисты-антропологи приравнивают культуру к социально приобретенному поведению [Hanvey 1976], «структурированной системе моделированного поведения» [Ладо 1989: 50]. К этому пониманию культуры добавляют и правила, диктующие тот или иной тип поведения. Следовательно, культура отождествляется с образом жизни, что включает не только видимое поведение, но и правила, предписывающие отношения и стиль поведения [Whorf 1956]: «культура (в ее отношении к стилю жизни) относится к роли индивидуума в бесконечном калейдоскопе жизненных ситуаций различного рода и правилам или образцам отношения и поведения в этих ситуациях» [Oxford 1995]. В английской традиции принято подчеркивать различие между культурой как системой материальных и духовных ценностей и антропологической культурой. Антропологическая культура охватывает обычаи, взгляды на мир, язык, систему родства, социальные институты и другие практики людей, принадлежащих данному сообществу [Scollon & Scollon 1995: 126].

Когнитивный подход сфокусирован не столько на видимом поведении, сколько на том, как индивид воспринимает и интерпретирует это поведение. Соответственно, акцент сделан на значении и истолковании культуры личности.

Существует и определение культуры как системы символов или значений и соответственно производится поиск соотношения между значением, опытом и реальностью с символистской точки зрения [Hudson 1991: 73-74; Omaggio 1993]. На знаковый, семиотический, характер культуры указывают лингвисты и культурологи отечественной школы [Ионин 1996: 47; Костомаров, Бурвикова 2000: 3]. Они подчеркивают целостный, единый характер культуры, рассматривая ее как “единый интертекст, который в свою очередь служит как бы предтекстом вновь появляющегося текста” (И.П. Ильин, цит. по [Степанов 2001а: 37]). Таким образом, подчеркивается способность культуры как знаковой системы к “самопродолжению”, то есть порождению все новых и новых образований, подчиняющихся существующим в рамках данной системы

законам. Более того, информационно-семиотическая интерпретация культуры признается в настоящее время как наиболее продуктивная для лингвокультурологических исследований [Костомаров, Бурвикова 2000: 3].

Одно из обобщающих определений культуры трактует это понятие как “то комплексное целое, которое включает знания, верования, искусство, моральные догмы, законы, традиции и всякие другие способности и привычки, приобретенные человеком как членом общества” [Britannica v. 16: 874]. Исходя из существа выше приведенных определений, можно резюмировать, что связь языка и культуры проходит по многим направлениям, она многогранна и многоаспектна. Таким образом, язык живет и развивается в определенной среде, которую можно именовать культурным окружением. В этом смысле культура – это социально наследуемый комплекс практических умений и идей, характеризующих образ жизни и передаваемый при помощи языка [Britannica v. 22: 548].

Значимость рассмотренных выше дефиниций культуры с точки зрения логики данного исследования связана с выделением концептуальных пределов изучаемого понятия, что позволяет внести конкретику в определение понятийной области культуры. В конечном итоге определение культуры касается выделения трех сфер. Культура находит свое выражение, “во-первых, в форме завершенных, нашедших свою материализацию в предметах материальной и духовной деятельности человека. Здесь в результатах человеческой деятельности нашли свое воплощение особенности человеческой деятельности в различных типах культуры, типах человеческого общества, на определенных этапах его человеческого развития. Во-вторых, в форме субъектов, творцов и носителей культуры. Здесь культурология опирается на этнографические описания, этнологию (учение о народе-этноте), на социологические измерения общества. Однако, в отличие от социально-философского рассмотрения общества, культуролог доводит свое исследование до социально-психологического уровня, выделяя национальный характер народа, менталитет (особенности мышления), проявления нравственности. В-третьих, в форме институциональных связей, институтов, которые переводят субъективную деятельность индивидов в объективный план. Здесь речь идет не только о том, “что” производит этнос, и не только “кто” производит, каково культурное лицо (обычаи, нравы и традиции) этноса, а главное – “как производят”. И это “как” характеризует прежде всего способ освоения действительности, технологический опыт, приемы и способы получения информации и передачи их от поколения к поколению” [Драч 1996: 236-237]. Таким

образом, можно выделить цивилизационную, социально-психологическую и модусную, или деятельностьную, составляющие культуры. Цивилизационная составляющая культуры предполагает результаты хозяйственной деятельности людей в соответствии с прохождением различных ступеней технического и технологического развития данного сообщества. Социально-психологическая составляющая включает национальный характер, менталитет, проявления нравственности. И, наконец, модусная, или деятельностьная, составляющая указывает на способы освоения действительности, восприятия и передачи информации. Таким образом, культурно-языковые связи покрывают широкую область проявления действия культуры. Разнородность составляющих культуры, то есть свойство, благодаря которому и достигается широта охвата многообразных явлений действительности, является фактором, затрудняющим изучение культурно-языкового взаимодействия. Тем не менее, исследование лингво-культурных связей и корреляций предполагает обращение к языковым манифестациям любой из перечисленных выше составляющих культуры. Именно в таком подходе видится возможность конкретизации объекта лингвокультурологического исследования.

По определению Р. Якобсона функционально “язык является средством умственной и духовной жизни и средством общения” [Якобсон 1998: 306]. Функционирование языка для обслуживания умственной и духовной жизни связывает язык с культурой как специфическим небологическим способом деятельности [Маркарян 1977: 138-139]. Сложность проблемы, связанной с описанием взаимодействия языка и культуры, продиктована неоднозначностью культурно-языковых связей, различным временем их закрепления, различной степенью транспарентности, различным источником доминирования (язык → культура и /или наоборот), асимметрией корреляции с наличием симметрии в отдельных компонентах, различной глубиной проникновения в сопряженное пространство, знаковым характером обеих сущностей. Неоднозначность, варибельность культурно-языковых связей настолько велика, что позволяет трактовать язык как элемент, часть, факт, фактор, форму, источник, хранитель, памятник, транслятор, условие существования культуры [Пассов 1998: 18]. Безусловно, такой разносторонний и разноуровневый характер взаимодействия языка и культуры не способствует однозначности при определении точного характера их сопряжения. Понимание всего вышесказанного далеко отводит от структуралистской и постструктуралистской линий в изучении культуры. В соответствии с нею, культура и язык структурированы сходным образом: в культуре имеют место значимые оппозиции,

параллелизмы, семантические и реляционные процессы [Философия культуры 1998: 162-163]. Однако реалии культурно-языкового взаимодействия диктуют необходимость признания сложного и неоднозначного характера исследуемого комплекса. Неодинаковое время закрепления культурно-языковых связей в различных языках имеет результатом разную степень языковой концептуализации и категоризации объектов и явлений внеязыковой действительности (см. подробнее следующую главу). Так, *week-end* для носителя английского языка является безусловным концептом, закрепившимся в сознании членов культурно-языковой общности, для обозначения периода времени с вечера пятницы до понедельника [Longman Culture 1992: 633, 1486]. Несмотря на заимствование данной лексической единицы в русский лексикон, носители русского языка не связывают с данным словом устоявшегося концептуального содержания.

Различная степень транспарентности культурно-языковых связей способствует различной форме их проявления: от латентной, имплицитной в структуре, семантике языковой единицы, до эксплицитной – при обозначении реалий. В культурно-языковом комплексе доминирующий характер может приобретать любой из элементов. Так, построение системы дискурса продиктовано требованиями и установками культуры. Также «в процессе языкового функционирования языковые значения не только реализуют свое постоянно присущее им знаковое содержание, но и как бы впитывают в себя какую-то часть не зафиксированного в них значения об обозначаемом» [Васильев 1990: 90], то, что предопределено культурным контекстом и что осознается носителями языка. В языковых единицах как элементах системы языка доминирующим началом выступает язык в отличие от культурного компонента. Тем не менее, и языковые единицы характеризуются свойством культураности: «вчувствование» в язык заставляет в нем видеть не только отражение национальной культуры – сам язык со всеми своими единицами становится явлением культуры» [Верещагин, Костомаров 1983: 195].

Доминирование языка и/или культуры порождает асимметрию их корреляции. Вместе с тем в отдельных компонентах, как, например, в лексических единицах с обозначением реалий, в структурной организации текстового единства наблюдается сбалансированное, паритетное сосуществование культурных и языковых факторов. С другой стороны, различается глубина проникновения культуры в ткань языка и наоборот. Развитие культуры может способствовать появлению тех или иных языковых единиц, однако степень освоенности их языком может быть различной. С одной стороны, свидетельством этому может служить

лексический запас языка, отражающий результаты номинации объектов окружающей действительности. С другой стороны, процесс грамматикализации некоторых лексических единиц может также свидетельствовать о наибольшей освоенности лексических явлений. Наконец, знаковый характер языка и культуры обуславливает разнородность трактовок обоих явлений.

Все перечисленные выше факторы способствуют формированию такого свойства культурно-языкового комплекса, как гетерогенность. Именно гетерогенность культурно-языковых связей и обуславливает появление различного рода теорий, пытающихся высветить не только точки их соприкосновения, но и определить характер данного комплекса. Так, в истории лингвистики представлены различные подходы, имеющие целью реконструкцию взаимосвязи языка и культуры. В конечном итоге выделяются три подхода в истолковании отношений между языком и культурой: “1) язык не является ни формой, ни элементом культуры; 2) язык- часть культуры; 3) язык – форма отражения культуры” [Швейцер, Никольский 1978: 37]. Современное прочтение данной проблемы требует обращения к современным инструментам проведения лингвистического анализа, последним достижениям в описании языка и его функционирования.

Вместе с тем сложность описания языкового механизма обуславливается неоднородностью и неоднозначностью самого языкового организма. Язык сочетает в себе конкретное и абстрактное, субъективное и объективное, личностное и коллективное, национальное и универсальное. Язык помогает понять особенность человека. «Язык раскрывает духовное начало, присутствующее в человеке» [Арутюнова 2000: 8], а духовное начало, как известно, связано с культурой, обусловлено ею и неотъемлемо от нее. Сложность понимания взаимосвязи языка и культуры продиктована сложностью выявления особенностей языковых фактов. “У языка же нет вторичной знаковой системы, которая бы раскрывала его смыслы. Он делает это сам, толкуя одни смыслы через другие, перефразируя их, но не выходя за свои пределы. Язык, в отличие от человека, лишен языка, который бы фиксировал, ограничивал и стабилизировал его смыслы. Тайна человека приоткрывается через язык, тайна языка безъязыка” [Арутюнова 2000: 8]. На раскрытие этой тайны направлены усилия многих лингвистов. Язык приоткрывает одну из дверей. Тайна языка кажется более достижимой, но, как горизонт, все время отодвигается, ускользая от пытливых умов многочисленных исследователей. Раскрытие взаимосвязи языка и культуры представляет собой одну из попыток приблизиться к загадке языка, покрытой завесой

языковой самодостаточности и амбивалентности, затрудняющей любую дешифровальную деятельность.

1.2. КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВАЯ СПЕЦИФИКА И КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВЫЕ УНИВЕРСАЛИИ

Проблема взаимоотношения языка и культуры реализуется в серии конкретных вопросов. Первый вопрос касается технической стороны, состоящей в уточнении терминологического аппарата исследования. Второй относится к содержательной части, касающейся определения сути используемой терминологии. Оба вопроса важны в силу того, что способствуют установлению четких границ, а также объекта и предмета лингвострановедческого исследования. Речь в данном случае идет об отражении в языковых единицах культурной детерминированности и/или национальной маркированности, этно-/национально-культурной специфики, или национальной специфики. Использование разнородных терминов создает разноразличную и некоторую размытость при определении предмета исследования. При кажущейся понятности и однопорядковости названных выше явлений нечеткость их содержательной базы является несомненным препятствием для выделения исследовательской базы лингвокультурологического анализа. В связи с этим нельзя не упомянуть о дружных сетованиях ученых, которые озабочены неясностью того, “что следует относить к значимым признакам феномена” [Фирсова 2001: 23], каковы особенности и направленность лингвокультурологического анализа [Попова, Стернин 2001].

Для решения вопроса о культурно-языковом взаимодействии В.Г. Гак предлагает различать национальную и культурную специфику. Национальная специфика выявляется при сопоставлении языков и предопределяется двумя факторами: объективным и субъективным. Объективный фактор предполагает естественные и культурные реалии, характерные для жизни одного народа, но отсутствующие в жизни другого народа. Субъективный фактор состоит в факультативной выборности: слова, отражающие одни и те же реалии, различным образом представлены в разных языках. Иными словами, национальная специфика проявляется во всех случаях расхождений, которые могут быть обусловлены или не обусловлены причинами культурного характера. Культурная специфика предполагает соответствие языковой единицы элементу менталитета или духовной культуры сообщества, его истории, верованиям, традициям и естественным условиям жизни [Гак 1999: 48, 260-261]. Сложный характер взаимодействия национального и

культурного компонента, отраженный в рамках освещенного выше подхода, является еще одним свидетельством неразрывной связи того и другого. Однако необходимо заметить, что разведение национальной и культурной специфики не является единственно возможным толкованием анализируемого явления. Ряд лингвистов в качестве предмета анализа исследуют национально-культурную специфику. В основе такого подхода лежит точка зрения Н.А. Бердяева, признававшего культуру национальной по сути: «Культура никогда не была и никогда не будет отвлеченно-человеческой, она всегда конкретно-человеческая, то есть национальная» [Бердяев 1997: 85]. Именно данное философское воззрение является базовым для исследований национально-культурной специфики фразеологизмов русского языка В.Н. Телия. Она считает, что все, что может быть истолковано в терминах оценочности, принадлежит к кругу национальной культуры [Телия 1998: 214]. Н.М. Фирсова трактует национальную специфику как «наличие специфических признаков языковых единиц <...>, которые могут отражать (эксплицитно или имплицитно) как интралингвистические (фонетические, лексические, грамматические, стилистические), так и экстралингвистические (в первую очередь социальные, исторические, культурные, психологические, этнические) факты, свойственные носителям <...> языка той или иной национально-культурной общности» [Фирсова 2001: 23-24]. Национальная специфика этнически обусловлена, то есть продиктована фактом принадлежности к определенному этносу. Этнос же в настоящий момент в общем виде понимается как «исторически сложившаяся общность людей с общей культурой, языком и самосознанием» [НИЭС 2000: 840]. При этом системными свойствами этноса являются язык и культура [ЭЛС 2001: 179]. Соответственно специфику, обусловленную принадлежностью к определенному этносу, будет логично именовать национальной¹, или этно-культурной, или национально-культурной, или культурно-языковой. Итак, лингво-культурное исследование сосредоточено на анализе национальной специфики, реализующейся в особенностях культурно-языкового взаимодействия. При этом данное взаимодействие покрывает широкую область фактов языка и культуры. Им оказывается охваченной вся система языка (что будет продемонстрировано в ходе дальнейшего изложения), а также все пространство культуры, что предполагает учет трех ее составляющих: цивилизационной, социально-психологической и

¹ Не останавливаясь на разнице в терминах «этнос» и «нация» в силу иной направленности исследования, подчеркнем, что нация как политический союз в равной степени характеризуется и общностью культуры [Бицилли 1993: 148].

модусной. Несмотря на расширительную трактовку терминов «этно-/национально-культурная» и «культурно-языковая» специфика, что позволяет использовать их как взаимозаменяющие, нельзя не отметить некоторой разницы в акцентировании различных сторон одного и того же явления. Так, термин «этно-/национально-культурная специфика» ограничивает действие культурно-языковой специфики пределами одного определенного этноса. Тем не менее, данный оттенок содержательного наполнения не меняет сути данных терминов и позволяет использовать их как синонимичные. Кроме того, необходимо определиться с носителями лингво-культурной специфики. Безусловно, вполне употребимым в данном случае мог бы быть термин «этнос». Вместе с тем по звучанию он в большей мере соответствует этнографическому исследованию. Лингвокультурологический анализ, прежде всего, предполагает лингво-культурную общность, или лингво-культурное сообщество. Именно этот термин предлагается в качестве ведущего в настоящем исследовании, хотя в некоторых случаях по стилистическим соображениям он используется наравне с терминами «этнос», «этносоциум» и «этническая общность». Представляется, что такая замена не влечет за собой принципиальных последствий. В связи с общим контекстом работы лингвокультурологическое содержание экстраполируется и на названные выше термины.

Второй вопрос касается определения сущности культурно-языковой специфики. Если принять во внимание все перечисленные выше определения культуры и остановиться на выделенных выше трех составляющих культуры: цивилизационной, социально-психологической и модусной, или деятельностной, то национально-культурная специфика будет состоять в особом функционировании всех трех составляющих, или сфер культуры, с поправкой на лингво-культурное сообщество. В результате этнос, представляющий определенную лингво-культурную общность, и манифестируется как «квант» специфической культурной информации [Бромлей 1973: 53, 63]. Причем в этом «кванте» информации переплавлены три группы признаков, поскольку их объединяет в себе любая функционирующая культура. В данном случае речь идет о признаках: а) характерных для всего человечества, то есть общих, неспецифических; б) характерных для группы локальных культур – относительно специфических; в) характерных только для данной локальной культуры – абсолютно специфических [Текст 1989: 74]. При этом национальная специфика проявляется в следующих компонентах культуры: а) традициях, которые определяются как устойчивые элементы культуры, обычаев, понимаемых как традиции в «социо-нормативной» сфере культуры, и обрядах, которые выполняют функцию неосознанного

приобщения к господствующей в данном обществе системе нормативных требований [Бромлей 1973: 70-71]; б) бытовой культуре; в) повседневном поведении (т.е. нормы общения, принятые в некотором социуме) и связанным с ним кинесическим кодом; г) национальных особенностях мышления; д) художественной культуре, отражающей культурные традиции этноса [Текст 1989: 76-77]; е) способе освоения и представления природных богатств и географической среды; ж) особенностях социополитического устройства; з) техническом и технологическом уровне / способе освоения действительности. Задача лингвокультурологического исследования состоит в том, чтобы вычленил факты проявления культурно-языковой специфики. Для этого предлагаются два метода: сравнительный и интроспективный. Сравнительный подход предполагает сравнение с другими языками и культурами, поскольку именно сравнение способствует выявлению общих и специфических черт. Интроспективный анализ предполагает работу с информантами и текстовый анализ языкового материала с целью выявления национально-культурной специфики языка [Добровольский 1997: 40]. Сочетание интроспективного и сравнительного методов при изучении национально-культурной специфики помогает уйти от опасности этноцентризма [Стефаненко 2000: 153-154], когда культурно-языковые стандарты одного лингвокультурного сообщества используются в качестве универсальных. С другой стороны, сочетание данных исследовательских эвристик позволяет избежать противоположной крайности, состоящей в бессистемном описании лингво-культурного разнообразия отдельных языков.

Вместе с тем вопрос о культурно-языковой специфике не может считаться исчерпанным без обращения к другой стороне, составляющей кардинально противоположный подход к изучаемой проблеме. Речь идет о культурно-языковых универсалиях.

Вопрос о соотношении культурно-языковой специфики и культурно-языковых универсалий находит различные, вплоть до взаимоисключающих, решения. В конечном итоге его решение находится в русле общего подхода к проблеме взаимоотношения языка и культуры, приоритизации различных аспектов данного взаимодействия. Совершенно естественно, что, например, нигилистический взгляд на признание системных связей языка и культуры ведет к недопущению концепции культурно-языковой специфики. С другой стороны, признание тотального доминирования национально-культурной специфики в качестве следствия не допускает существования значимых универсалий. Однако даже наличие единого, компромиссного, подхода к истолкованию взаимодействия языка и культуры может увенчаться отсутствием единообразия при решении вопроса о соотношении культурно-языковых

универсалий и этнокультурной специфики. При этом чаши весов колеблются в пользу то одного, то другого элемента данного двучлена. Представляется, что культурно-языковая специфика и культурно-языковые универсалии не находятся в отношениях взаимоисключающего противодействия. Они сосуществуют. Такая точка зрения согласуется с утверждением Б. Рассела о том, что наше знание о мире и вещах (речь в данном случае идет о знании, облеченном в плоть языка) «состоит из знания двух видов – когда вещи известны как конкретности и как универсалии» [Рассел 2001: 74]. Соответственно, универсальная и национально-культурная составляющие находятся в комплиментарных отношениях друг к другу, каждая может представлять интерес для исследователя в зависимости от занимаемой им позиции и цели исследования. Размышляя о мире универсалий, Б. Рассел отмечает, что этот мир «неизменен, неподвижен, точен, восхитителен для математиков, логиков, создателей метафизических систем и всех, кто совершенство любит больше жизни» [Рассел 2001: 68]. Мир существования, то есть нечто конкретное в терминологической системе Б. Рассела, «подвижен, лишен определенности, не имеет четких границ, не обладает четким планом или порядком, но содержит все мысли и ощущения, все чувственные данные, все физические объекты, все, что может принести добро или зло, все, что придает ценность жизни и миру. <...> правда заключается в том, что оба взгляда имеют право на непредвзятое внимание, оба реальны и оба важны для метафизиков. В самом деле, как только мы начинаем различать эти два мира, возникает необходимость рассмотрения их соотношения» [Рассел 2001: 68].

Бесспорным является тот факт, что наличие культурно-языковых универсалий обусловлено универсальным характером человеческого мышления, общим поступательным развитием человеческой культуры и цивилизации, всеобщностью бытия и познания и, соответственно, их универсальными законами и категориями. Культурно-языковая специфика выявляется как результат специфического действия процесса языкового кодирования при описании фактов окружающей реальности, отражающих специфику бытийных и познавательных моделей, принятых той или иной языковой общностью, и специфику цивилизационного прогресса и строительства, специфику социально-психологических особенностей данного лингво-культурного сообщества.

Все перечисленные выше факторы вступают в сложное взаимодействие, что обуславливает различные конфигурации их сочетаний друг с другом. Многообразная комбинаторика предполагает разное количество взаимодействующих факторов в целом и сочетание различных факторов с каждой стороны. Так, в качестве показательного

примера соотношения универсального и национально специфического представляется возможным рассмотреть категорию добра. Будучи категорией этики, добро относится к культурным универсалиям. Соответственно, категория добра универсальна в общечеловеческом масштабе. Постигание добра как философской сущности характерно для всех представителей человечества, и добро как категория этики составляет основу этой ценностной универсалии. В философском плане, который и составляет основу культурной универсалии, «добро – это основная моральная ценность, нравственная ценность сама по себе. Добро не является «добром по отношению к чему-нибудь» (ошибка эвдемонизма); оно не есть «высшее благо», нечто сравнительное, а простая позитивность» [ФЭС 2000: 140]. В силу специфики языкового кодирования эта универсалия приобретает конкретное языковое воплощение в слове «good» в английском языке и «добро» в русском языке. Конкретика языковой манифестации предполагает культурно-языковую специфику. Так, английское «good» толкуется как «what is good and beneficial, well-being, profit, benefit, advantage (is a power for good; deceive him for his (own) good; what good is it, what is the good of it, what good will it do?; much good may it do you!); be any, much, no, some good, be of any etc. use; come to (no) good yield (no) good result; do good, show kindness to, act philanthropically, be beneficial to; for good (and all), permanently and finally; in good in favour with; no good, useless (thing, person); (be \$1 etc.) to the good, (have) as net [profit, advantage, smth extra, etc.]» [Oxford: 427]. В русском языке «добро» предполагает «1. Все положительное, хорошее, полезное. Желать добра кому-н. От добра добра не ищут (посл.). Не к добру (предвещает дурное). Сделать много добра людям. Поминать добром (вспоминать с благодарностью, с хорошим чувством)» [Ожегов: 145]. Значения приведенных слов свидетельствуют о сосуществовании в них как универсального, так и национально-специфического. В английском добре больше пользы, что явствует из приведенных словарных дефиниций: «good» приравнивается к beneficial, advantageous, profitable, desirable. Русский язык акцентирует положительность добра. Так, универсальная категория бытия и познания приобретает ежедневно-бытовое, специфическое для данной культурно-языковой общности видение.

Несмотря на универсальный характер человеческого мышления, освоение окружающей реальности производится специфическим, присущим для данной национально-культурной общности способом, что и оказывается закрепленным языковыми средствами. Так, пространство, одинаково данное всем народам, познается и представлено посредством различных моделей. Первым свидетельством этому является очевидная

разница в номенклатуре пространственных предлогов и наречий. С другой стороны, разнятся и способы отражения пространственных отношений. То, что находит выражение и является необходимым для указания в одном языке, в другом опускается как само собой разумеющееся. Так, указание на направление взгляда в русских аналогах следующих английских предложений совершенно не обязательно, оно вытекает из существа ситуации, то есть из пространственного положения описываемых объектов или субъектов.

E.g. *Her foot swung to and fro. She stared down at it* (Christie 1969, 20). Ср.: Она качала ногой из стороны в сторону и смотрела на нее.

The sun blazed down upon the placid sea (Maurier, 137). Ср.: Солнце освещало спокойное море.

Once more he looked up at the sky, and this time a spot of rain fell onto his cheek (Maurier, 119). Ср.: Опять он посмотрел на небо, и в этот раз маленькая дождинка упала ему на лицо.

Очень точная и тщательная передача пространственных отношений является одной из характеристик английского предложения [Levinson 1996: 195; Slobin 1996: 78, 83]. Лексические единицы пространственной ориентации в английском высказывании создают детально разработанную карту действий. Так, нарисованная устами мисс Марпл сцена совершения преступления со всеми оттенками движений героев приобретает очевидность и зримую наглядность:

E.g. *Full of eagerness, Miss Marple led us out into the garden, and pointed out the lane that ran along by the bottom of her garden.*

“The path opposite with the stile leads to the Hall”, she explained. “That was the way they were going home together. Mrs. Protheroe came from the village”.

“Perfectly, perfectly”, said Colonel Melchett. “And she went across to the Vicarage, you say?” (Christie 1984, 58).

Пространство очень четко структурируется в английском языке, причем производится это именно за счет обильно используемых предлогов и наречий, детально и даже скрупулезно передающих пространственные отношения и не оставляющих реципиенту возможности что-либо домыслить, дорисовать в воображении за счет недосказанности. Все оттенки пространственной локализации эксплицированы за счет слов специальной семантики.

E.g. *“Yes, I think there was a shot somewhere in the woods. But quite five of ten minutes afterwards – and, as I say, out in the woods. <...> And then he went through the gate and down to the studio.<...> The church clock had chimed the half hour. They strolled out through the garden gate and along the lane, and,*

just at that minute, Dr. Stone came down the path leading to the hall, and climbed over the stile and joined them” (Christie 1984, 59).

Таким образом, вступает в действие специфика языкового кодирования, которая, в терминологии М. Бауерман, определяется языковыми принципами семантической категоризации (“language-specific principles of semantic categorization” [Bowerman 1996: 169-170]) и которая может быть дополнена различными способами репрезентации окружающей действительности в силу наличия и функционирования различных познавательных моделей, действующих несмотря на универсальный характер человеческого мышления и универсальный характер человеческого бытия.

Ярким примером языковых различий вследствие дифференциации в цивилизационном, технологическом развитии служат языковые представления человеческого жилища. Так, макрополе *house* в английском языке предполагает микрополе *smaller houses, larger houses, modern kinds of houses*. *Smaller houses* включают *cottage, hut, shack, hovel, shanty, cabin, chalet*. *Larger houses* предполагают *palace, mansion (house), country house, manor house, lodge, villa*. Современные дома в английском языке - “modern kinds of houses” – могут быть представлены как *detached house, semidetached house/ semi, villa, terraced house, bungalow, chalet* [Longman Lexicon 1981: 170-171]. Совершенно очевидно, что далеко не все из перечисленных слов имеют русские эквиваленты. Так, не имеется в русском языке слова для обозначения *terraced house* в силу отсутствия самого объекта. Интерес вызывает сравнение соответствующих функционально-семантических полей *квартира / flat* в русском и английском языках. В русском языке данное поле представлено такими единицами, как *хрущевка, полнометражная квартира, малометражная квартира, коммуналка, квартира в доме повышенной комфортности, квартира улучшенной планировки, малосемейка, квартира со всеми удобствами / без удобств, двухуровневая квартира*. Английская квартира получает языковую репрезентацию в виде *flat* Br E, *apartment* Am E – a set of rooms, especially on one floor, including a kitchen and a bathroom, usually one of many of such sets in a building or block; *apartment* especially Br E [usually pl.] a room, especially a large or splendid one, or one used by a particular person or group; *penthouse* an expensive set of rooms on the top floor of a large building; *bed-sitter* also *bed-sitting room, bed-sit* (infml) Br E a single room used for both living and sleeping in [Longman Lexicon 1981: 171]; *studio apartment* Am E, *studio flat* Br E a small apartment with one main room [Longman 1995: 1435]. Вполне естественно заключить, что такой разноразличной языковых средств является отражением разного жизненного уклада данных национально-культурных сообществ. В Британии основной

единицей жилища является дом, что на практике преломляется в различных технологических решениях. В России основной единицей человеческого жилья является квартира (известная цитата И. Ильфа и Е. Петрова «Москвичей испортил квартирный вопрос» относится еще к 20-ым годам прошлого века), следовательно, именно она является точкой приложения технологических усилий. Таким образом, цивилизационное развитие находит различные конкретные формы своего воплощения. И это неизбежно отражается в языке. Культурно-цивилизационный и технологический уровни различных лингво-культурных сообществ задают разные системы координат, которые опосредуются языком.

Все вышесказанное свидетельствует в пользу того, что наличие культурно-языковой специфики отнюдь не отменяет действия культурно-языковых универсалий. Языковые факты представляют богатый материал, указывающий на гетерогенный характер взаимодействия универсального и специфичного. Эта неоднозначность требует от исследователя тонкости и глубины анализа, отказа от априорных суждений, учета общего и частного, внимания к деталям, открытости теоретических построений и готовности корректировать ход исследования в связи со спецификой эмпирического материала, отказа от однозначных, максималистских утверждений. Необходимость соблюдения этих требований продиктована неоднозначным характером взаимодействия культуры и языка, обусловленным их знаковой природой, широким использованием символов и образов в языковой и культурной практике. Универсальное и культурно специфичное находит отражение в языке как системе, которая при анализе выстраивается в определенную языковую картину мира.

Лингвокультурологическое исследование неизбежно сталкивается с проблемой определения термина “языковая картина мира”. Это понятие вошло в лингвистический обиход еще с работ В. фон Гумбольдта и имеет широкое хождение в силу актуальности лингвокультурологических исследований. С другой стороны, термин “языковая картина мира”, несмотря на кажущуюся очевидность его значения, далек от определенности. Ю.Н. Караулов отмечает скованность лингвистов при оперировании этим понятием в строгом терминологическом смысле, придание ему метафорического характера [Караулов 1999: 89]. Однако его широкое употребление делает необходимым четкое определение самого термина и отграничение его от смежных, как например “модель мира”. Для того чтобы развести данные понятия, можно прибегнуть к помощи толкового словаря и разобраться в значениях слов “картина” и “модель”. Рассмотрение значений слова “картина” делает возможным выделение важнейших свойств данного понятия и в его терминологическом лингвистическом употреблении. “Картина” в словаре [Ожегов: 231]

означает “то, что можно видеть, обозревать или представлять в языковых образах”, а также “вид, состояние, положение чего-нибудь”. Большой толковый словарь русского языка дополняет первое из представленных здесь значений: “яркое и выразительное словесное изображение чего-нибудь” [БТСР: 419]. При этом изображение толкуется через образ, а образ определяется как “воспроизведение сознанием предметов и явлений внешнего мира” [БТСР: 682]. Следовательно, языковая картина мира несет в себе изображение мира при помощи языковых средств, которое и создает наглядное представление о предметах и явлениях окружающей действительности. В конечном итоге языковая картина мира есть воспроизведение в языке при помощи средств языка предметов и явлений окружающей действительности. Картина подразумевает целостное отражение, которое тем или иным способом воспроизводит положение, состояние предметов и явлений окружающего мира. Картина мира отражает действительность подобно тому, как отражает ее художественное полотно. Она отражает сами элементы в их различных состояниях, связях. Отражая мир в его бесконечном многообразии и целостности, языковая картина мира указывает на составляющие картины, их состояние, положение, то есть связи по отношению друг к другу.

“Языковая модель мира” терминологически порою употребляется синонимично “языковой картине мира”. При возможности их взаимозамены тем не менее необходимо указать на различия между этими терминами. Модель может означать “предмет, точно воспроизводящий в уменьшенном виде или в натуральную величину какой-либо другой предмет”, а также “схему, математическое описание устройства какого-либо физического объекта или процесса, протекающего где-нибудь” [БТСР: 550]. Таким образом, модель воспроизводит другой объект, представляя его схему, описывая устройство. Соответственно, языковая модель мира указывает на то, как мир устроен. Она акцентирует функциональный аспект данного типа представления. Языковая модель мира представляет возможное понимание устройства мира, выраженное при помощи языковых средств. Представляется, что языковая картина мира и языковая модель мира – термины не взаимозаменяемые и даже разнопорядковые. Модель мира представляет собою результат концептуализации мировоззренческих категорий культуры. И в этом смысле «языковая модель мира есть абстракция» [Шафиков 1999: 40]. Языковая модель мира предполагает языковое воплощение модели мира как таковой. Модель мира относится к объектам исследования культурологии, философии. Языковая модель мира изучается лингвокультурологами с целью выявления особенностей языкового воплощения модели мира. Языковая картина мира создается посредством

анализа лингвистического материала. В лингвокультурологию сведения о языковой картине мира черпаются из лингвистики. Таким образом, и языковая модель мира и языковая картина мира - термины лингвокультурологические. При этом языковая модель мира представляет языковые средства воплощения мировоззренческих категорий культуры. Языковая картина мира представляет предметы и явления окружающей действительности в их связях, целостности и многообразии, выраженные в языковых формах. В этом плане понятно определение языковой картины мира, данное Н.Ю. Шведовой. Она толкует языковую картину мира как “выработанное вековым опытом народа и осуществляемое средствами языковых номинаций изображение всего существующего как целостного и многочастного мира, в своем строении и в осмысляемых языком связях своих частей представляющего, во-первых, человека, его материальную и духовную жизнедеятельность и, во-вторых, все то, что его окружает: пространство и время, живую и неживую природу, область созданных человеком мифов и социум” [Шведова 1999: 15]. Требующим внимания и концептуально важным для определения языковой картины мира является то, что она «отображает знаковым способом» [Серебренников 1988: 6] окружающую действительность в ее целостности и многообразии с точки зрения опыта народа. Опыт народа и придает языковой картине мира культурологическую окраску. Опыт народа означает “совокупность знаний, навыков, умений, вынесенных из жизни, практической деятельности” [БТСР: 723]. Культура же включает опыт, поскольку толкуется как “совокупность достижений человеческого общества в производственной, общественной и духовной жизни” [БТСР: 479]. Языковая картина мира в силу опосредования языком предполагает языковое осмысление, связанность и окрашенность [Шведова 1999: 15]. В связи с этим представляется возможным выделить три плана языковой картины мира: “а) ее собственно “изобразительное полотно”, представляемое классами именуемых единиц; б) сеть языковых смыслов, охватывающих это полотно и понятийно связующих его участки, и в) сеть смыслов квалифицирующих, свободно передвигающихся по всему такому пространству и способных устремляться к разным его единицам и их множествам” [Шведова 1999: 15]. При этом языковая картина мира может предполагать различные изображения. Так, у Н.Ю. Шведовой языковая картина мира “предстает как развернутое полотно с изображенной на нем вершиной и с обращенными к ней участками, компоненты которых располагаются по принципу ступенчатого сужения”.

М.М. Маковский, дифференцируя термины “модель мира” и “картина мира”, считает, что картина мира вписана в модель мира. В его интерпретации модель мира структурирует картину мира и организует ее

согласно присущим ей принципам. Картина мира представляет собой «глобальный образ мира, репрезентирующий его свойства в том виде, в котором они осмысливаются его носителями, и являющийся интеграцией всех моментов психической жизни человека как представителя того или иного этноса на той или иной ступени их развития» [Маковский 1996: 15-16]. Эти рассуждения полностью снимают вопрос о первичности / вторичности языковой картины мира и языковой модели мира. Представляется, что первична модель мира. Она может быть репрезентирована как в языке, так и в других медиаторных средствах. Подтверждением этому служит и замечание Г.А. Золотовой: «Вся эта картина мира, вся жизнь человека (точнее человеческого общества) в мире, пропущенная сквозь коллективное человеческое сознание, отражается в языке и, находя в каждом языке соответствующие формы выражения, становится содержанием коммуникации» [Золотова 2001: 5]. В широком смысле модель мира имеет объяснительную силу, картина мира – описательную, констатирующую.

1.3. ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ

Воссоздание языковой картины мира невозможно осуществить без рассмотрения вопроса о языковой личности. Реальным, живым носителем культуры является личность. Так, И.П. Ильин указывает, что индивид – это «элемент культурной ткани» (цит. по [Степанов 2001а: 40]). Но эта же личность является и носителем языка. По сути, личность становится средоточием культурных и языковых сфер: в ней опредмечивается «душа языка» и мировидение человека [Вендина 2002: 42]. С нее начинаются и на ней замыкаются лингвокультурологические и языковые процессы. Воздействие культуры на язык осуществляется через языковую личность. Но и обратное движение своим рычагом имеет языковую личность.

Понятие языковой личности было введено в широкий лингвистический оборот Ю.Н. Карауловым. Вместе с тем появление данного термина имеет довольно долгую предысторию (см. обзор в [Залевская 2000: 94]) и в конечном итоге было обусловлено различными тенденциями в развитии лингвистической мысли. Прежде всего сосюрговская дихотомия «язык – речь» придает равное значение языку как системе, языку как абстракту, с одной стороны, и речевым образованиям, то есть реальному продукту функционирования этой системы, с другой. В свете этих воззрений определяющая и значимая роль

личности говорящего индивида давно нашла отражение в лингвистических исследованиях. Так, А. Мартине отмечал, что любые языковые изменения происходят внутри индивида. Язык же по сути представляет собою "совокупность миллионов микромиров" [Мартине 2000: 18] говорящих на нем субъектов. У. Вайнрайх, размышляя о языковых контактах, полагает, что "местом осуществления контакта являются индивиды, пользующиеся языком" [Вайнрайх 2000: 22]. Вторым фактором, способствующим обращению лингвистов к проблематике языковой личности, является приоритизация коммуникативной функции языка. Общение осуществляется индивидами. Следовательно, полноценное рассмотрение языка в отрыве от личности, говорящей на нем, невозможно. Третьим фактором, стимулировавшим исследования по проблематике языковой личности, стало вытекающее из первых двух понимание и осознание роли субъективного фактора в языке (см. серию АН СССР [Серебрянников 1988; Человеческий фактор 1991]). Таким образом, в результате многочисленных и многосторонних исследовательских усилий лингвисты пришли к логическому заключению о том, что все в языке вращается вокруг личности. Именно человек является точкой пересечения разнонаправленных векторов, именно личность является реализацией различных центробежных и центростремительных сил, именно в речи говорящего индивида происходит манифестация всех сложных и противоречивых процессов, касающихся сути языка.

Несмотря на долгую предысторию вопроса о языковой личности, в понимании и определении этого термина ощущалась размытость и отсутствие терминологической четкости. Широкая распространенность этого термина и его кажущаяся самоочевидность способствовали тому, что вопрос о внесении необходимой ясности в его трактовку не был сформулирован со всей заслуживающей этого остротой. Свободное оперирование данным термином и неоспоримость многих утверждений, как например: "любая языковая личность представляет собой многослойную и многокомпонентную парадигму речевых личностей" (Л.П. Клобукова, цит. по [Красных 2001:150]), "если языковая личность – это парадигма речевых личностей, то, наоборот, речевая личность – это языковая личность в парадигме реального общения" [Прохоров 1997], тем не менее не определяют существа языковой личности. Кроме того, положение осложняется появлением целого ряда параллельно, а иногда и синонимично употребляемых терминов: языковая личность, речевая личность, коммуникативная личность, человек говорящий, носитель языка, языконоситель, homo loquens. Так, В.В. Красных разграничивает три первых термина и проводит их иерархизацию. В ее понимании

“человек говорящий” выступает в трех ипостасях: как языковая личность, речевая личность и коммуникативная личность [Красных 2001: 150-152]. В такой интерпретации языковая личность приобретает системный аспект, это сама парадигма. Речевая личность акцентирует функциональный аспект, это элемент парадигмы. Коммуникативная личность – это личность, принимающая участие в коммуникации. Такая рубрикация соотносится с разграничением системных, функциональных и коммуникативных параметров высказывания. Все эти аспекты в представлении В.В. Красных реализуются в “человеке говорящем”, т.е. “личности, одним из видов деятельности которой является речевая деятельность (охватывающая как процесс порождения, так и процесс восприятия речевых произведений)” [Красных 2001: 151]. Нам видится несколько иное взаимоотношение перечисленных терминов. Полагаем, что homo loquens служит обозначению человека, владеющего языком. В широком смысле это “человек говорящий”: homo loquens можно отнести несмотря на парадоксальность высказывания и к глухому и к немому человеку. Homo loquens – это человек, наделенный языковой способностью. С другой стороны, это потенциальный коммуникатор, который может стать автором и/или реципиентом сообщения. Таким образом, сочетание homo loquens уступает место другому термину – “человек говорящий”. “Человек говорящий” предполагает индивида, могущего порождать и воспринимать тексты в силу имеющейся у него языковой способности. Человек говорящий – это тот, кто говорит. Говорить – значит быть участником разговора, т.е. порождать и воспринимать речевые сообщения, переданные посредством вербального языкового кода. Это двуединство в значении сочетания “человек говорящий” позволяет использовать его в различных терминологических контекстах. Как термин он очень удобен при описании процесса коммуникации, ибо позволяет объединить в одном имени продуцента и реципиента сообщения. С другой стороны, в широком смысле он может использоваться наряду с терминами «языковая личность» и “носитель языка”. Однако в “человеке говорящем” акцентирована речедетельностная сторона, в то время как языковая личность несет в себе результат сопряжения языкового, личностного и культурного начал. Таким образом, языковая личность с обязательностью предполагает определенное мировидение, связанное с культурной традицией этносоциума. Языковая личность являет собою совокупность системных, функциональных, культурологических параметров языконосителя. “Языковая личность” неизбежно влечет за собой такую свою ипостась, как национально-культурную специфику. По меткому замечанию Н.А. Бердяева, «человек входит в человечество через национальную

индивидуальность, как национальный человек, а не отвлеченный человек, как русский, француз, немец или англичанин» [Бердяев 1997: 85]. Такое понимание термина “языковая личность”, с поправкой на национально-культурную специфику, отличается от понимания, предложенного В.В. Красных. Наконец, сочетание “носитель языка”, а также “языконоситель”, встречающиеся у Д.С. Лихачева, акцентирует аутентичность языка, производимого индивидом.

В силу наибольшей степени отражения лингвокультурологической специфики термин “языковая личность” прочно закрепился в лингвокультурологических исследованиях и требует обстоятельного рассмотрения в рамках данной работы. В настоящее время языковая личность предполагает два феномена. Во-первых, это “любой носитель того или иного языка, охарактеризованный на основе анализа произведенных им текстов с точки зрения использования в этих текстах системных средств данного языка для отражения видения им окружающей действительности и для достижения определенных целей в этом мире”. Во-вторых, это “комплексный способ описания языковой способности индивида, соединяющий системное представление языка с функциональным анализом текстов” [Караулов 1999: 156]. Таким образом, сопоставление обиходного “носитель языка” и лингвистического понятия “языковая личность” подводит к заключению о приоритетном значении когнитивного (видение окружающей действительности), прагматического (достижение поставленной цели) компонентов при ведущей роли потенциального, продуцирующего компонента в духе коммуникативной компетенции. Наряду с определением получает конкретные очертания и структурная организация языковой личности. Наиболее разработанным этот вопрос предстает в работах Ю.Н. Караулова. Так, в структуре языковой личности он выделяет три уровня: нулевой, или вербально-грамматический, или грамматический и лексико-семантический, или структурно-системный; первый, или когнитивный, или лингвокогнитивный, или тезаурусный; второй, или мотивационный, или прагматический [Караулов 1987: 53; Караулов 1999: 156].

Первый из перечисленных, нулевой в трактовке Ю.Н. Караулова, уровень “принимается каждой языковой личностью как данность” [Караулов 1987: 53]. Он предполагает грамматически правильное владение языковыми единицами с учетом сочетаемостных возможностей лексических единиц. В языковом плане этому уровню соответствуют единицы вербально-грамматического кода. Тезаурусный, или когнитивный уровень представлен концептами, обобщенными понятиями. Этот уровень “включает не просто знание языка в узком смысле слова, а аккумулирует знание носителя языка о мире, то есть фиксирует наивно-

языковую картину мира” [Караулов 1999: 89]. И, наконец, прагматический уровень отвечает “за понимание позиции, места человека (говорящего) в мире”, определяется “мотивами, интересами, оценками и поведенческими установками личности” [Караулов 1999: 155]. В лингвистических терминах прагматический уровень включает дейксис, оценку и пресуппозицию как общий фонд знаний коммуникантов [Караулов 1999: 98].

Безусловно, подход Ю.Н. Караулова вносит конкретику и четкость в определение языковой личности и представление ее конструкта. Вместе с тем данная разработка проблемы структурной организации языковой личности порождает и ряд вопросов. Так, структура языковой личности в толковании Ю.Н. Караулова предполагает, что первый и второй уровни соотнесены с национальной культурой, испытывают ее влияние и отражают результаты лингво-культурного взаимодействия. Вопрос встает при рассмотрении нулевого, вербально-грамматического, или лексико-семантического, уровня. В предложенной выше трактовке этот уровень не имеет культурологической составляющей. Однако еще В.В. Виноградов отмечал, что «язык погружен в материальную действительность, отражая в семантике функциональные соотношения вещей, характеризующих ту или иную социальную среду. Вещи, действия, качества, обстоятельства, отношения функционально связаны между собой в единстве культуры (профессиональной, классовой, национальной и т. п.)» [Виноградов 1999: 111].

Все это вполне согласуется с сущностью номинации и вытекает из нее, ибо «номинация – это не просто обозначение предмета, а фиксация его абстрактной сущности в особой материальной форме – в знаке. <...> Идеальная сторона (составляющая неразрывное единство с материальной) не есть просто отображение предмета, а представляет собой закрепление преобразованного в сознании человека в процессе познания одного из бесчисленных свойств предмета» [Колшанский 1976: 13]. Какое из свойств окажется базовым для номинации и составляет этно-культурную специфику, отраженную как в процессе познания, так и в процессе вербализации сущности познанного.

Кроме того, «положение о языке как о действительном сознании дает возможность полагать, что в языковой системе реальная действительность отражается в таких формах, которые соотносятся как с логическим, так и с чувственным познанием мира. Таким образом, и оценка, и эмоции, и воля, и чувства находят закономерное выражение в языковой системе как осознанные явления, как осознанные факты эмоциональных переживаний, оценок и т.п. – в такой же степени, как и прочие объекты, включенные в психическую сферу человека» [Языковая

номинация 1977: 27]. А вместе со всем перечисленным в язык входит фактор культурной маркированности и детерминированности, напрямую связанный с эмоционально-чувственным освоением мира.

В этой связи нельзя не упомянуть о «субъективном содержании языкового знака», так называемых «личностных смыслах», включенных в значение языковой единицы [Леонтьев 1976: 55], которые формируются в результате познавательной и хозяйственной деятельности субъекта.

В свете вышесказанного становятся совершенно понятными утверждения М.М. Маковского о том, что «язык и слово – апофеоз человеческой культуры» [Маковский 1996а: 9], поскольку сами «... слова ... являются немymi свидетелями человеческой истории и культуры» [Маковский 1999: 17]². Все приведенные здесь рассуждения не могут не убедить в том, что «язык, как барометр, точно отражает все колебания и особенности нравов, обычаев, верований, способов мышления; в нем, как в зеркале, непосредственно отражаются различные модели «видения» мира, характерные для отдельных человеческих коллективов на протяжении их истории, а тем самым и различные возможности формирования и развития языковых значений и формы» [Маковский 1996с: 16].

Соответственно, языковой материал, размышления над ним, а также анализ существующих в лингвистике точек зрения на эту проблему приводят к мысли о том, что культурологическая компонента присутствует на всех уровнях структурной организации языковой личности, включая нулевой. Так утверждение, согласно которому семантика слова неоднозначна и сложна для интерпретатора, давно признается лингвистами³. Наряду с тем, что находит место в словарных дефинициях, в значении слова остается нечто трудно поддающееся идентификации, а тем более описанию, что можно объяснить тем фактом, что процесс формирования значений предполагает отбор элементов, релевантность которых известна всем носителям языка [Шмидт 1978: 105].

Таким образом, в процессе своего функционирования «слово накапливает разнообразную дополнительную информацию» [Тарасова 1992а: 33]⁴. Р. Ладо называет этот элемент культурным значением [Ладо 1989: 35-36, 51], Ч. Фриз определяет его как социо-культурное значение,

² Ср. сходное утверждение Ю. Ханна: «Вокабуляр – это инвентарная опись культуры (culture inventory)» [Hunn 1992: 423].

³ Ср. утверждение Р. Диксона: «Единицы в обычном языке нормально имеют достаточно широкую шкалу потенциального значения» (цит. по [Кох 1978: 150]).

⁴ Сходную точку зрения высказывает Р. Лангакер: «Все, что мы знаем о данном объекте, влияет на значение лексической единицы, служащей его обозначению» [Langacker 1994: 591].

Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров именуют его лексическим фоном [Верещагин, Костомаров 1983]. Подтверждением сказанному является и невольное замечание самого Ю.Н. Караулова о том, что элементы языковой картины мира “обнаруживаются на всех уровнях языковой системы - от фонетики до текста” [Караулов 1999: 90]. Ю.С. Степанов также подчеркивает, что “семантика какого бы то ни было языка - это не только типичные “пучки семантических признаков”, но и прежде всего отношения каждого “типичного пучка семантических признаков” к чему-то, находящемуся во внеязыковом мире, к какому-то объекту (отражение которого в сознании и закрепляется языком в “пучке признаков”)” [Степанов 2001а: 17]. Соответственно, национально-культурная специфика может проявляться в вариативности самих “пучков семантических признаков”, в вариативности набора признаков, составляющих данные “пучки”, и, наконец, в отношении “пучков” к окружающему миру.

Тот факт, что языковая семантика имеет национально-культурную специфику обусловлено еще одной особенностью семантики. По замечанию Ю.С. Степанова, семантика ценностна [Степанов 2001а: 15-16]. Важность данного утверждения связана с тем, что культура – это прежде всего система ценностей. Таким образом, язык как знаковая система и система, наделенная семантической информацией, содержит ценностный компонент, то есть компонент культурологического плана.

Точка зрения о культурологической маркированности всех уровней организационной структуры личности находит еще одно подтверждение со стороны выдвинутой Р. Шенком гипотезы об интегральном характере обработки естественного языка. Эта теория предполагает, что “обработка языковых данных представляет собой единый процесс и происходит параллельно на всех уровнях – синтаксическом, семантическом и прагматическом” [Герасимов, Петров 1988: 10].

Свидетельством давности и прочности традиции рассмотрения аспектов лингво-культурного взаимодействия в отечественном языкознании является труд В.В. Виноградова о языке А.С. Пушкина. Так, в своих размышлениях о языке А.С. Пушкина В.В. Виноградов не мог не остановиться на влиянии французского языка. Название посвященной этому явлению главы звучит в духе самых современных тенденций *«Русская литературная речь и «европейское мышление». Отражение французского языка в языке Пушкина»*.

В.В. Виноградов полагает, что «проблема французского языка равнялась проблеме «европейского мышления»» [Виноградов 2000: 259]. Вместе с присущей французскому языку той поры «строгими и

стройными, размеренными традиционными стилистическими формами», для которых присущи «стилистическая организованность», «прозрачность и точность выражений, в разработанной системе отвлеченных понятий», «стройность семантической системы», «ясность и точность его прозаических стилей» [Виноградов 2000: 260-261], в русский язык проникало европейское мышление, входила новая для русского общества XIX века культура. Так, В.В. Виноградов отмечает, что «наличие в быту таких понятий и характеров, для которых в русском языке еще не создано слов, побуждает Пушкина к канонизации, к переложению на русский лад тех французских слов, которые воспитывали и внушали соответствующую область мыслей и поведения» [Виноградов 2000: 287]. Более того, В.В. Виноградов конкретно связывает семантику и синтактику с национально специфическим образом мышления. Характеризуя словесное творчество Пушкина, В.В. Виноградов констатирует: «Пушкин, называя французский язык «языком мыслей», нередко исходит из той системы группировки, дифференциации и связи значений, которая была свойственна французской семантике» [Виноградов 2000: 286].

Однако влияние французского языка также касалось «группировки и соотношения грамматических разрядов слов» [Виноградов 2000: 301], «сдвигов грамматических категорий» (к примеру, «усиливается качественное значение в прилагательных относительных и происходит качественное преобразование форм причастий, которые сближаются теснее с категорией прилагательных» [Виноградов 2000: 305]). Синтаксис, фразообразование, а также внешняя синтагматика подверглись французскому влиянию [Виноградов 2000: 307, 313]. Все эти параметры языка связаны с формированием мысли, используются в качестве инструмента языкового сознания, формирующего мысль, а, следовательно, существуют бесспорные связи между лексикой, грамматической системой и семантикой языка и мышлением [Виноградов 2000: 348].

В силу всего вышесказанного представляется возможным предложить несколько иное толкование природы и характера взаимодействия уровней организационной структуры языковой личности. При этом культурологически маркированными, или культуросносными, оказываются единицы каждого уровня. Вербально-грамматический уровень предпочтительно было бы именовать семантико-синтаксическим, или структурно-семантическим. Он включает три класса языковых парадигм и представлен, таким образом, единицами всех ярусов языковой системы «от фонетики до текста» (Ю.Н. Караулов). Структурно-семантический уровень предполагает существование семантических, синтаксических и прагматических парадигм. Общим признаком

семантических парадигм является “отношение к онтологическому, внеязыковому классу объектов” [Степанов 1989: 89]. Понимание синтактики как отношения знаков друг к другу позволяет выделить структурообразующие возможности знаков в качестве общего признака таких парадигм. Семантические и синтаксические признаки могут выступать порой в “склеенном” виде [Степанов 1989: 91]. Кроме семантических и синтаксических парадигм структурно-семантический уровень включает и прагматические (или локационные) парадигмы. Прагматические парадигмы имеют “в качестве общего признака отношение к участнику речи” [Степанов 1989: 92]. При этом прагматические парадигмы отвечают за “ориентацию высказывания по отношению к участнику речевого акта “я”, “ты”, “он” на основе координат “я – здесь – сейчас” [Степанов 1989: 87]. Таким образом, три класса языковых парадигм соответствуют трем функциям языка [Степанов 1989: 88-89].

Все вышеизложенное позволяет прийти к заключению о том, что структурно-семантический уровень – это уровень владения единицами языковой системы. Причем механизм действия культурологической компоненты на этом уровне зачастую скрыт от внешнего наблюдения. Латентный характер культурологической детерминированности заключается в осуществлении выбора носителем языка лексико-грамматических средств, адекватных ситуации говорения. При этом носитель языка оперирует единицами языка бессознательно, а потому объяснение причин использования той или иной единицы представляет значительную трудность для грамматистов [Close 1994: V, 64-65]. Он не задумывается о природе культурологической маркированности. Он черпает это знание вместе со знанием родного языка и социо-культурного контекста. Причем язык и культура уже на этом уровне переплетены настолько тесно, что выступают как единый комплекс, как культурно-языковой код, обеспечивающий доступ к эффективной коммуникации.

Второй уровень, когнитивный, или лингвокогнитивный, предполагает определенную степень владения когнитивными механизмами языка, представленными в виде концептов, фреймов. В данном случае речь идет о владении механизмами познания действительности, имеющими фиксированное языковое выражение. Культурологическая маркированность присуща единицам этого уровня в силу того, что язык способствует последовательному закреплению в когнитивных моделях: концептах, сценариях, фреймах, схемах – определенных знаний о мире, имеющих широкое хождение в данной лингво-культурном сообществе. Соответственно, эти знания тесно переплетены со строго специфицированным социокультурным

контекстом. Таким образом, когнитивный анализ языкового поведения дает возможность расшифровать модусную, или деятельностную, а также социально-психологическую составляющие культуры.

Наконец, третий уровень, прагматико-экстралингвистический (в отличие от языковой прагматической парадигмы) предполагает владение культурной базой, обеспечивающей реализацию коммуникативных потребностей личности. Иными словами, в данном случае речь идет об уровне культурности. При этом культурность понимается как “степень общественного и умственного развития, присущая кому-либо” [Ожегов 1985: 268].

Уровень культурности включает в себя пресуппозицию, паралингвистические средства, мотивационную базу говорящего. Связь третьего уровня с культурой очевидна. Пресуппозиция понимается как общий фонд знаний говорящего и слушающего. Она включает в себя знание достижений культуры данного сообщества: реалии, прецедентные тексты, которые как “фонд национальной памяти” [Караулов 1999: 99], являются частью культурного наследия. Пресуппозиция охватывает и знание определенных требований культуры к проведению разговора, то есть “вербальные реакции в конкретных культурных сферах и условиях” [Гак 1998: 142], к стратегическому планированию коммуникации (структурная организация дискурса). Культурность предполагает владение паралингвистическими средствами, являющимися частью обиходной культуры. Несомненный интерес представляет собой исследование культурологической обусловленности мотивационной базы говорящего субъекта – носителя языка.

Представляется, что прагматико-экстралингвистический уровень можно означить как уровень культурности, или культурный менталитет. Использование данного термина позволяет избежать двойного употребления и, соответственно, амбивалентности термина “прагматика” (ср. прагматику как элемент лексико-грамматического уровня и прагматику в широком смысле слова [Караулов 1999: 95-96] как ядро прагматико-экстралингвистического уровня). По сути, анализ культурного менталитета раскрывает лингвострановедческую специфику языка, способствует декодированию поведенческого кода.

Поскольку «в основе мировидения и миропонимания каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем» [Леонтьев 2001: 117], анализ взаимодействия всех трех уровней структуры языковой личности способствует воссозданию языковой картины мира. Причем такое понимание языковой структуры личности дает четкое представление о характере связей языка и культуры на каждом уровне. В силу всего выше

сказанного очевидно, что культурологический анализ языковых единиц можно проводить по ярусам языковой системы, а также по уровням организации языковой личности.

Рациональность второго из названных выше подходов продиктована матричным устройством структуры языковой личности. Последовательно используемая матрица дает возможность систематизации языковых средств культурной детерминированности. В результате этого процесса создается алгоритм поиска области функционирования и дальнейшего описания характера взаимодействия языка и культуры.

Третьим подходом к целостному анализу культурологической маркированности, или национально-культурной специфики языковых единиц является анализ текстового целого. При этом текст понимается не только как “связная совокупность высказываний” [Степанов 2001а: 36], “единое семантическое пространство” [Николаева 2000: 418] но и как культурологическое единство, некое культурологическое пространство, на которое распространяются все законы, действующие в рамках данного культурного целого. В таком случае культурологическая маркированность единиц, вплетенных в полотно текста, будет выявлена за счет ономазиологического подхода, который “стирает грани между уровнями языка, показывая как средства различных уровней дополняют друг друга и взаимодействуют друг с другом при выражении определенных значений” [Гак 1998: 188].

1.4. ЕДИНИЦЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Взаимодействие языка и культуры выражается, во-первых, в тесных связях этих двух явлений, что было неоднократно продемонстрировано выше. Во-вторых, оно приобретает форму причинно-следственной цепи. Причем и причиной и следствием может попеременно выступать каждая из названных сущностей. И язык и культура условием своего существования имеют семиотическое пространство, то есть семиосферу [Лотман 1999: 163]. Обусловленные взаимным нахождением в семиосфере, и язык и культура характеризуются семиотической природой. В этой связи Ю.М. Лотман отмечает, что “любой отдельный человек оказывается погруженным в некоторое семиотическое пространство, и только в силу взаимодействия с этим пространством он способен функционировать. Неразложимым работающим механизмом – единицей семиозиса – следует считать не отдельный язык, а все присущее данной

культуре семиотическое пространство” [Лотман 1999: 165]. Это наблюдение с неизбежностью подводит к выводу о существовании лингво-культурного кода, который и действует в пределах данного семиотического пространства. Лингво-культурный код следует понимать как инструмент, который обеспечивает полноценную коммуникацию в пределах данного семиотического пространства. Лингво-культурный код представляет собой систему лингво-культурных соответствий, организованных согласно заложенной матрице, роль которой выполняет структурная организация языковой личности.

Признание за языком потенциальной возможности выполнения им роли лингво-культурного кода позволяет более широко смотреть на языковые факты, обнаруживать в них дополнительный пласт информации, относящейся к культурному пространству - семиосфере, которая, по словам Ю.М. Лотмана, является и результатом и условием развития культуры [Лотман 1999: 166]. В этом же пространстве функционирует языковая личность. Языковая личность представляет собой матрицу, в которую укладываются элементы лингво-культурного кода. Структурирование и организация элементов лингво-культурного кода в рамках матрицы производится в соответствии с устройством самой матрицы. Матричное устройство языковой личности, то есть описанная выше структура ее организации, обеспечивает наличие ключа к дешифровке других, созданных и существующих в этом пространстве объектов и явлений.

Понятие лингво-культурного кода служит надежной объяснительной базой теории обусловленного означивания М.М. Маковского. Он полагает, что связь означаемого и означающего в слове комплиментарна, “каждое отдельное слово того или иного языка представляет собой уникальное образование. Организованное на основе присущих только ему комбинаторных схем и обладающее в связи с этим уникальными качественными и количественными свойствами” [Маковский 1989: 9]. Необходимо отметить, что данная теория находит себе все больше сторонников, полагающих, что выбор мотивирующего признака в акте номинации не носит случайного характера [Вендина 2002: 43].

Понятие лингво-культурного кода также соотносится и смыкается с введенным Р. и С.В. Сколлонами понятием системы дискурса (discourse system) из области теории межкультурной коммуникации [Scollon & Scollon 1995]. Согласно Р. и С.В. Сколлонам, система дискурса замыкает говорящего в черте идентифицирующего его языка и облегчает коммуникацию с подобными языковыми личностями. Идентифицирующая сила языка, о которой пишут Р. и С.В. Сколлоны

[Scollon & Scollon 1995: XI], связана именно с существованием языка как лингво-культурного кода. Лингво-культурный код обслуживает систему дискурса и является основой ее единства для всех членов данной системы. Таким образом, аппарат лингвокультурологического исследования позволяет дать лингвистическое определение системе дискурса, отсутствующее в исследовании Р. и С.В. Сколлонов. Систему дискурса следует понимать как систему взаимодействия языковых личностей, объединенных единым лингво-культурным кодом. Понятие системы дискурса акцентирует коммуникативные возможности языка, выступающего в качестве лингво-культурного кода. В данном случае речь идет о коммуникативном потенциале и роли языка в процессе коммуникации. Использование термина «система» подчеркивает однопорядковость, однородность коммуникантов, являющейся следствием их принадлежности одной лингво-культурной общности. С другой стороны, этот термин подчеркивает определенную, а именно системную организацию языковых средств в процессе коммуникации. Таким образом, лингво-культурный код осуществляет связь в рамках системы дискурса. Соответственно, лингво-культурный код, система дискурса и семиотическое пространство являются тремя коррелирующими терминами. Лингво-культурный код служит каналом связи в системе дискурса. А вместе они существуют и обусловлены семиотическим пространством, определяющим сферу существования этнокультурной общности.

Для проведения целостного, полноформатного, последовательного и квалифицированного лингвокультурологического исследования необходимо подробно остановиться на специфическом терминологическом аппарате, который выполняет роль инструмента анализа. Данный вопрос является довольно сложным в силу диссипативного характера самого термина «лингвокультурология».

Лингвокультурология, или первоначально лингвострановедение, не являются абсолютно новыми направлениями филологических штудий. Лингвокультурология - это современное развитие идей этнолингвистики. Как известно, в центр исследовательских интересов этнолингвистов было положено соотношение *язык ÷ этнос*. Язык полагали «основным, ярчайшим и устойчивым показателем этноса» [Толстой 1997: 311]. В связи с пониманием важности связей языка и общества начала развиваться социоллингвистика. Она дополнила этнолингвистику с ее сосредоточенностью на диахроническом срезе данными изучения синхронических процессов. Такое изменение акцента становится вполне понятным в связи с осознанием первостепенности социально-экономических и государственно-политических процессов и

преобразований, которые оказывают серьезное воздействие на соотношение язык+этнос [Толстой 1997: 311]. Кроме этого в поле зрения лингвистов с различными исследовательскими интересами стали попадать данные связи языка и культуры. Так, в лингвокультурологии на первое место в соотношении *язык ≠ культура* выдвинулся язык. Лингвистические данные стали доминирующими в лингвострановедении. В конечном итоге в настоящее время необходимо определить наиболее подходящий термин, а также четко ограничить объем исследований, очертить сферу интересов, обозначить предмет исследования, выявить основные методы. Представляется, что лингвокультурология имеет синтезирующий характер [Воробьев 1993: 44; Красных 2002: 12-13], являясь “комплексной пограничной наукой, стоящей на грани” лингвистики, этнографии, фольклористики, культурологии, социологии, “опирающейся во многом на их источники и достижения и пользующейся, как многие другие современные научные дисциплины, комплексными методами” [Толстой 1997: 315].

Лингвокультурология как филологическая дисциплина, которая изучает предварительно отобранное множество духовных ценностей и опыта языковой личности данной национально-культурной общности, непосредственно ориентируется на проявления взаимодействия языка и культуры. Лингвокультурология определяется как «дисциплина, изучающая проявление, отражение и фиксацию культуры в языке и дискурсе» [Красных 2002: 12]. Проблема возникает при выборе единиц проведения такого исследования. Так, В.В. Воробьев, поставив в центр исследования проблемы взаимосвязи языка, нации (национальной личности) и культуры [Воробьев 1997: 295], в качестве единицы исследования предлагает архикультурему, лексическую единицу с культуруноносной семантической долей. Методом проведения исследования он считает образование семантического поля вокруг единиц подобного рода. Единицы данного семантического поля раскрывают содержание архикультуры и сами могут образовывать микрополя. Таким образом, данный подход требует отбора духовных ценностей и опыта языковой личности. Хотелось бы отметить в этом отношении, что такая задача вряд ли относится к сфере чистой филологии. Она больше соответствует этнокультурологическим или этнопсихологическим исследованиям. Другое дело, если на первый план в качестве искомым и изучаемых единиц исследования будут предложены языковые единицы, которые и должны быть подвергнуты анализу с целью выявления их принадлежности к культурологическим, или культуруносным элементам. Лингвокультурология в толковании В.В. Воробьева сужает границы

своего приложения, концентрируясь исключительно на лексических единицах, включая фразеологизмы.

Сходной точки зрения на объект лингвокультурологии придерживается Н.Г. Брагина. Объектом лингвокультурологического исследования она считает стабильные, культурно маркированные словосочетания, особенно те, которые принадлежат сфере нематериальной культуры. В данном случае речь идет о существительных абстрактной семантики, обозначающих мир человека: его чувства, мысли, межличностные отношения [Брагина 1999: 132-133, 136]. Такого же, узкого, подхода к выделению единицы лингвокультурологического анализа придерживается В.Г. Гак. В качестве объекта лингвострановедческого исследования он предлагает культуру, то есть совокупность определенных знаков, при помощи которых может рассматриваться культура. Структурными компонентами культуры в такой интерпретации являются ее план выражения, план содержания и сама реалья (прагма, в терминах В.Г. Гака) [Гак 1998: 142].

Близкой точки зрения, ограничивающей область исследования лингвокультурологии лексическими единицами, придерживаются и авторы терминов “фоновая лексика” и “логоэпистема”. Логоэпистемы – это единицы, “которые являются формой вербализации смыслов, вкладываемых человеком в свои творения и действия” [Костомаров, Бурвикова 2000: 3]. Логоэпистемы могут находить выражение в единицах языка, относящимся к разным ярусам языковой системы. Задействованными могут оказаться слова, словосочетания, предложения, сверхфразовые единства: *обломовщина*, “*Все смешалось в доме Облонских*”, “*Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!*”, “*Люблю тебя, Петра творенье!*” (примеры взяты из [Костомаров, Бурвикова 2000: 4]). Данные примеры свидетельствуют о символичности логоэпистем. Логоэпистема выступает символом духовной культуры, выраженной в языковой форме. Это единица усвоения лингвострановедческой информации, единица описания текста в лингвострановедческом аспекте. Логоэпистема суть свернутый текст, квант культурологической информации. С точки зрения культурологии логоэпистема в материальном виде (посредством единиц языка) воплощает знания, мысли, традиции, обычаи, приметы, представления. Она передает особенности национального характера, будучи способом его наивной экспликации. Логоэпистема символична и семиотична. Она соотносится с другими текстами, то есть обладает свойством герменевтичности. Логоэпистема дидактична, так как каналом ее получения может быть не только язык, но и культура [Костомаров, Бурвикова 2000: 5].

Несмотря на культурологическую отнесенность, которая способствует безусловной привлекательности данного термина, область его применения ограничивается текстовым уровнем. Логоэпистема является средством измерения концентрации культуры за счет соотношенности с другими культурными предметами. В этом состоит специфика исследовательской ориентации логоэпистемы.

Другой попыткой избежать необходимости оперирования словом при проведении лингвокультурологического анализа является выделение в качестве соответствующей единицы одного из компонентов значения. Речь идет о культурной коннотации В.Н. Телия. В трактовке В.Н. Телия культурная коннотация понимается как «в самом общем виде интерпретация денотативного или образно мотивированного, квазиденотативного, аспектов значения в категориях культуры» [Телия 1998]. Таким образом, культурная коннотация как средство выражения национально-культурной специфики имеет образное основание. Однако этим характеризуются далеко не все этноспецифические единицы языка (ср. рус. *премьер-министр* и англ. *Prime Minister*, слова неполного соответствия типа школа / school, подарок / gift, land и т. д.)⁵.

Кроме того, в соответствии с результатами исследования В.Н. Телия, можно констатировать, что культурная коннотация в силу своей природы функционирует исключительно в рамках фразеологического состава языка, оставляя вне поля исследования все остальное языковое пространство. Кроме того, необходимо отметить крайнюю перегруженность термина «коннотация», чтобы «привязывать» к ней еще и этнокультурное содержание.

Единицей лингвокультурологического исследования могла бы стать культурологическая лакуна, свидетельствующая о расхождении, несовпадении локальных культур. Однако данный термин сужает методологическую базу лингвокультурологического исследования до сопоставительной части, ибо «лакуны, вообще говоря, это термин для того, что есть в одной локальной культуре и чего нет в другой [Текст 1989: 85]. Кроме того, разработанная типология лакун убедительно доказывает их возможности как инструмента при исследовании понимания текста, так как культурная лакуна вскрывает пробелы, трудности при дешифровке смысла текста представителем инокультуры. И, наконец, лакуна как единица лингвокультурологического анализа значительно ограничивает объект исследования, в качестве которого выступает текст.

Поскольку культураносность ярко проявляется прежде всего на материале лексических единиц, был предложен термин “фоновая

⁵ Более подробный анализ данных единиц будет дан ниже.

лексика”. Фоновая лексика представляет собою слова с неполноэквивалентностью фонов, которая обусловлена существованием дополнительных семантических долей, то есть признаков, критериев, по которым предмет включается или не включается в объем лексического понятия [Верещагин, Костомаров 1983: 59]. Образующийся таким образом лексический фон, представляющий всю совокупность непонятных семантических долей, покрывает фоновые знания о географических, исторических и культурологических особенностях слова, являющихся достоянием не отдельного человека, а «массового, общественного, то есть языкового, сознания» [Верещагин, Костомаров 1983: 57-58]. Фоновая лексика составляет предметную область лингвострановедения. По сути, ею становятся явления культуры и их реалии.

Однако следует отметить, что “в культуре нет ни чисто материальных, ни чисто духовных явлений, те и другие идут парами” [Степанов 2001б: 604]. Соответственно, культуроносными, связанными с национальными особенностями языконосителей, могут быть и языковые единицы, принадлежащие другим стратамам языковой системы. Анализу должны быть подвергнуты и грамматические явления. Осознанием необходимости этого обусловлены психологические объяснения грамматических явлений, которые уже имели место в грамматиках, однако не раз подвергались критике на разных этапах лингвистической мысли (см. [Верховская 1980: 12]). Вместе с тем дух народа ищет выхода и на уровне фонетики, и на уровне грамматики, и на уровне лексики, и на уровне текста. Таким образом, лингвокультурологическое исследование может исходить из разнообразных фактов языка и находить в них подтверждение особенностям взаимосвязи языка, нации и культуры. При этом объяснения лингвокультурологического плана, которые могли бы раскрыть особенности функционирования языковых явлений, должны базироваться на аппарате лингвистики, что, безусловно, придавало бы этому направлению исследований большую филологическую строгость и четкость.

Именно такой подход обеспечивает единообразие и научную определенность. Интуитивность, кажущаяся понятность и практическая неуловимость конкретного объекта исследования лингвокультурологии делает подобные исследования весьма сложными и не строгими в научном плане, что вызывает необходимость определить в терминах лингвистики конкретные проявления взаимосвязи языка, нации (национальной личности) и культуры.

Возникает вопрос о том, что должно быть поставлено во главу угла при проведении лингвокультурологического исследования. Представляется, что адекватными инструментами проведения

лингвокультурологического анализа являются понятия культурологической маркированности, культурологической компоненты и лингво-культурного кода. Как было отмечено выше, лингвокультурология ставит в центр своих исследований анализ лингво-культурного взаимодействия, проявляющегося в лингво-культурной специфике. Таким образом, речь идет о культурологической маркированности, которая окрашивает языковые явления в тона национального колорита.

Культурологическая маркированность как явление реализуется за счет приведения в действие культурологической компоненты создаваемого языковой единицей информативного поля. В информативном плане культурологическая компонента - это культурно-ценностная информация, совмещенная с языковым значением и локализованная в единицах языковой системы. Культурологическая компонента может находить выражение в языковых единицах, относящихся к разным ярусам языковой системы. Это обстоятельство усложняет задачу локализации и идентификации культурологической компоненты.

Основной вопрос методики лингвокультурологического исследования состоит в том, как определить наличие культурологической компоненты. Задача усложняется тем, что, как было отмечено выше, данная единица может локализовываться на разных ярусах языковой системы. Яркое проявление находит культурологическая компонента в речи. Именно речь становится лакмусовой бумажкой, “проявляющим составом” для культурологического элемента. С другой стороны, он зафиксирован в сознании носителей языка, но подчас никоим образом не отражен в традиционных словарях и грамматиках прескриптивного толка. Выход из данной ситуации наметился в результате разработки словарей и грамматик нового поколения (см. [Leech, Svartvik 1983; Close 1994; Longman Culture 1992; Longman Grammar 2000; Американа 1996].

Однако последствием традиционной постановки вопроса стало то, что культурологическая компонента в силу кажущейся неувимости и незафиксированности была выведена за рамки лингвистических штудий. Пересмотр сложившегося положения дел стал возможен в связи с изменением направления филологических изысканий. Когда в центр исследований был поставлен субъективный фактор в языке, свет увидела новая научная парадигма. Прескриптивизм и “камерность” уступили место работе с живой и гибкой речевой деятельностью. Это расширило понимание сущности и самого языка. Оказалось, что язык как некий абстракт, как система столь же гибок и дает возможность его носителю действовать в языковом пространстве в поисках наилучшего способа отражения мира и выражения собственной личности. Кроме того,

выяснилось, что язык, выступая как конструкт, тем не менее отражает особенности той национально-культурной общности, которую он обслуживает. Язык “служит средним звеном между миром познаваемых предметов и в этом смысле совмещает в себе объективность и субъективность” [Потебня 1999: 31]. Таким образом, за универсальностью языка скрывается национальная специфика точно так же, как биологическое существо *homo sapiens* имеет специфические черты национальных выражений.

Задача, которая стоит перед лингвистами, заключается в определении способа выражения культурологической маркированности, которая реализуется в виде культурологической компоненты. Культурологическая маркированность акцентирует процессуальный характер лингво-культурного взаимодействия, находящего то или иное языковое выражение. Термин “культурологическая компонента” ассоциируется со структурой значения, с семантикой языковой единицы.

Вопрос идентификации и локализации культурологической компоненты имеет принципиальное значение для будущего лингвокультурологических исследований. Успешность такого рода анализа позволит четко определить источник культурологической компоненты и ее функционирование в рамках слова. Соответственно, результат подобных исследований будет способствовать обретению лингвокультурологией подлинного лингвистического статуса за счет использования строго лингвистического аппарата исследования. Кроме того, проведенная таким образом идентификация культурологической компоненты могла бы иметь практическим следствием перспективы лексикографического плана. Установление соответствий между культурологической компонентой и ее носителем в рамках структуры лексического значения способствовало бы последовательному выделению в словаре культурологической компоненты и зоны ее локализации.

Вопрос о методике выявления национально-культурной специфики находит различное освещение в лингвокультурологических исследованиях. Соответственно, определение способа выделения национально-культурной специфики, то есть культурологической маркированности в терминах данной работы, осуществляется с различных позиций. Так, с точки зрения Б. Малиновского являющееся результатом взаимодействия языка и культуры сочетание лингвистических и антропологических данных находит отражение в теории контекста ситуации. Данная теория согласуется с пониманием Б. Малиновским языка как живой речи в контексте речевого поведения [Malinowski 1949]. Семантическая концепция на этнографической почве, разработанная Б. Малиновским, направлена на исследование языка в “контексте культуры”,

в который включены система идей, проявления законов, правил, действий и моральных ценностей, связанных с употреблением данных слов. Современное звучание теории Б. Малиновского и глубина идей объясняют неизменный интерес, с которым обращаются к данной концепции современные исследователи (см., например: [Белов 2002]).

Целенаправленные и теоретически выдержанные попытки выделения сферы лексического значения, связанные с передачей культурной информации, были предприняты в ряде работ Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова [Верещагин, Костомаров 1980; Верещагин, Костомаров 1983]. Они связали передачу культурной информации с внепонятийными семантическими долями, основываясь на интерпретации лексического значения, представленного при помощи знаменитого треугольника К. Огдена и И. Ричардса.

Для локализации культурологической компоненты (при вышеозначенном понимании культуры) также считаем целесообразным использовать знаменитый треугольник К. Огдена и И. Ричардса. Этот треугольник связывает знак, мысль и предмет, то есть слово, понятие и референт. В этой связи на себя обращает внимание тот факт, что каждый из этих элементов может быть источником культурологической отнесенности и, таким образом, способствовать культурологической маркированности лексической единицы.

Примеры, когда культурологическая маркированность обусловлена особенностями референта, уже приведены выше. Это слова, обозначающие всевозможные реалии, характеризующие жизненный уклад лингво-культурного сообщества. Природа таких лексических единиц очевидна: она обусловлена окружающей реальной действительностью. Вместе с тем культурологической маркированностью может характеризоваться не слово и не референт как таковые, а понятие, обозначаемое данной лексической единицей, например: *Prime Minister* в Великобритании и *премьер-министр* в России в понятийном плане далеко не однозначны. Доказательством этого являются функции и круг полномочий данного должностного лица в обеих вышеназванных странах. Таким образом, при существовании в русском языке одноименного референта и самого имени «премьер министр» понятие, стоящее за английским словом, не равнозначно понятию, называемому эквивалентным словом русского языка.

Наконец, культурологическая маркированность может осуществляться в рамках самого языкового знака в силу того, что он может порождать «культурно обусловленные образы» [Seelye 1993: XIII]. Эта способность лексической единицы обусловлена сложным характером передаваемой ею лексико-семантической информации. Эта информация,

составляющая план содержания лексической единицы, «включает в себя не только лексическое значение, но и прагматическую и синтаксическую информацию, отражающую требования данной лексики к ситуативному и языковому контексту» [Кобозева 2000: 79]. Структура лексико-семантической информации включает в себя сигнификативный, денотативный, прагматический и синтаксический компоненты. Сигнификативный компонент, то есть ядро лексического значения слова, связан с отражением действительности в сознании человека. Сигнификат слова предполагает «совокупность существенных признаков обозначаемых словом объектов» [Кобозева 2000: 81]. «Денотат определяется как связанный с данным словом в сознании носителя языка целостный образ типичного, эталонного представителя соответствующего данному слову класса сущностей» [Кобозева 2000: 83]. Прагматический слой значения слова «содержит информацию об отношении человека, использующего данное слово, к обозначаемому слову объекту или к адресату сообщения, а также специфическую для данной лексики информацию о тех речевых действиях, которые можно осуществлять с ее помощью (о ее прагматических функциях)» [Кобозева 2000: 87].

Культурологически маркированным может быть любой слой значения слова. Так, культурологическая компонента может быть локализована в сигнификативном слое значения. Наглядным примером этого является слово *school* / *школа*. Анализ семантической структуры английского слова выявляет более широкие возможности его использования вследствие более широкой концептуальной области, которую он покрывает. Слово *school* обозначает и учреждение, и здание, и собрание людей, и учебную деятельность, и тип образовательного учреждения. Словарь русского языка [цит. по Бибок 1996: 159] не вычленяет значения деятельности и собрания людей. Не дифференцированы значения «здание» и «учреждение». Русское понятие «школа» уже понятия, выраженного соответствующим английским словом. Так, *the School of Foreign Languages* может означать факультет иностранных языков, *School broke up* - занятия закончились, начинаются каникулы, *School is over* – школьный год подошел к концу. Предложение *I go to school* означает не только обучение в средней школе, но может быть приложимо к обучению различного рода (курсы, университет, колледж). Для русскоговорящих все это означается разными словами.

Таким образом, культурологическая компонента может иметь источником «несоразмерности» значения лексических единиц, «несовпадение систем многозначных слов в разных языках» [Томахин 1980: 80]. Речь в данном случае идет о так называемых единицах неполного соответствия (термин Ю.Д. Апресяна [Апресян 1979ст: 504]).

Дело в том, что случаи полного совпадения значений слов любых двух языков относительно редки [Бархударов 1980: 11-15]. Зачастую слова не имеют адекватных переводных эквивалентов и при переводе теряют компоненты, составляющие денотативное значение данного слова (именно это обстоятельство представляет собой весомый аргумент в пользу признания переводимости не абсолютным, а относительным понятием [Швейцер 1988: 10]). “Такая лексическая “несоизмеримость” характерна прежде всего для слов с достаточно сложным значением: чем больше разных идей впрессовано в одно значение, тем больше вероятность того, что комбинация идей окажется уникальной. <...> Однако иной раз относительно несложные значения обнаруживают аналогичную несоизмеримость” [Апресян 1979ст: 505]. Так, в синонимическом словаре [Апресян 1979] в качестве примеров подобного рода приведены лексические единицы *thrill, abandon, fire*, синонимический ряд *help – aid – assist* [Апресян 1979ст: 504-506]. Таким образом, культурологически маркированная лексика может иметь различия в сигнификативном компоненте значения лексической единицы, что, безусловно, является следствием различий в категоризации мира, свидетельствует о разном подходе «к вычленению отличительных свойств предметов, на основании которых складываются понятия» [Томахин 1980: 80].

Культурологической маркированностью может характеризоваться виртуальный денотат лексемы, который связан с образным слоем значения. Денотат является «ментальным отражением объекта действительности, но при этом противостоит сигнификату как нерасчлененное, целостное, неотрефлексированное представление об объекте его рациональному, аналитическому представлению в виде определенной комбинации признаков» [Кобозева 2000: 83]. Так, денотативное значение русских слов “душа”, “судьба”, “тоска” имеет ощутимую культурологическую маркированность. А. Вежицкая полагает, что в них раскрывается и отражается русский национальный характер, что предопределяет их уникальность для русской культуры [Вежицкая 1997: 33].

Прагматический компонент значения слова также может подвергнуться культурологической маркированности. Прагматическая информация предполагает отношение говорящего к обозначаемому или к адресату за счет коннотаций, а также потенциальных и скрытых сем⁶.

⁶ Данная интерпретация прагматической информации отличается от точки зрения, представленной в [Кобозева 2000:87-94]. И.М. Кобозева трактует прагматическую информацию в лексическом значении как неоднородную по своему составу. Она выражает отношение говорящего к обозначаемому и к адресату, а также может соотноситься с

О культурологической маркированности могут свидетельствовать и коннотативные семы, “выражающие не существенные, но устойчивые признаки выражаемого ... понятия” [Апресян 1995б: 159], “связанные с отношениями оценки, эмоции, экспрессивностью и функционально-стилистической отнесенностью” [Арнольд 1979: 12]. Примером национально-культурной специфики могут служить коннотативные семы отрицательной оценки у английского прилагательного *cheap*. Русское выражение *Это дешево* желательно передать английским *It is a good bargain*, поскольку использование эквивалента *cheap* придаст английскому высказыванию отрицательную окраску.

Культурологическая маркированность может быть обусловлена потенциальными и скрытыми семами, то есть “теми компонентами значения, которые выявляются через сочетаемостные возможности” [Арнольд 1979: 10]. Порою культурологическая специфика наиболее ярко высвечивается при реализации словом его сочетаемостных потенций, в синтагматических связях. Это связано с тем, что слово совмещает в себе языковую семантику и знания о мире, внеязыковой опыт. Именно эта, последняя, сфера приводит к постоянной деформации языкового значения слова [Тураева 1994: 107].

В настоящее время все большее понимание находит утверждение о том, что лингвистика не является единственным фактором, обуславливающим план содержания языковой единицы. В этом смысле понятно утверждение П. Серию о том, что “семантика не выводится только из лингвистики” [Серию 2001: 559]. Следовательно, интерпретация слова в рамках высказывания нередко требует от говорящего знаний об окружающей действительности, бытующих в данном национально-культурном образовании, то есть знаний национально-культурного характера. Во-первых, реципиенту требуется обыденное знание, вызываемое нейтральным контекстом. Именно такое знание конкретизирует недоопределенное ядерное значение. Это связано с выявленной концептуальной семантикой недостаточной конкретизацией значения слов, включающих в свой состав несколько семантических компонентов [Бирвиш 1981: 177-190]. Уточнение производится посредством “так называемого концептуального сдвига, который “сдвигает” значение ядра в различные концептуальные области, и с помощью концептуальной дифференциации, которая всего лишь слегка дифференцирует значение ядра внутри одной и той же концептуальной

прагматическими функциями лексемы и ее коннотациями. Эти два последние вида прагматической информации не входят в лексическое значение [Кобозева 2000: 90].

области. Другими словами, интерпретация означает превращение неточно определенных семантических значений в полностью определенные концептуальные значения на основе обыденного знания” [Бибок 1996: 157].

Все вышеприведенные рассуждения свидетельствуют в пользу того, что непосредственная языковая семантика подвержена влиянию извне. Недостаточная конкретизация семантических компонентов денотативного значения на языковом уровне восстанавливается в процессе использования лексической единицы в различных сочетаниях. Сочетаемостные возможности обуславливают и акцентируют культурологическую маркированность данного слова. Так, именно контекст способствует выявлению различий в семантике русского слова *подарок* и соответствующих английских лексем *gift* и *present*. Так, для русского узуса довольно характерны высказывания следующего плана: “Сегодня неординарное, радостное событие - жители Сипайлово получают прекрасный подарок. Открытие парка – это еще одна яркая страница в жизни нашего города” (ВУ 2002, 18.07) или: «Уникальный подарок горожанам» (название статьи о газораспределительном пункте, который действует в режиме головного и обеспечивает автоматическую работу без постоянного присутствия обслуживающего персонала) (ВУ 2002, 31.08). В данном случае обыгрываются два значения: “то, что дарят” и “то, что приносит радость” [БТСР: 858]. Безусловно, подарки, о которых идет речь в вышеприведенных примерах, не являются даром в юридическом смысле: это то, “что доставляет удовольствие, нравится” [БТСР: 858]. Данное словоупотребление высвечивает отличие русского слова “*подарок*” и соответствующих английских *gift* и *present*. Слово *present* объясняется через лексику *gift* [Oxford: 812]. *Gift* с свою очередь подразумевает “thing given, present, donation (FREE gift)”, а также в юридическом смысле “voluntary transference of property without compensation” [Oxford: 416], что соответствует русскому “дар”, “дарение”. Следовательно, в английском сознании не может быть подарком погода, чей-то приезд (ср. в [БТСР: 858]: *Такая хорошая погода – просто подарок! Его приезд – настоящий подарок*). В английском языке указанные употребления покрываются семантической структурой лексики *joy*. [Longman 1995: 764] определяет ее как: great happiness and pleasure: *To Beth's surprise and joy, she was awarded first prize* (ср.: К удивлению и радости Бет, ей дали первый приз) или something or someone that gives you happiness and pleasure: *the joys and sorrows of bringing up a family* (ср.: радости и горести воспитания детей); *The new Merc's a joy to drive* (ср.: Новый Мерседес – подарок для водителя).

Таким образом, культурологическая маркированность, «своего рода индекс содержания культуры» [Хойер 1999: 61], может быть обусловлена факторами различного порядка и, соответственно, различным образом манифестироваться в рамках слова. Культурологическая компонента может иметь источником само понятие, означаемое данной лексической единицей, может быть предметно обусловленной, а также может входить в структуру значения слова, то есть маркировать сигнификативный, денотативный и прагматический компоненты структуры значения, и проявляться в сочетаемостных возможностях лексической единицы.

Итак, очевидно, что несмотря на то что яркое проявление в речи, культурологическая компонента существует и на уровне языка. На уровне речи имеет место взаимодействие культуроносных элементов разных уровней языковой системы и разной степени узуализации. Отмечается, что наличие культурологического маркера предполагает высокую степень узуализации. “Узуальный аспект относится к восприятию выражения в речи разных носителей языка” [Баранов, Добровольский 1996: 56]. В плане синхронии культурологический маркер предполагает устойчивость, т.е. высокую степень узуализации, предсказуемость культуроносного со-значения. Самым ярким следствием этого является наличие соответствующей пометы в словаре. Однако нередко такая помета отсутствует, несмотря на выраженную культурологическую маркированность. Необходимо отметить, что культурологическая компонента относится к ряду динамических характеристик. Она может быть инкорпорирована в значение слова и быть воспринятой всеми членами социума, а может оказаться забытой. Тем не менее, слово не освобождается от культурологической маркированности. Она продолжает характеризовать его, но при этом культурологическая характеристика теряет свою социальную способность, то есть способность обслуживать всех членов социума.

Таким образом, подвижность, динамичность характерна для культурологической компоненты, действующей на уровне лексических единиц. По-иному обстоит дело с единицами грамматического стратума. В силу большей алгоритмизованности, большей инертности, большей стабильности единицы грамматической системы прочно удерживают культурологическую компоненту, свидетельствующую о национально-культурной специфичности. Возможность выражения этого национально-специфичного со-значения вырастает из семантической грамматических форм. В силу того, что грамматика характеризуется своей собственной семантикой, естественным является вывод о том, что грамматическая форма также обладает национальной специфичностью, как и форма

лексическая. Вопрос, требующий разрешения на этом этапе исследования, заключается в определении способов и механизмов передачи этнокультурной специфики грамматических форм. Вместе с тем уже в настоящее время в результате серьезных изысканий лингвистам удастся выделить культурологическую компоненту грамматической локализации. Речь идет об одной из грамматических форм прошедшего времени в башкирском языке. Она связана с передачей ностальгического оттенка меморативно-эпического прошедшего времени [Мурясов 2002: 47, 58].

Существование другого подхода к определению лингвокультурологической специфики грамматики сводится к тому, что она может быть идентифицирована в результате функционального анализа единиц грамматической системы, анализа, учитывающего ситуацию коммуникации. Учет ситуации коммуникации дает возможность дополнить и расширить классические толкования и интерпретации единиц грамматической системы новыми понятиями и выводами. Учет ситуации коммуникации посредством построения «личной сферы говорящего» [Апресян 1995б: 644-647], введения позиции наблюдателя [Апресян 1995б: 639-644] дает основания сделать вывод о национально-культурной специфике грамматической системы того или иного языка. Личная сфера говорящего представляет собой «относительно самостоятельный фрагмент наивной модели мира. В эту сферу входит сам говорящий и все, что ему близко физически, морально, эмоционально или интеллектуально: некоторые люди; плоды труда человека, его неотъемлемые атрибуты и постоянно окружающие его предметы; природа, поскольку он образует с ней одно целое; дети и животные, поскольку они требуют его покровительства и защиты; боги, поскольку он пользуется их покровительством, а также все, что находится в момент высказывания в его сознании. Личная сфера говорящего подвижна – она может включать большее или меньшее число объектов в зависимости от ситуации» [Апресян 1995б: 645-646].

Таким образом, национально-культурная специфика грамматической системы языка выявляется в результате коммуникативно-функционального описания с учетом прагматики языкового знака. При этом внимание к прагматике дает возможность исследовать единицы грамматической системы в связи с говорящим, адресатом и самой ситуацией общения. Таким образом, классические толкования традиционных грамматик приобретают национально-культурную окраску в результате описания специфики действия грамматических единиц в акте коммуникации конкретного языка.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что национально-культурная специфика проявляется в рамках языковой единицы в форме

культурологической компоненты, то есть результата сращения языкового и культуруносного значения, значения из области языковой картины мира. Предлагая свой термин, мы отдаем себе отчет в том, что это не первая попытка наименования данного феномена. Для этой цели были предложены логозпистема [Костомаров, Бурвикова 2000], лингвокультурема [Воробьев 1997], культурема [Гак 1998: 142-144]. Предлагаемый термин – культурологическая компонента – позволяет оставаться в рамках лингвистического исследования, между тем как другие представленные здесь термины акцентируют несколько иные ипостаси исследуемого явления, а именно приоритет культурологической составляющей и отнесенность к одному из ярусов языковой системы. Такая множественность вполне согласуется с тем, что было заявлено выше: факт взаимосвязи языка и культуры можно изучать с различных точек зрения, выступающих в качестве доминирующих. В данной работе объект анализа являются языковые единицы. А это, соответственно, обуславливает необходимость поиска единого показателя культурологической маркированности, который бы работал на всем пространстве языка. Кроме того, удобство предлагаемого нами термина состоит в том, что он предполагает вычленимость культуруносного элемента. Это последнее обстоятельство весьма важно при проведении практического лингвистического исследования.

Таким образом, в основе культурологической маркированности лежит процесс манифестации культурно-языковой специфики, являющейся результатом отражения посредством языковых форм и средств хотя бы одной из составляющих культуры. Культурологическая компонента может быть, с одной стороны, уподоблена механизму, приводящему этот процесс в действие, а с другой, она является результатом действия культурологической маркированности. Именно выявление культурологической компоненты доказывает состоятельность и последовательность основополагающего принципа лингвокультурологического исследования, состоящего в том, что культура в языке ведет самостоятельное существование и требует самостоятельного описания, которое может быть произведено посредством семантического анализа особого свойства. В лингвокультурологическом исследовании семантический анализ преследует цель выявления особого вида информации, информации культурно-ценностного свойства. Отсюда с неизбежностью следует, что лингвокультурологический анализ не должен совпадать с анализом этимологическим.

В задачу лингвокультурологического исследования входит не установление происхождения лингвистической единицы, но попытка

определить условия формирования культурного конструкта [Брагина 1999: 131]. Причем этот культурный конструкт восстанавливается на всех уровнях языковой системы. Формой представления культурологического толкования может явиться культурологический комментарий, который эксплицирует культурологическую маркированность и локализует культурологическую компоненту.

Соответственно, первоочередной задачей практической части лингвокультурологического исследования является выделение культурологической компоненты, т.е. единицы, в которой реализуется сращение языка и культуры. Вместе с тем в силу “пронизанности” и насыщенности языка культурой (так, В.Г. Гак полагает, что язык является сферой культуры [Гак 1998: 140], сходная точка зрения выражена и в [ЭЛС 2001: 179]) выделение культурологической компоненты языка сопряжено с определенными трудностями. Создается впечатление невыделимости культурологической компоненты языка в связи с диссипативным, трудноуловимым, многоликим, латентным характером явления культурологической маркированности.

На первый взгляд может показаться, что культурологическая компонента суть поверхностного свойства и не относится к ингерентным особенностям языка. Однако анализ языкового материала свидетельствует об обратном: о глубоких внутренних связях языка и культуры наряду со связями поверхностного характера. Переплетение этих разноуровневых связей, взаимоналожение нитей разной степени натяженности способствуют уникальности и трудности описания характера связей языка и культуры. Варибельность содержательной части культурологической компоненты обусловлена тем, что, язык и культура оказываются связанными по нескольким направлениям, которые соответствуют составляющим культуры.

Следовательно, культурологическая компонента в своей информационно-содержательной части соотносится с тремя составляющими культуры. Прежде всего речь идет о языковом представлении опыта народа по освоению окружающей действительности, протекающей в рамках познавательной деятельности и находящей отражение в работе вербально опосредованных когнитивных механизмов. Сюда могут быть отнесены единицы грамматической системы, как например: видо-временные формы для представления разного рода действий, система артиклей для осуществления детерминации, синтаксические структуры, связанные с определенным порядком введения известной и новой информации и т. п.

Другим направлением взаимодействия языка и культуры является сфера хозяйственного освоения действительности, которое определяет

технологический уровень материальной культуры. Это то, что несет с собой цивилизация [НИЭС 2000: 796], так называемый цивилизационный аспект культуры. Развитие цивилизации предполагает появление в языке слов, отражающих результаты хозяйственной деятельности людей или степень технического и технологического развития данного сообщества (ср.: *грунтовая дорога – дорога – шоссе – трасса; dirt road – highway – freeway; спутник, луноход; shuttle* в космонавтике).

И, наконец, третий аспект взаимодействия языка и культуры предопределяет и объясняет появление в языке культурологически обусловленных единиц, преимущественно лексики, отражающей развитие культуры данного этносоциума: культуры бытовой (*tug, bowl, love seat, terraced house, detached house, баня по-черному*), культуры государственно-политической, или социальной (*MP, socialist, democrat, President, Prime Minister, Cabinet, Дума, Генеральный секретарь ЦК КПСС*), культуры как художественного освоения и представления действительности (*pop music, rock, chamber music, частушки, страдания*), культуры как особенности жизненного уклада, традиций (*Thanksgiving Day, Bank holiday, May Day, May Queen, День национального согласия и примирения, День 8-го марта*), культуры как способа освоения и представления природных богатств и географических особенностей (*plain, mountains, степь*), культуры как степени культурности, проявляющейся в организации и нормах общения (вербальный и кинесический коды). Результатом этого взаимодействия является существование культурологической компоненты, т.е. маркированности языковых единиц с точки зрения связанности формы или содержания данной единицы с элементами культуры данной национально-культурной общности.

Другим возможным подходом к классификации культурологической компоненты с точки зрения плана содержания является соотнесение культурологической компоненты и культурологической лакуны. Наличие культурологической лакуны явно свидетельствует о культурной специфике.

Культурологическая компонента может быть эксплицитной и имплицитной в зависимости от степени языковой экспликации. Чаще культурологическая компонента имплицирована и является частью лингво-культурного кода носителя языка. Носитель языка воспринимает культурологическую компоненту за данность, за нечто само собой разумеющееся. И только использование языковой единицы в тексте может высветить ее культурологическую маркированность. При этом в зависимости от того, осознает ли реципиент наличие чего-то, требующего объяснения, или не ощущает этого [Текст 1989: 97], культурологическая компонента может быть перцептируемой и неперцептируемой. Средством

компенсации лакун, возникающих вследствие действия культурологической компоненты, может выступать текст, содержащий прямое объяснение, или содержание культурологической компоненты может быть выводимо реципиентом опосредованно. В конечном итоге, именно действие культурологической компоненты дает основания говорить о национально-культурной специфике языковых единиц. Причем гетерогенность культурологической компоненты проявляется в том, что она может локализовываться на разных ярусах языковой системы, таким образом варьируя план выражения. Соответственно, корреляция между языком и культурой, не имеющая четко закрепленных и единообразных форм, обуславливает различный характер проявления культурологической маркированности, что в конечном итоге проявляется в функционировании культурологических компонент различной типологии. Вариативность локализации точки пересечения языкового и культурного вектора выражается в вариативности локализации культурологической компоненты, в различной силе культурноносной способности языковой единицы. В этом отношении утверждение о непредсказуемости чужой культуры [Текст 1989: 149] как одной из главных трудностей межкультурного общения можно экстраполировать и на пространство языка.

1.5. ФОРМАТ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование национально-культурной специфики представляется возможным проводить в различных направлениях. Такая множественность вполне укладывается в парадигму современной науки. Лингвисты отмечают, что настоящее время отмечено плюрализмом интерпретаций в силу того, что «теория разветвляется как пучок относительно самостоятельных моделей-описаний предметной области. <...> При этом ставка делается не на конфронтацию, а на координацию подходов, которая обеспечивает объемное и объективное видение» [Гак 1998: 14]. Во-первых, представляется возможным описание специфики функционирования самого перечня, арсенала языковых средств и закрепленных за каждым средством культурологических функций. При этом возможны два направления анализа. Представляется возможным проводить исследование, целью которого является установление культурологических функций языковых единиц. При этом под культурологической функцией понимается сфера манифестации национальной специфики. В этом случае начальной точкой анализа станут

единицы языка, спроектированные на пространство культуры. Вместе с тем приемлемо изучение лингвокультурологического взаимодействия в направлении от сфер манифестации национальной специфики к единицам языка, задействованным в обслуживании данных сфер. Далее необходимо перейти от таксономической части исследования к комплексной. Сведение национальной специфики языка только к описанию функционирования отдельных его элементов означает сужение круга исследования. Вслед за выявлением системных функций каждого элемента необходимо определить характер его взаимодействия с рядоположенными. В конечном итоге культурологический подход можно последовательно применить к изучению языка в его четырех аспектах: «в структуре и функционировании, во времени и пространстве» [Гак 1998: 17].

Дальнейшим объектом культурологического анализа должна стать языковая картина мира. При этом рассмотрение языковой картины мира может проводиться в строго лингвистическом ключе, ибо языковая картина мира складывается из анализа языкового комплекса, то есть языковых единиц в их взаимодействии. Анализируются отдельные слова и классы слов, грамматические средства, синтаксические конструкции, отражающие в различных языках представления о времени, пространстве, этических категориях. Другим направлением воссоздания языковой картины мира может стать изучение ее концептуальных основ. Таким образом, во главу угла может быть положен лингвокогнитивный подход. Культурологическая интерпретация концепта позволяет придать исследованию лексики культурологическое звучание, что было блестяще продемонстрировано в [Степанов 2001]. Усилия лингвистов, работающих в этом ключе, направлены на изучение когнитивного пространства носителя языка. Исследования такого рода ведутся достаточно широкомасштабно и интенсивно как в лексикографическом, так и в грамматическом направлениях, о чем свидетельствует появление лингвострановедческих и культурологических словарей, функционально-коммуникативных грамматик, многочисленные попытки реконструкции языковой картины мира посредством анализа отдельных ее участков.

Велики перспективы изучения текста с позиции лингвокультурологии, что объясняется двойственной природой текста. С одной стороны, он есть порождение культуры и элемент культурной парадигмы. С другой стороны, он является единицей наивысшего порядка в рамках языковой системы. В тексте скрещиваются языковые и культурологические векторы, поэтому текст является неисчерпаемым источником для лингвокультурологических исследований: его структура и семантика представляют двоякий интерес. По сути, в тексте культура переплавлена в языковые формы. При этом для лингвокультуролога текст

представляет интерес с точки зрения его структурных особенностей (стратегия и тактика дискурса), стилистики, культурных вех, нашедших отражение в тексте, семантики.

Исходя из того, что квинтэссенция процессов лингвокультурологического взаимодействия проявляется в языковой личности, еще одним направлением лингвокультурологического исследования является изучение и дальнейшее описание «портрета» языковой личности. «Портрет» языковой личности складывается из анализа уровней его организационной структуры. Соответственно, изучение функционирования элементов каждого уровня будет способствовать дальнейшему раскрытию национальной специфики языкового сознания. Потенциальным направлением лингвокультурологического анализа может стать изучение языковой и речевой ментальности (см. [Почепцов 1990]), что будет способствовать более четкому описанию неуловимого народного духа.

Лингвокультурологическое исследование может иметь системный характер, где в качестве организующего начала выступает культуросфера носителя языка. Восстановление культуросферы представляется возможным осуществлять на основе когнитивного, психолингвистического и традиционно лингвистического подходов. Когнитивным аналогом культуросферы выступает когнитивная база. Когнитивная база понимается как «определенным образом структурированная совокупность необходимо обязательных знаний и национально-детерминированных и минимизированных представлений того или иного национально-лингво-когнитивного сообщества, которыми обладают все носители того или иного национально-культурного менталитета» [Красных 2001: 164]. Таким образом, когнитивная база не представляет собой жестко ограниченной совокупности феноменов – “культурных предметов”, а существует как открытое множество [Красных 2001: 165]. Открытость данной системы проявляется в возможности постоянного пополнения когнитивной базы лингво-культурного сообщества за счет новых элементов.

Другим направлением реконструкции культуросферы может стать исследование речевых стереотипов. В основе такого подхода к лингвокультурологическому анализу лежит принадлежность к той или иной культуре, определяющей “наличием базового стереотипного ядра знаний, повторяющегося в процессе социализации индивидуума в данном обществе, и достаточно стереотипного (на уровне этнической культуры, а не личности) выбора элементов периферии” [Прохоров 1997: 14].

Культуросфера носителя языка может быть воссоздана в результате реконструкции ассоциативно-вербальной сети (далее: ABC)

носителя языка. АСВ понимается как “вся мысленно представляемая (и компьютерно моделируемая, то есть реально воспроизводимая) совокупность связей между элементами (стимулами и реакциями)” [Караулов 1999: 153]. Ассоциативно-вербальная сеть выявляется в результате многоэтапного и масштабного эксперимента с носителями языка. Так, инициатор данного направления Ю.Н. Караулов отмечает, что в эксперименте 1988 г. было задействовано около 12 тысяч испытуемых.

На первом этапе испытуемым были представлены 1275 самых частотных в русских текстах слов и словоформ. На втором этапе стимулами служили реакции на слова и словоформы первого этапа. Прирост новых слов и словоформ, полученных в результате второго этапа, составил стимулы третьего этапа. Третий этап, как отмечает руководитель эксперимента Ю.Н. Караулов, практически не дал прироста новых слов. А выявленный в результате эксперимента тезаурус отражает активную лексику и грамматику современного русского узуса. Необходимо отметить, что “в этой сети каждое слово присутствует во всем многообразии своих словоформ, многообразии своих значений, своих синтаксических и семантических связей с другими словами, входя в различные ассоциативные поля. Поскольку эта сеть приводится к выражению в результате анкетирования большого числа носителей языка, спонтанно реагирующих на предъявленный стимул, у нас есть основания для того, чтобы отождествить ее или, во всяком случае, уподобить той индивидуальной АСВ, которая заложена в голове всякого среднего носителя и обеспечивает его владение языком” [Караулов 1999: 13].

Исследования связи языка и культуры представляется возможным проводить и в русле анализа структурирования и функционирования ассоциативно-вербальной сети. Любой представитель своей лингвокультурной общности обладает определенной АСВ, которая репрезентирует состав и устройство системы языка и одновременно является субстратом языковой способности носителя языка, то есть заключает в себе систему “в состоянии речевой готовности” [Караулов 1999: 146]. Ю.Н. Караулов выделяет три уровня единиц, входящих в эту сеть: вербально-грамматический, когнитивный (имена собственные, прецедентные тексты культуры, идиомы, стандартные образы, генерализованные высказывания и т.д., то есть знания о мире) и прагматический (оценка, рефлексия, игра слов и т.д., то есть позиция коммуниканта и его взаимоотношения с миром) [Караулов 1999: 146]. В силу того, что составляющие эти три уровня единицы являются ментальными стереотипами, они интегрированы в коллективную память, которая является памятью культурной. Благодаря языковой закрепленности этой коллективной культурной памяти рационально

говорить о языке, который служит наряду с прочими факторами фиксации этой памяти, как о лингво-культурном коде.

Намечается еще один подход к построению ассоциативно-вербальной сети. Им может стать процедура контент-анализа, который в области лингвокультурологии имеет широчайшие перспективы и может вырасти в контент-аналитический подход. “Сущность контент-анализа заключается в том, чтобы по внешним – количественным – характеристикам текста на уровне слов и словосочетаний сделать правдоподобные предположения, касающиеся его плана содержания и, как следствие сделать выводы об особенностях мышления и сознания автора текста – его намерениях, установках, желаниях, ценностных ориентациях и т.д. Для литературного текста может быть поставлена задача изучения особенностей изображения представленных в нем персонажей. Если количество привлекаемых текстов и авторов достаточно велико, то сделанные выводы могут быть распространены на большую социально значимую группу людей и даже на общественное сознание в целом” [Баранов 2001: 247-248]. В качестве концептуальной переменной, находящейся в центре исследования и таким образом организующей его, могут быть выбраны понятия, определяющие суть национально-культурного менталитета той или иной национально-культурной общности. Контент-аналитические исследования могут с успехом применяться в области лингвокультурологии, поскольку в центр их внимания попадают такие сложные категории, как установки, стереотипы, ценности, то есть то, что, безусловно, находится в сфере интересов лингвокультурологии. Корректно проведенный контент-анализа может с успехом применяться наряду с интроспективным методом.

Очевидны перспективы лингвокультурологических исследований при проведении межъязыковых сопоставительных исследований, осуществляющих выход за пределы системы координат одного языка. Привлечение разнообразного сравнительного материала позволит уточнить границы универсального и национально специфического. Более того, сопоставление может способствовать выявлению национальной специфики внутри универсалий. Такое положение может наблюдаться при национально детерминированном варьировании универсальных представлений и категорий.

Неоспоримы, хотя и не бесспорны связи лингвокультурологического исследования с этимологией. Так, по К. Фосслеру, история языка испытывает прямое воздействие импульсов, мотивов, влияний среды, которые притекают в язык извне [Философия культуры 1998: 344]. Результатом поисков внешних воздействий является реконструкция различных видов языковой «памяти»: «культурной

памяти», «исторической памяти», «генетической памяти» [Яковлева 1998; Добродомов 2002], «скрытой памяти языка» [Николаева 2002: 25]. «Раскрытие данной информации, закодированной в языковых единицах, способствует выявлению «облика предшествующего «далекого» периода», не относящегося к обыденному научному знанию [Николаева 2002: 26]. Этот облик может касаться исключительно лингвистической сути явлений (например, Т.М. Николаева, исследуя два варианта употребления личного местоимения 1-го лица в речи, когда местоимение наличествует или опускается: *Люблю грозу в начале мая / Я люблю этот город вязовый*, приходит к выводу о том, что «высказывание с Я при глаголе как бы «помнит» первоначальную давнюю функцию Я быть интродуктивным компонентом, вводящим новое, не присоединяющееся к предыдущему и – тем самым – часто ему противопоставленное высказывание, что в настоящее время для слова Я никак не фиксируется и нигде об этом в нормативных грамматиках не сообщается» [Николаева 2002: 33]. Историческая память связана с наличием семантических компонентов, которые напоминают о забытом прошлом значении, и которые восстанавливаются с опорой на материал родственных языков [Добродомов 2002: 103]. Так, нежелательность употребления глагола Кушать в 1-ом лице кроется в историческом прошлом этого глагола, так как он обозначал когда-то «пробовать» [там же]. Соответственно, вряд ли можно назвать пробой активный прием пищи, а вот приглашение попробовать что-либо вполне объяснимо и естественно.

Безусловно, изучение функционирования культурологической компоненты не может быть сведено лишь к этимологии, но результаты поисков культурной, исторической, скрытой памяти языка не могут не найти места при анализе лингво-культурного кода, в процессе идентификации и локализации культурологической компоненты. Экспликация скрытой культурно-исторической информации помогает объяснить сложившиеся речевые стереотипы и установить определенные корреляции между языковыми единицами и особенностями ментальности как «эмоционально-окрашенной системы миропонимания, присущей той или иной общности людей» [Стефаненко 2000: 57]. Кроме того, данные этимологического анализа способствуют погружению в «лексические глубины» языка, обращению к самому процессу номинации, «ибо актуализация того или иного признака в слове – это не просто акт словотворчества, а часть общего целенаправленного языкового процесса созидания, обусловленного внутренними потребностями как самого человека, так и языка» [Вендина 2002: 44]. Все эти знания раскрывают мировидение лингво-культурного сообщества, закрепленные

общественные практики, требующие определенных способов языкового опосредования.

Таким образом, исследования в рамках языка (горизонтальный ракурс) дополняются исследованиями по вертикали: «от единицы языка к единице культуры» и наоборот [Слышкин 2000: 7-8]. Установление перспектив и описание формата лингвокультурологических исследований важны в силу того, что их результаты находят практическое применение в лингводидактике, типологии, лексикографии.

ВЫВОДЫ

В настоящее время связь языка и культуры является общепризнанным фактом. Более того, широкомасштабные исследования, которые проводятся в области сопряжения языка и культуры, переросли в новое направление, получившее название лингвокультурологии. Вместе с тем данный позитивный фактор, связанный с оформлением нового направления лингвистических изысканий, осложняется целым рядом проблем, по сути являющимися «болезнями роста» новой области научного знания. Прежде всего, необходимо отметить отсутствие единого понимания объекта исследования, или сферы действия лингвокультурологии. Как филологическая дисциплина лингвокультурология изучает предварительно отобранное множество духовных ценностей и опыта языковой личности данной культурно-языковой общности, непосредственно ориентируясь на проявления взаимодействия языка и культуры. При таком понимании лингвокультурологии акцент исследований приобретает динамический характер и может смещаться в разные стороны, переходя из области языка в область культуры и наоборот. Таким образом, лингвокультурологические исследования могут приобретать прямо противоположную направленность: от культуры к языку и наоборот. Так, ряд лингвокультурологов объектом исследования полагают проекцию культурных, духовных ценностей на факты языка [Воробьев 1997]. Другие исследователи изучают особенности языковой картины мира, находя в этом отражение опыта и менталитета данной культурно-языковой общности [Апресян 1995в; Елизарова 2000; Корнилов 2000; Писанова 1997; Проскурин 1990; Урысон 1999; Яковлева 1994; Яковлева 1995]. Следствием этих различий являются несовпадения в определении радиуса действия лингвокультурологии. В лингвокультурологических исследованиях, которые сфокусированы в направлении от культуры к языку и в которых анализ проводится на основе лексического материала,

могут привлекаться данные изучения речевого поведения. Направление исследования от языка к культуре требует глубокого анализа языкового материала, относящегося к различным стратумам языковой системы, экстралингвистических параметров с тем, чтобы составить выводы по языковому и речевому менталитету носителей данного языка.

В связи с различием в определении радиуса действия лингвокультурологии намечаются очевидные разногласия в выделении единиц лингвокультурологического анализа. К таковым относятся культурема, архикультурема, логоэпистема, культурологическая лакуна, фоновая лексика. Следствием несовпадения единицы лингвокультурологического анализа являются варьирование сущностных описаний средств ее выражения. Для того чтобы оставаться в рамках лингвистического описания полагаем целесообразным описывать результаты взаимодействия культурологических и языковых процессов как культурологическую маркированность, реализующуюся в виде культурологической компоненты. Культурологическая компонента может локализовываться на разных ярусах языковой системы и является динамической характеристикой: эксплицитной или имплицитной, перцептируемой или неперцептируемой. Варьироваться может не только план выражения культурологической компоненты, но и план ее содержания.

Культурологическая компонента является материальным свидетельством сосуществования языка и культуры в рамках единой семиосферы. Рассматриваемый как проявление и проводник культуры, язык приобретает новый статус – статус лингво-культурного кода. Лингво-культурный код, понимаемый как система лингвокультурных соответствий, является результатом сращения языка и культуры. Исходя из своей природы, он объединяет представителей одной лингво-культурной общности в синхронном и диахронном планах.

Всеобъемлющее описание действия культурологической компоненты возможно осуществить через описание структуры языковой личности. Языковая личность понимается как носитель языка, посредством которого осуществляется прием и передача социального опыта, характеризующего и характерного для данной лингво-культурной общности. Таким образом, языковая личность владеет лингво-культурным кодом, обеспечивающим многообразные и многосторонние связи с различными представителями того же этносоциума.

Языковая личность представляет собой особым образом организованную матрицу. В структуре языковой личности поддаются дифференциации три уровня, на каждом из которых происходит взаимодействие языка и культуры. Первый уровень включает лексико-

грамматическую систему, рассматриваемую в единстве трех аспектов ее анализа: семантического, синтаксического и прагматического. Второй уровень охватывает лингвокогнитивные механизмы. На третьем, прагматико-экстралингвистическом уровне, сосредоточены параметры культурности. Полный, всесторонний и многоаспектный анализ языковых фактов дает возможность воссоздать полноценную картину функционирования лингвокультурного кода. Исследование лингвокультурного кода неизбежно влечет за собой изучение проявлений культурологической компоненты, что позволяет проследить за проявлениями культурологического аспекта языковых единиц на всем пространстве языка. Представляется, что решение этой задачи может быть обеспечено обращением к аналитическим возможностям когнитивной лингвистики.

Контрольные вопросы

В чем проявляется культурно-языковая специфика? Приведите примеры проявления лингво-культурных связей различной природы.

Чем обусловлена трудность изучения лингво-культурных связей?

Что понимается под культурно-языковой спецификой языковых единиц?

Каково соотношение культурно-языковой специфики и культурно-языковых универсалий?

Что понимается под языковой личностью?

Какие подходы к структуризации языковой личности предлагаются в современных лингвокультурологических исследованиях?

Какие подходы к проведению лингвокультурологического исследования предлагают лингвисты?

Какие подходы к выделению единицы лингвокультурологического анализа предлагаются в исследованиях по данной проблематике?

Что составляет существо лингвокультурологического подхода к исследованию языка?

Каковы перспективы лингвокультурологических исследований на современном этапе развития лингвистики?

Обязательная литература

- Антипов Г.А., Донских О.А., Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А.* Текст как явление культуры. – Новосибирск: Наука, 1989.
- Бромлей Ю.В.* Этнос и этнография. – М., 1973.
- Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1997.
- Верецагин Е.М., Костомаров В.Г.* Лингвострановедческая теория слова. – М.: Русский язык, 1980.
- Верецагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура. – М., 1983.
- Воробьев В.В.* Лингвокультурология (теория и методы). – М.: Изд-во РУДН, 1997.
- Гудков Д.Б.* Межкультурная коммуникация. Лекционный курс для студентов РКИ. – М.: Изд-во МГУ, 2000.
- Гумбольдт В. фон.* Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984.
- Ионин Л.Г.* Социология культуры. – М.: Логос, 1996.
- Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987.
- Красных В.В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002.
- Культурология* / Под науч. ред. Г.В. Драча. – Ростов н/Д: «Феникс», 2002.
- Ладо Р.* Лингвистика поверх границ культур // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XXV. – М.: Прогресс, 1989.
- Маслова В.А.* Лингвокультурология. – М.: Издательский центр «Академия», 2001.
- Розин В.М.* Культурология. – М.: ИФРА-М, ФОРУМ. 2002.
- Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию культурологи. – М., 1992.
- Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология. – М.: ИП РАН, Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000.
- Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово/Slovo, 2000.
- Томахин Г.Д.* Америка через американизмы. – М.: Высшая школа, 1982.

Раздел 2. КОГНИТИВНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

2.1. ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ В СВЕТЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

Традиционность и закономерность вопроса о соотношении языка и мышления продиктованы признанием того факта, что «в деятельности языка <...> постоянно и непрерывно происходит отражение объективной действительности в языке, которое есть “не простое, не непосредственное, не цельное отражение, а процесс ряда абстракций, формирования, образования ряда понятий, законов etc., каковые понятия, законы etc. и охватывают условно, приблизительно универсальную закономерность вечно движущейся и развивающейся природы...”» (Ленин). В этом случае задача языковеда заключается в том, чтобы раскрыть явным и конкретным образом лингвистический механизм отражения в языке мира действительности, “вхождения” этой последней в структуру языка” [Звегинцев 2001: 305]. Сложный характер взаимодействия обязательных величин триединства *язык ÷ мышление ÷ объективная действительность* обуславливают и существование нескольких подходов к определению соотношения языка и мышления. Релятивистская концепция доказывает существование жестких рамок, которые накладывает язык на процессы мышления и, соответственно, выражение мысли [Гумбольдт 1984; Сепир 1992; Вайсгербер 1993; Whorf 1956]. Прямо противоположный подход отрицает национально специфическое влияние языка на процессы мышления, описывая мышление в универсальных, общечеловеческих терминах и категориях [Гринберг, Осгуд, Дженкинс 1970; Звегинцев 1960; Колшанский 1975; Панфилов 1982; Language Teaching and Applied Linguistics 1993: 74]. Авторы многочисленных работ последних лет пытаются занять компромиссную позицию между изложенными выше максималистскими воззрениями [Апресян 1995а, 1995б; Верещагин, Костомаров 1983; Вежбицкая 1997; Воробьев 1997; Гак 1998, 2000; Гудков 1999; Добровольский 1997, 1998; Елизарова 2000; Корнилов 2000; Красных 1998, 2001, 2002, 2003; Маслова 2001; Почепцов 1990; Степанов 2000; Тер-Минасова 2000; Kramsh 1994; Levinson 1996; Palmer 1996; Scollon & Scollon 1995 и др.]. Лингвисты усматривают несомненную связь между языком, национально-культурной спецификой и мышлением. Так, Р. и С.В. Сколлоны пишут о различных уровнях логического анализа, который совершается представителями различных культур [Scollon & Scollon 1995: 125]. Вопрос состоит в выявлении и описании разницы в логическом анализе, предпринимаемым представителями той или иной лингво-

культурной общности. Трудность заключается в определении точного характера этой взаимосвязи.

Исследование мышления в его чистом виде, безотносительно к языковым фактам якобы доказывает категоричность и в конечном итоге несостоятельность теории лингвистической относительности. Примеры, которые демонстрируют крах релятивизма, включают решение различных логических задач, в числе которых фигурируют: игра в шахматы, воссоздание целостного рисунка из фрагментов по образцу или без него. Однако в действительности дело обстоит несколько сложнее. Исследователи в области когнитивной психологии указывают, что «уклад жизни может обуславливать развитие разных по степени сложности форм мышления» [Когнитивная психология 2002: 458]. Таким образом, «сравнивая когнитивные возможности представителей разных культур, можно проследить влияние культуры и социального контекста на развитие мышления» [там же]. К приведенной выше аргументации авторов указанного труда можно добавить, что данные примеры имеют целью проиллюстрировать универсальность мышления (хотя и это не бесспорно), но не языка. Современное прочтение теории лингвистической относительности доказывает, что по фактам языка можно воссоздать культурную среду данного сообщества, восстановить коммуникативно востребованное и отграничить его от всего того, что не представляет коммуникативной ценности при пользовании данным лингво-культурным кодом, реконструировать познавательные практики и механизмы той или иной лингво-культурной общности. Это признают и те лингвисты, которые отождествляют логические и мыслительные процедуры, что в качестве лингво-когнитивного следствия имеет сведение концепта к понятию. Так, интересно проанализировать следующее утверждение из «Очерков по когнитивной лингвистике» З.Д. Поповой и И.А. Стернина: «Таким образом, концепты как единицы мышления народа не зависят в содержательном плане от языка народа – содержание концепта определяется не языком, а отражением действительности сознанием познающего эту действительность субъекта. Язык лишь выражает своей семантикой и номинативными единицами то, что познано мышлением народа и сочтено важным для использования в обмене информацией» [Попова, Стернин 2001: 57] (ср. также [Language Teaching and Applied linguistics 1993: 74]⁷).

⁷ Авторы данного издания приравнивают концепт к абстрактному значению, а потому настаивают на его безусловной универсальности во всех языках.

Это бесспорное утверждение, на самом деле, отнюдь не однозначно. Его неоднозначность обусловлена оперированием такого понятия, как “сознание познающего субъекта”. Необходимо отметить, что термин “языковое сознание” активно вводится лингвистами в практику исследований [Блинова 1989:122; Верещагин, Костомаров 1983: 58; Гудков 1999: 10-21; Захаренко 1999; Красных 1998: 21-23; Кубрякова 1997: 120, 180; Никитина 1989: 334; Пфандль 2000: 360; Рахилина 2000: 338; Успенский 1994: 32; Халеева 1989: 68] для того, чтобы в какой-то мере отрешиться от дискуссии по проблемам языка и мышления, а также вербальности и / или невербальности мышления, природы единиц, составляющих универсальный предметный код. Введение термина “языковое сознание”, или “сознание”, позволяет, оставив за мышлением сферу логических задач, свободную от лингво-культурной специфики, выделить сферу национальной детерминированности и культурной маркированности мыслительных процессов. В этом смысле языковое сознание есть совокупность образов, представлений, мыслительных структур [Красных 1998: 21-23], получивших языковое оформление вследствие протекания процессов «социального познания» (термин Леви-Брюля), то есть языковое сознание как категория абстрактная имеет материального носителя, в качестве которого выступает личность говорящего, то есть языковая личность. Личность же существует в мире ценностей и моральных ориентиров, заданных обществом. Соответственно, ценностные аспекты и общественно закрепленные практики, что и составляет существо культуры [Хейзинга 2001: 86], привносятся личностью в процесс познания и говорения, воздействуют на мышление. Как только сознание облекается в плоть личности и перед сознанием познающего встает необходимость решения различных задач, в ход идут результаты вербализованных и невербализованных практик. В этом плане познающий субъект будет прежде всего заключен в круг своего языка, что в образной форме отразил Л. Витгенштейн, заметив: “Границы моего языка означают границы моего мира” [Витгенштейн 1994: 56] (цит. по [Гудков 1999м: 13]).

Однако это отнюдь не означает, что человек не может перестроить свое мышление и понять новое, отличное от привычного ему знания. Действительно, “ни один язык и не может “продиктовать” мышлению соответствующего народа все мыслительные категории и концепты, необходимые для мышления” [Попова, Стернин 2001: 57]. Мышление богаче языковых форм своего выражения, доказательством чего является существование громадного спектра языков, представляющих различные способы категоризации действительности. Еще раз цитируя Ф.И. Тютчева (“Мысль изреченная есть ложь!”), З.Д.

Попова и И.А. Стернин справедливо и точно отмечают: “Не в том дело, что мы говорим неправду, а в том, что понимаем и чувствуем гораздо тоньше и больше, чем язык позволяет нам выразить” [Попова, Стернин 2001: 57]. Таким образом, вполне очевидно, что наше мышление, опосредованное сознанием, имеющим задачу оформления языковыми средствами образов, представлений и знаний, в определенном смысле сковано теми языковыми формами, которыми оно активно пользуется.

Все богатство и тонкость чувств мы вынуждены облекать в существующие в языке формы и подгонять их под известные и понятные всем категории. Представляется, что эта категоризационная, организующая сознание говорящего роль языка и позволяет делать вывод о неоднозначном, противоречивом характере соотношения языка и мышления.

Нельзя не согласиться с тем, что как таковые мышление, когнитивные универсальны, так как универсальны законы мышления. Именно универсальность мышления объясняет тот факт, что «любая лакуна может быть компенсирована» [Попова, Стернин 2001: 47] в силу потенциальных возможностей мышления. Однако как только когнитивные процессы и мыслительные процедуры облекаются в языковую форму, начинается сложная игра когнитивных и языковых механизмов. И объяснение той же лакуны «может потребовать большого объема коммуникативных средств, вплоть до текста» [Попова, Стернин 2001: 47]. Коррелируя с языковой формой, будучи опосредованной ею, когнитивность теряет самостоятельность плана выражения. Язык предлагает свои, уже имеющиеся в наличии формы (ср.: «Note that a particular image and expression may be required by the conventional usage of a given language” [Langacker 1991: 109]). Дело в том, что “реально язык существует лишь в своих воплощениях, имеющих полную знаковую форму. Одна из этих реализаций воплощается в речи. Но язык имеет и другую реализацию, и эта другая реализация воплощается в мышлении, которое также имеет знаковую форму” [Звегинцев 2001: 218]) и, в конечном итоге, “отражает тот способ, с помощью которого человек представляет себе мир” [Лакофф 1981: 350]. Вместе с тем необходимо отметить, что мышление в отличие от языка «значительно менее изменчиво в пространстве и времени, чем язык. И различные формы выражения мысли, существующие в различных языках, указывают не на разное мышление их носителей, а лишь на разные представления, им свойственные. Поэтому отношение языка и мышления антиномично: сравнительно стабильны типы мышления и бесконечно вариативны в пространстве и времени формы их выражения» [Красухин 2000: 23]. Представляется, что разрешение проблемы о соотношении языка и мышления потребует от ученых разработки новых подходов и

развитие уже имеющихся направлений научного поиска. Большим потенциалом в плане определения и описания характера соотношения языка и мышления обладает когнитивная лингвистика.

Начала современной когнитивистики принято связывать с работами Дж. Лакоффа, Р. Лангакера и Р. Джакендоффа. Труды этих ученых заложили основы современной лингвокогнитологии. Благодаря их изысканиям научную легитимность приобрело новое направление филологических исследований, были обозначены новые области исследования, предложены новые единицы анализа. Н.Н. Болдырев напоминает, что в первом номере журнала “Когнитивная лингвистика” задачи нового лингвистического направления охватывали исследование языка как средства организации, обработки и передачи информации. В качестве опоры когнитивная лингвистика выбрала эмпирическую (основанную на опыте человека) и концептуальную базу языковых категорий и понятий. При этом в фокусе интересов оказались не формы как таковые, а то, “как они отражают определенное видение мира человеком, способы концептуализации этого видения в языке, общие принципы категоризации и механизмы обработки информации, с точки зрения того, как в них отражается весь познавательный опыт человека, а также влияние окружающей среды” [Болдырев 2000: 5-6].

Мощный импульс отечественной лингвокогнитологии был дан многочисленными работами Е.С. Кубряковой, в которых были выделены исследовательские приоритеты в рамках нового направления [Кубрякова 1992; Когнитивный словарь 1996; Кубрякова 1997]. Вместе с тем этот новый толчок был подготовлен предшествующим ходом развития советского языкознания, ведь вопросы когнитивности находили отражение в работах российских исследователей и прежде (см., например: [Колшанский 1975, 1990; Леонтьев 1976: 59-62, 1997: 109-115; Слюсарева 1985], о чем убедительно пишет и Е.С. Кубрякова [Кубрякова 1997: 43].

Совершенно естественно, что первоначальной точкой приложения усилий когнитологов стали традиционные для лингвистики объекты: грамматическая и лексическая системы, процессы словообразования, номинации. При этом отправным посылом исследований такого рода стало понимание того, что язык находится в центре всей когнитивной деятельности. Именно в языке “находят свое выражение все когнитивные процессы и способы” [Болдырев 2000: 11], поскольку язык опосредует мыслительную деятельность. Как справедливо и точно отмечает Е.С. Кубрякова, «язык выявляет, объективирует то, как увиден и понят мир человеческим разумом, как он преломлен и категоризован сознанием. Каждая языковая единица и особенно языковая категория могут рассматриваться как проявление указанных выше когнитивных процессов

и в качестве специфических их результатов» [Кубрякова 1997: 38]. Соответственно, сменился и предмет исследования: в центре лингвокогнитологии оказалось соотношение когнитивных и языковых структур. Предметом изучения когнитивной лингвистики стало то, каким образом процесс познания, тип и форматы знаний оказываются опосредованными и закрепленными языковыми средствами, а также как языковые средства отражают познаваемую действительность. Стало очевидным, что в процессе познания производятся определенные процедуры, имеют место процессы, которые подчиняются законам когнитивности. Было выявлено, что познание реального мира осуществляется посредством процессов концептуализации и категоризации.

Концептуализация предполагает выделение значения посредством умственного осмысления, когда значение редуцируется до концептуализации умственных состояний и переживаний (“meaning reduces to conceptualization mental experiences” [Langacker 1991]). Наряду с концептуализацией протекает процесс категоризации. «Категоризация – главный способ придать воспринятому миру упорядоченный характер, систематизировать как-то наблюдаемое и увидеть в нем сходство одних явлений в противовес различию других [Кубрякова 1997: 84]. Таким образом, категоризация предполагает выделение и рубрикацию родовых понятий, подведение видовых понятий под родовые посредством сравнения и обобщения. Все эти направления исследовательской мысли стимулировали дальнейшие разработки проблем когнитивной лингвистики.

По мере своего развертывания лингвокогнитивные исследования стали приобретать большую определенность в том, что касается их направленности. Идеи, которые были выдвинуты в начале лингвокогнитивных изысканий, получили дальнейшее развитие и четкость звучания. Работки в области когнитивной лингвистики позволяют констатировать, что происходит углубление, расширение, спецификация сферы изучения, что в конечном итоге способствует становлению категориального аппарата и упорядочению методологии научных исследований.

Углубление когнитивных исследований производится за счет детальной разработки вопросов, связанных с семантикой и функционированием языковых единиц. При этом идет укрупнение единиц анализа, меняется масштаб выделяемых языковых сущностей, то есть в поле зрения лингвокультурологов попадают модели предложения, схемы их развертывания, номинативные блоки, превышающие по своей протяженности простое слово [Человеческий фактор 1991: 7-8]. Расширение касается исследовательской базы лингвокогнитологии,

вследствие чего в круг ее интересов попадают все новые и новые вопросы функционирования языка как инструмента познавательной деятельности. Получает новый импульс изучение текстов: в когнитивном ключе проводится анализ художественных, литературоведческих решений мастеров пера (см. анализ архетипов пространства [Евтушенко 2001], модели времени [Жолковский 2001; Николина 2001; Панова 2001], вопросы строения художественного текста [Шмидт 2001], дискурса [Александрова 2002], специфика конкретных дискурсов [Слышкин 2000], а также языковое воплощение идеи автора [Гершанова 2003]). В свете когнитивной лингвистики продолжается рассмотрение текста как источника новых сведений о задействованных в нем языковых единицах [Кубрякова 1997: 218-244; Филлмор 1988]. В связи с расширением области приложения усилий лингвокогнитологов в их поле зрения попадают вопросы миропонимания, решаемые как в общечеловеческом, так и в национально специфическом ключе [Апресян 1995в; Урысон 1995; Урысон 1998].

Спецификация сферы изучения становится возможной за счет оперирования когнитивной терминологией, использованием новых исследовательских практик. Благодаря этому проводятся исследования разнообразных концептов, фреймов, сценариев, процессов концептуализации и категоризации окружающего мира, его фрагментов и объектов. Все это наглядно представлено во вновь вышедших работах лингвистов [Бабушкин 1996, 2001; Болдырев 2000; Булыгина, Шмелев 1997; Рахилина 2000], покрывающих широкий диапазон проблем лингвокогнитологии.

В процессе и результате такого широкофронтального исследования более четкие контуры приобретает как методология нового направления, так и ее терминологический аппарат, служащий инструментом анализа и обеспечения его успешности. В конечном итоге состоятельность любого научного направления обусловлена существованием самостоятельной базы исследования, складывающейся из терминологического аппарата и методов анализа. По замечанию З.Д. Поповой и И.А. Стернина, “вся проблематика когнитивной лингвистики вращается вокруг ее основных категорий – концепт, концептуализация, категоризация, концептосфера (или картина мира)” [Попова, Стернин 2001: 8]. Что касается методики проведения лингвокогнитивных исследований, то она еще находится в процессе становления. В этом смысле понятен пафос высказывания З.Д. Поповой и И.А. Стернина о досадном отсутствии хорошо разработанной методики когнитивного анализа языковых фактов. «Каждый автор находит свои решения, более или менее удачные, но, как мы уже сказали выше, не всегда

лингвистические. Опора на сведения из смежных наук, построение общекультурных и историко-этимологических гипотез без опоры на языковой материал приводит исследователей к произвольным построениям и по сути своей не является когнитивно-лингвистическим подходом” [Попова, Стернин 2001: 16]. Действительно, новые парадигмы лингвистических исследований, производящие выход из системы языка к анализу его жизнедеятельности, встречают трудность, которая заключается в том, что начатое на лингвистической почве исследование не должно потерять этой твердой опоры в результате оперирования новым инструментарием, а также приведением в действие новых исследовательских методик и эвристик.

В связи со всем вышесказанным становятся очевидными актуальные задачи современной когнитивной лингвистики. К ним относятся прежде всего строгое определение категориальной базы лингвокогнитивных исследований, их четкое отмежевание от других научных баз исследования. Соответственно, необходимо произвести дифференциацию традиционных лингвистических и лингвокогнитивных терминов, например: разграничить концепт и значение, концепт и фрейм, с одной стороны, и функционально-семантическое поле, с другой. В этом же русле необходимо упорядочить терминологический аппарат лингвокогнитологии, выявив связи между базовыми понятиями и категориями, выстроить их типологию. Упорядочение категориального аппарата должно сопровождаться решением второй задачи лингвокогнитивных исследований. Речь идет о разработке “поэтапной методики лингвокогнитивного анализа, которая в опоре на собственно языковые факты и лингвистические методы давала бы когнитивную и культурологическую информацию, раскрывающую различные стороны воплощенных в языке концептов” [Попова, Стернин 2001: 17]. Таким образом, при проведении лингвокогнитивного исследования необходимо прежде всего определиться с рабочим инструментарием, то есть выявить исходные термины, а также выстроить методологическую базу исследования.

2.2. ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ: КОНЦЕПТ, ФРЕЙМ, СЦЕНАРИЙ

Концепт является ключевым термином лингвистической когнитологии [Воркачев 2001; Попова, Стернин 2001: 8; Рахилина 2000: 350]. Именно на концепт сфокусированы разнообразные структуры знаний

о мире [Кубрякова 1997: 37]. Соответственно, определение концепта представляет собой задачу первостепенной важности для лингвокогнитологов. В настоящее время существует несколько подходов к определению сути концепта. Самый первый из наметившихся подходов приравнивает языковой концепт к понятию, что схоже с логической трактовкой [ЛСС 1975: 263]. В некоторых других интерпретациях концепт приравнивается к значению слова [Hudson 1991: 82; Jackendoff 1992: 195; Langacker 1991; Talmy 1988]. Наконец, языковой концепт рассматривается как совершенно особая сущность, как «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Когнитивный словарь 1996: 90]. В этом смысле концепты понимаются как “посредники между словами и экстралингвистической действительностью”, как соотносимые со значениями слов понятия [Когнитивный словарь 1996: 92]. Исходя из такого понимания, концепт может рассматриваться как вербализованная или невербализованная сущность. Так, концепт может быть выражен лексико-фразеологическими единицами, грамматическими признаками, грамматическими категориями: концепт движения [Langacker 1991; Ungerer, Schmidt 1997], концепт объекта и его частей, концепт субъекта, тавтологические конструкции как концепт [Иевлева 2000], концепт уменьшительности [Самигуллина 2003] и т.п. Однако он может быть не выражен, например концепт поры сбора винограда в сознании русскоязычного человека в отличие от грузинской языковой личности, вербализовавшей данный концепт в лексической единице “ртвели” (см. пример [Попова, Стернин 2001: 75]). Такое понимание концепта предполагает интерпретацию его как всеобъемлющей сущности. Подобная широкая трактовка концепта не позволяет практически разграничить то, что освоено языковым сознанием, переработано им и доведено до уровня знака, и то, что находится в ведении ментального лексикона, то есть системы хранения и использования знаний о языке [Кубрякова 1997: 5]. Широкая трактовка позволяет весь арсенал когнитивных терминов описывать через концепт. Так, типология концептов включает такие его разновидности, как представления, понятия, фреймы, сценарии (скрипты), гештальты, когнитивные классификаторы [Попова, Стернин 2001: 72-74; 84]. Их дифференциальным признаком является способ отражения в сознании языковой личности объектов и явлений. Так, представление трактуется как “обобщенный чувственно-наглядный образ”, схемы как обобщенный пространственно-графический образ, понятие как результат рационального осмысления, состоящий из наиболее общих, сущностных признаков. Фрейм в рамках данной трактовки объясняется как

многокомпонентный концепт, “объемное представление”. Сценарий (скрипт) трактуется как динамический фрейм. Гештальт интерпретируется как комплексная структура. Когнитивные классификаторы понимаются как классифицирующие процесс познания концепты.

При определенных достоинствах такой трактовки концепта затушеванным остается различие между вербализованным и невербализованным концептом и создаются предпосылки для возможной недифференцированности концепта и классификатора, концепта и представления, концепта и понятия. Во избежание таких последствий необходимо принять во внимание тот факт, что, как известно, когниция, предполагающая познание, познавательный процесс, охватывает как научное, теоретическое познание, так и “простое, обыденное (не всегда осознанное) постижение мира в каждодневной жизни человека, приобретение самого простого – телесного, чувственно-наглядного, сенсорно-моторного опыта в повседневном взаимодействии человека с окружающим миром” [Болдырев 2000: 9]. Соответственно, концепт как результат теоретического постижения мира может приобретать форму термина-понятия. В этом случае речь идет о целенаправленном, теоретическом познании мира. В случае обыденного постижения мира результат этого постижения закрепляется в языковом концепте, который может приближаться или значительно отдаляться от научного знания. Концепт как результат освоения мира некоторой лингво-культурной общностью закрепляется в концептосфере народа и прежде всего представляет интерес при выявлении особенностей познавательной деятельности. Обязательность вербализованности концепта закреплена и в его определении, данном А. Вежицкой, как объекта из мира «Идеальное», имеющего имя и отражающего определенные культурно обусловленные представления о мире «Действительность» [Вежицкая 1997]. Вербализованность концепта пресуппонируется и пониманием его как единой фиксированной, цельнооформленной сущности [Langacker 1997: 232].

В силу всего вышесказанного полагаем, что языковой концепт всегда вербализован. Если вербализация концепта не свершилась, значит процесс познания не завершен. Акт познания завершается именованием, то есть в его результате должен родиться языковой знак концепта, ведь «акт познания вершится через связку, устанавливающую отношение между миром вещей и событий и миром человеческих понятий» [Арутюнова 1988: 142]. Таким образом, рождение слова завершает процесс формирования концепта. Этот этап образно описан Е.С. Кубряковой, назвавшей значение слова концептом, “схваченным языковым знаком” [Кубрякова 1997: 31]. Аналогично происходит

концептуализация в других формах познания: в сфере искусства, науки. Понимание красоты тела находит объективированное выражение в материальных формах, каковой, например, является скульптура, художественное полотно. Мысль художника, проходящая через все ступени познания, находит свое окончательное выражение только тогда, когда облекается в конкретные формы. В пользу вербализованности как условия существования концепта говорит и признание существования языкового сознания, оперирующего ментально-лингвальным комплексом. Языковое сознание предполагает, что образы и представления получают манифестацию посредством языковой формы. Соответственно, с точки зрения завершенности процесса познания полагаем целесообразным рассуждать о языковом концепте в отличие от всех других форм познания. Во-вторых, под языковым концептом предлагаем понимать вербализованную сущность. Вербализация должна быть объективирована в устойчивой языковой единице, закрепляющей процесс познания в виде языкового знака или грамматических категориях, когда грамматическое значение объективировано в устойчивых оппозициях.

Естественно возникает вопрос о том, происходит ли заимствование концепта при заимствовании слова. Ответ на данный вопрос можно почерпнуть при рассмотрении уровней формирования концепта. Концептуальный статус, значимость для концептосферы, слово приобретает, когда оно “отрабатывается” на бытийном уровне. Соответственно, это утверждение подкрепляется мнением тех ученых, которые видят два уровня существования концепта: бытийный и рефлексивный [Зинченко 1997]. Причем рефлексивный уровень отражает уровень теоретического знания, а бытийный уровень свидетельствует о практическом применении знания [Попова, Стернин 2001: 100]. Таким образом, заимствование слов *уикэнд*, *инаугурация* и пр. еще не является свидетельством одновременного создания одноименных концептов. Использование понятий *демократия*, *толерантность* и т.п. в русскоязычной среде еще не говорит о том, что они стали частью концептосферы, то есть вошли в языковое сознание народа. В данном случае концептуальный статус и языковой статус расходятся. Уже существуя в языке, слово начинает образовывать свою “концептуальную историю”, то есть оно идет по пути образования представлений, связанных с данным понятием, ассоциаций, оно ищет свою нишу в языковой картине мира данного лингво-культурного сообщества посредством соотношения с уже имеющимися единицами. В конечном итоге этот процесс завершается созданием концепта как результата ментальных переживаний. Заимствованное слово может остаться

понятием, так и "недозрев" до статуса концепта, оставаясь таким образом неконцептуализированным.

В свете всего вышесказанного процесс концептуализации заимствований представляет собой весьма любопытное явление для лингвокультурологического анализа в целом. Причем представляется продуктивным провести сравнительно-сопоставительный анализ концептуализации заимствований, которые были произведены в разные языки из одного первоисточника. Дело в том, что попадая в различный культурный и языковой контекст, то есть становясь единицей различных лингво-культурных кодов, лексическая единица начинает функционировать сообразно законам новой для нее среды, подчиняясь законам новых для нее языка и культуры. Воздействие не только языковых, но и культурологических факторов оказывается весьма существенным для «облика слова», так как «язык погружен в материальную действительность, отражая в своей семантике функциональные соотношения вещей, характеризующих ту или иную социальную среду. Вещи, действия, качества, обстоятельства, отношения функционально связаны между собою в единстве культуры (профессиональной, классовой, национальной и т. п.). Следовательно, вещи и действия, помимо своего прямого материального содержания, имеют исторически меняющиеся внутренние смысловые формы, обусловленные разным назначением их, разными видами связей и соотношений их в разных контекстах культуры» [Виноградов 1999: 111].

Лингвокультурологическому анализу можно подвергнуть русское *симпатия* и английское *sympathy*, этимологически восходящие к греческому *sympatheia*, которое, в свою очередь, впоследствии вошло в латинский как *sympathia*. Значение оригинального слова было обусловлено приставкой *syn-*(*sym-*), обозначающей «вместе», и корнем *pathos* со значением «страсть, чувство, страдание» [Webster: 1441]. Таким образом, первоначальное значение *sympathy* и *симпатия* ярче прослеживается в словарях более раннего периода, так как в английском языке это слово появилось в XVI веке (около 1560-1570 гг.), а в русском – во второй половине XVIII века. Так, словарь В. Даля, вышедший во второй половине XIX века, регистрирует «симпатию» как заимствование из греческого и объясняет ее как «сочувствие, сострастие, безпричинное влечение к кому или чему, безотчетная любовь, предпочтение кого либо»⁸ [Даль 1994: 186].

⁸ Орфография оригинала сохранена – автор.

Английское *sympathy* предполагает “(capacity for) being simultaneously affected with the same feeling as another; ~ (with person, thing, or state etc), tendency to share or state of sharing another person’s or thing’s emotion or condition; (in sing. or pl.) mental participation *with* another in his in his trouble or *with* another’s trouble; compassion or approval (*for*); (in sing. or pl.) agreement (*with*) in opinion or desire; in ~, having, or as a result of, sympathy with another, by way of sympathetic action” [Oxford: 1083]. Таким образом, английское *sympathy* предполагает сочувствие, сострадание, сострастие (ср. с описанием В. Даля), что наглядно демонстрируется в словаре активаторного типа: «the feeling you have when you feel sorry for someone who is having problems, and you understand how they feel” [Essential Activator 2000: 696]. Все это позволяет включить данное слово в концептуальную область “feel sorry”, т. е. “feel sad for someone because they are in a bad situation” [Essential Activator 2000: 695]. При этом концептуальную область, или концептуальное поле следует понимать как понятийную область, объединяющую ряд лексем, конкретизирующих одно общее понятие. Эта когнитивная структура коррелирует с функционально-семантическим полем в традиционной лингвистике. Соответственно, *sympathy* через *sympathize* синонимизируется с *to pity*, то есть “to feel very sorry for someone who is in a much worse situation than you” [Essential Activator 2000: 696], в то время как *to sympathise/ze* определяется как “to feel sad for someone who is having problems, because you understand how they feel” [Essential Activator 2000: 696]. Таким образом, *sympathy* предполагает реакцию сожаления по поводу чужой неприятности и понимание (understanding) чувств тех, кто испытывает эти неприятности (ср.: “the feeling you have when you are sorry for someone who is in an unpleasant situation and you understand how they feel” [Longman Activator 1994: 1358]).

В современном русском *симпатия* эти значения не активизируются, о чем свидетельствует современный словарь русского языка [БТСР: 1186]. И такое положение дел находит вполне обоснованное объяснение. В.В. Виноградов отмечает, что «семантический объем живого слова на современной стадии развития языка бывает ограниченнее, уже, хотя и отвлеченнее и логически расчлененнее, чем структура слова на иных далеких от нас стадиях истории языка. <...> Смысловый объем слова исторически меняется, внутренняя сущность слова также исторически меняется» [Виноградов 1999: 29]. Так, Большой толковый словарь русского языка дает следующую структуру значения слова *симпатия*: «1. Влечение, внутреннее расположение, благожелательное отношение к кому-, чему-л.// Теплое чувство, привязанность, пристрастие. <...> 2. Разг. О человеке как предмете чьего-л. личного расположения, чей-л. сердечной

привязанности» [БТСР: 1186]. Данная структура значения вполне соответствует тому, что зарегистрировано в толковом словаре С.И. Ожегова [Ожегов: 623]: «1. Влечение, внутреннее расположение к кому - чему-н. 2. перен. О человеке как предмете чьей-н. симпатии, любви (разг. шутол.)». Таким образом, современный русский язык отошел в своем функциональном использовании от *симпатии* как сострастия к *симпатии* как пристрастию, то есть от чувства сострадания, сопереживания к ощущению внутреннего, интуитивного влечения, расположения.

Весьма показательными для закрепления соответствующих значений являются и семантика производных в обоих языках. Целесообразность обращения к ним подкрепляется замечанием В.В. Виноградова об особенности дериватов заимствований, «которые в индивидуальной и даже в широкой коллективной речевой деятельности самостоятельно возникают как новые слова» [Виноградов 1999: 29]. Функционируя в рамках нового для них культурно-языкового кода, они наиболее ярко отражают закреплённые за ними семантические области.

Английские производные *sympathetic*, *sympathize/ize*, *sympathizer* закрепляют описанное выше значение *sympathy*. *Sympathetic* предполагает «1. of, full of, exhibiting, expressing, due to, effecting, sympathy (to or towards; sympathetic heart, person, conduct, words); (of landscape etc.) that touches the feelings by association etc.; (of pain etc.) caused by pain or injury to someone else or in another part of the body; (of sound, resonance, string) sounding by vibration communicated through the air or other medium through vibrating object; <...>; strike (by workers in support of other strikers). 2. capable of evoking sympathy, likeable, appealing to reader etc; ~ to, inclined to favour (proposal etc.)» [Oxford: 1082]. В толковом словаре активаторного типа [Essential Activator: 189] специальная помета указывает на необходимость различения *sympathetic* (=ready to understand and help people) и *nice* (=pleasant, ready, and easy to talk to). Соответственно, такое качество как *sympathetic* означает “ready to try to understand people’s problems and to help them if you can”. Кроме того, *sympathetic* может синонимизироваться с *kind* в значении “kind to people who have problems and difficulties”: “if someone is sympathetic to you when you are having problems, they say kind things to you and show that they feel sad about your situation” [Essential Activator 2000: 408]. Этот же словарь описывает *sympathize/ize* как “feel or express sympathy, share feeling or opinion with person etc., agree with sentiment” [Oxford: 1082-1083]. Характерно, что еще у В. Даля *симпатизировать* объясняется как «сочувствовать, быть заодно, отстаивать что, желать чего, содействовать чему по чувству или убеждению» [Даль: 186]. Все это очень близко к сфере значения современного английского *sympathize/ize*. Отсюда и *sympathetic strike* –

забастовка солидарности. Английское производное существительное *sympathizer* предполагает того, кто поддерживает чьи-либо политические взгляды, амбиции или убеждения: “A sympathizer is a person who supports a political organization or believes in a set of ideas” [Cambridge: 1480].

В русском языке производные от *симпатии* – *симпатический*, *симпатичный*, *симпатично*, *симпатичность*, *симпатия* и *симпатизировать*. *Симпатический* предполагает терминологическое употребление и очень близко соответствующему английскому слову *sympathetic*: «1. Отраженно возникающий в другом, симметрически или рядом расположенном месте. *Симпатические боли в зубах*. 2. Вызывающий моральное облегчение, удовлетворение у больного и обычно нейтральный по своим медицинским свойствам. *Симпатические средства*.» [Ожегов: 623]. *Симпатичный* объясняется как «вызывающий симпатию, расположение к себе, привлекательный. *Симпатичный человек*. *Симпатичная внешность*. *Этот юноша мне чем-то симпатичен*.» [Ожегов: 623]. Соответственно, *симпатизировать* значит «испытывать чувство симпатии к кому-л., чему-л.» [БТСР: 1186]. *Симпатично* значит «приятно, мило, привлекательно» [там же]. А *симпатия* объясняется как «симпатичный человек» [там же], то есть человек милый, привлекательный внешне и/ или внутренне, тот, кто располагает к себе.

Параметровые качества *симпатии/ sympathy* раскрываются через их сочетаемость. *Симпатия* в русском языке может быть *глубокая*, *искренняя*, *нескрываемая*, *откровенная*, *личная*, *давняя*, *новая*, *единственная* [БТСР: 1186], *большая*, *давняя* [Ожегов 1985: 623]. В английском языке *sympathy* может быть *deep*, *deepest*, *great*, *heartfelt*, *profound*, *strong* [Бенсон 1980: 245].

Сходство признаков *симпатии / sympathy* касается

- глубины чувства (*глубокая ÷ deep, deepest, profound*),
- интенсивности (*большая ÷ strong, great, a lot of, little*),
- формы проявления (*искренняя, нескрываемая, откровенная ÷ sincere*).

Вместе с тем есть признаки, отражающие специфику каждого из понятий. Так, в английском языке есть указание на источник чувства: *heartfelt*. В русском языке в силу интуитивности, безотчетности этого чувства источник симпатии подчеркивает несколько иное: *личная*, то есть указано на то, что данное чувство порождается в глубине личности. В русском языке имплицитруется временной параметр: *давняя*. Кроме того, в русском языке предполагается обоюдная направленность данного чувства: *взаимная*.

В русском языке *симпатию* можно *вызвать* и *завоевать*, как любое чувство, что вполне согласуется с логикой чувств, а потому имеет

английские эквиваленты: *to arouse, to stir up* [Cambridge: 245], *to capture, command* [Macmillan: 1456]. Симпатию можно выразить (ср.: *to express, feel, have* [Cambridge: 245]). Вместе с тем в английском языке сочетающиеся с *sympathy* глагольные единицы имплицитно подразумевают другую природу данного чувства *to lavish ~ on, to accept, to extend, offer* [Macmillan: 1456].

Таким образом, *симпатия/ sympathy* могут иметь сходные признаки и характер проявления будучи конкретным выражением чувственной сферы. Однако специфика каждого из этих чувств находит манифестацию в различной комбинаторике.

Для понимания концептуальной отнесенности *sympathy* и идентификации ядра его значения весьма продуктивным является обращение к тематическим словарям, типа [Longman Lexicon 1981]. Так, *sympathy* относится к существительным, объединенным в группе “showing helpful interest”: ***sympathy*** (uncountable) 1 the ability to share the feelings of another. 2 (the expression of) pity”. Во множественном числе *sympathies* означает “1 feelings of support: *His sympathies are with our enemies.* 2 a message of comfort in grief: *He sent them his sympathies on the death of their father*” [Longman Lexicon 1981: 271]. Вместе с тем [Cambridge: 1480] ядерным компонентом *sympathy* считает “understanding”: “(an expression of) understanding and care for someone else’s suffering”, а также в другом употреблении “support”: “support and agreement”, таким образом устанавливая соответствующую концептуальную принадлежность.

Таким образом, происходящие от одного источника *симпатия/ sympathy* к настоящему времени образовали свои собственные концептуальные области: симпатия как чувство безотчетного влечения, в результате которого может возникнуть и понимание, но тем не менее чувство это внутреннего, спонтанного, необъяснимого происхождения. *Sympathy* – это понимание и поддержка, которые могут быть окрашены в горестные тона, поскольку могут быть и чаще всего вызваны чужим страданием. Это чувство также естественное, внутреннее, но природа его и то, что его вызывает – другого свойства.

Описанные выше семантические процессы могут быть обусловлены как языковыми факторами, так и факторами культурологического порядка. Переосмысление структуры значения лексемы *симпатия* в русском языке может сигнализировать об отсутствии «семантических вакансий» для первоначального значения симпатии как сострадания. Данный семантический сдвиг, который, перефразируя выражение Л.С. Выготского, как конфликт, возник между первоначальным и последующим применением слова [Выготский 1998: 29], послужил переходу лексемы *симпатия* в область другого концепта:

благожелательного, доброго чувства. Реконструкция данной концептуальной области и именовании самого концепта становится возможным благодаря обращению к синонимическому ряду лексемы симпатия. Синонимический словарь русского языка предлагает синонимический ряд *расположение, симпатия, приязнь* с опорным словом *расположение* и объясняет лежащее в основе понятие как «хорошее, благожелательное отношение, доброе чувство, испытываемое к кому-л.» [Словарь синонимов: 356]. Таким образом, концептуальная принадлежность русского слова симпатия – расположение, благожелательность. [Webster's Synonyms: 809] в один ряд ставит *sympathy, pity, compassion, commiseration, condolence, ruth, empathy*, когда она служат обозначению чувства сострадания к горю другого человека. Вместе с тем *sympathy* определяется как наиболее общее понятие в диапазоне от дружеского интереса (friendly interest) или согласия (agreement) со вкусами или мнениями до эмоциональной сопричастности (emotional identification), окрашенное чувством глубокой нежности (deep tenderness) [там же]. Таким образом, концептуальная область английского *sympathy* – понимание в беде и поддержка. Соответственно, «ментальное отражение», «нерасчлененное, целостное, неотрефлексированное представление» [Кобозева 2000: 83], то есть денотаты лексем *симпатия /sympathy* совершенно различны. Таким образом, подробный семантический анализ, с привлечением данных об «исторической», «генетической», «культурной» памяти слова [Вендина 2003; Добродомов 2002; Николаева 2002], его дериватологических потенциях, реконструирующей концептуальную отнесенность заимствованных слов, может послужить толчком для глубоких размышлений об особенностях соответствующих языковых и концептуальных картин мира, о процессах концептуализации действительности.

Концептуализация – это и процесс создания концепта, и классификационный акт, завершающийся созданием концепта. Концепт отражает основные, сущностные свойства объекта или явления. Вместе с тем, его важнейшим качеством является сохранение следов “концептуальной истории” внутри языкового знака.

Классификационный процесс характеризуется своими категориями, то есть опосредуется классификаторами. Классификаторами могут выступать составляющие грамматической системы: грамматические категории, которые понимаются как совокупность грамматического значения, объединяющего целый класс слов, и грамматической формы.

Концепты могут организовываться во фреймы, то есть вступать в определенные отношения друг с другом, воссоздавая фрагменты окружающей действительности. Представленный в динамике, в

ситуативном аспекте, фрейм приобретает черты сценария. Соотношение концепта и фрейма можно проиллюстрировать посредством описания концепта и фрейма *land*. Выделение концепта предполагает анализ семантики соответствующей лексемы, ведь в традиционном лингвистическом смысле концепты, являясь семантическими категориями максимальной степени абстракции, включают в себя частные значения конкретизации общей семантики и являются обобщением значений всех слов класса [Кильдибекова 2000: 162]. В словаре [Oxford: 562] выделяются следующие значения существительного *land*: 1. Solid part of earth's surface (opp. sea, water, air; travel by land). 2. Ground, soil, expanse of country; this as basis for agriculture, building, etc.; 3. Country, nation, State; 4. Landed property; 5. (S.Afr.) ground fenced off for tillage; 6. Strip of plough or pasture land parted from others by drain furrows; 7. Space between rifling-grooves in guns. Структура значения соответствующего глагола в том же словаре включает: 1. Set or go ashore, disembark; 2. Bring (aircraft, its passengers etc.), (of aircraft etc.) come down to ground or surface of water; 3. Bring to, reach or find oneself in, a certain place, stage, or position; 4. Deal (person blow etc.); present (with problem etc.); 5. Set down from vehicle; bring (fish) to land, (fig.) win (prize etc.), obtain (appointment etc.), esp. Against strong competition; 6. Alight after jump etc. (lit. or fig.). В словаре [Hornby 1967: 545-546] лексема *land* характеризуется следующей семантической структурой. Существительное *land* обозначает: 1. Solid part of the earth's surface (contrasted with sea, water); 2. Ground, earth, as used for farming; 3. Property in the form of land; 4. (pl.) estate; area of land with the trees, etc., on it; 5. Country and its people. Глагол *land* предполагает: 1. Go, come, put, on land (from a ship, aircraft, etc.); bring (a fish, an aircraft, etc.) to land; 2. Bring to, reach, a position or situation; 3. Strike, hit.

В словаре [Cambridge: 793-794] для лексемы *land* предлагаются следующие направляющие слова (guide-words): *dry surface*, *country*, *arrive*, *unload*, *achieve*. В сущности, эти направляющие слова являются классификаторами, то есть они обладают категоризационной способностью. *Dry surface* понимается в общем смысле, как “the surface of the Earth that is not covered by water”, а также в узком смысле как “a particular part of the dry surface of the Earth, sometimes used for a special purpose”. Классификатор *arrive* специфицируется как “to (cause to) arrive at a place, esp. After moving down through the air”, либо как “to arrive in a boat”, а также “to land someone in / with an unpleasant situation is to cause them to be involved in it”. Направляющее слово *unload* уточняется: to unload (people or things) from a ship or aircraft onto the ground. Значение *achieve* понимается как “to get or achieve (something desirable), esp. in a way which seems easy or unexpected”.

Таким образом, на основе наблюдения и анализа структуры ключевым значением лексемы *land* является: (1) суша; (2) участок суши; (3) земельный участок (для строительства, сельского хозяйства); (4) страна (в прямом и переносном смысле), пределы государства; (5) земля как собственность; (6) земля в первородном смысле, природа; (7) поверхность, а также (8) достичь поверхности земли с воздуха или суши с моря; (9) достичь поверхности.

Как известно, при восприятии мира очень большое место занимает принцип биполярности, то есть бинарности оппозиций в процессе категоризации [Леви-Строс 1999: 141, 147]. Дуалистичность человеческого мышления находит отражение в существовании противопоставленных концептов, которые позволяют структурировать концептосферу лингво-культурного сообщества как двучленную таксономию. Для концепта *land* важна его противопоставленность прежде всего концепту *sea*, что выявляется в результате анализа характерных употреблений названных лексем в составе наиболее ярко репрезентирующих их словосочетаний и предложений: *It is cheaper to drill for oil on land than at sea* [Cambridge: 793]; *travel over land and sea; come in sight of land; glad to be on land (to reach land, come to land) again; land-based aircraft; Are you going by land or by sea?* [Hornby 1967: 545]. Наглядно это основное значение репрезентируется в словах-репрезентантах: *landfall* (approach to land, especially for the first time during a voyage: a good landfall, one that corresponds well to the calculations made by the ship's officers), *land-forces* (military forces (not naval), *land-locked* (of a bay, harbour, etc) = almost or entirely surrounded by land; *land-lubber* = (used by sailors to describe a) person not accustomed to the sea and ships; *landmark* = object, etc., easily seen from a distance and helpful to travellers (e.g. navigating officers of a ship); *landsmen* = a person who is not a sailor [Hornby 1967: 545-546]; *land-mass* = a large area of land that is in one piece and not broken up by seas [Cambridge: 795]; *land-breeze* = blowing seaward from land, *land-crab* = crab that lives on land but breeds in sea, *Land's End* = western point of Cornwall, *landshark* = one who lives by swindling seamen ashore, *land-wind* = blowing seaward from land [Oxford: 562]; *dry land* = the land when compared with the sea [Longman Activator 1994: 736]. К примеру, для русского языка актуальна противопоставленность концепта “земля” концепту “небо”, что проявляется в устойчивых словосочетаниях “земля и небо” [Ожегов: 179], “витать между небом и землей” (“между небом и землей жить”, “упасть / сойти с неба на землю”) [БТСР: 363].

Таким образом, концепт *land* подразумевает сушу или, уже, часть суши – некую территорию, принадлежащую какому-либо лицу, в виде земельного участка, земельной собственности, земельного участка,

который используется в определенных целях, вплоть до государственных пределов. Важная часть концепта *land* объективируется пластом значений, связанных с пониманием его как территории, государственных пределов, как это имеет место в пословице: *Every land has its own law* [Oxford proverbs 1992: 144]. Соответственно, это послужило построению метафорических именовании *land of hope and glory*, *land of cakes* (= Scotland), *land of the leal* (= heaven), *the land of the living* (= this present existence [Hornby 1967: 545], the ordinary world of people and events; reality, consciousness [Idioms 1983: 63]), *land of promise* (= Canaan, promised by God to the Jews [Hornby 1967: 545]), метафорическому названию стран *the Land of the Midnight Sun* для Норвегии, Швеции, Финляндии, где летом солнце заходит очень поздно, *the Land of the Rising Sun* о Японии [Cambridge: 794]. Помета в словаре характеризует это употребление как книжное или эмоциональное, предлагая предпочтительный вариант *country*. Вероятно, эта стилистическая маркированность и послужила метафорическому освоению данного значения, а также юмористическому эффекту соответствующих метафор: *She went to bed very late last night, so I don't imagine she'll be in the land of the living* (= awake) *before lunchtime*; *Jamie's in the land of nod* (= Jamie's sleeping), *so don't disturb him*; *a land flowing with / land of milk and honey* (= a country where living conditions are good and people have an opportunity to make a lot of money: Many Mexicans regard the United States as a land of milk and honey) [Cambridge: 794]. Путем переосмысления прямого значения *land* “земля, участок земли и земля как страна”, то есть в территориальном смысле, возникли такие идиомы, как *see / find out / discover*, etc., *how the land lies* (= to learn or find out the full details of a situation, especially before acting or taking a decision: You should find out how the land lies before asking for more money [Longman Idioms 1994: 187]), *cloud cuckoo land* (= on imaginary state of affairs that is unrelated to real life: Don't expect any useful advice from him – he's been living in cloud cuckoo land for years) [Longman Idioms 1994: 57-58].

Метафора «земля как последняя гавань, куда возвращаются», как первородное место, где находят приют, обусловило актуализацию значения фразового глагола *land up*, что значит “reach (a final point) after a journey, career etc”: *His hat blew off in a strong wind and landed up on top of a lorry* (место окончательного полета, прямое значение). *Michael landed up teaching in his home town* (окончание всех амбициозных планов, переносное значение). *The probation officer had a warning for Bill. “One more appearance in court and you could land up in prison”* [Oxford phrasal 1997: 207].

Интерес вызывает тот факт, что в части фразовых глаголов с лексемой *land* наличествует отрицательная коннотация: *land in* означает

“make things end unhappily, badly etc. for (sb)”. Соответственно, *land in* сочетается с *mess, muddle; court, prison; (taboo) the shit*: *Just look at the mess you've landed us in! You know where he'll land himself next time? In jail; land onto, land with = oblige (sb) to accept (a burden): I've been landed with two extra sets of papers to mark. Someone has landed me with the job of finding hotel rooms for the visitors (or: landed onto me the job of finding hotel rooms etc.). The family were landed with mother-in-law (or: Mother-in-law was landed onto the family) for the entire week-end* [Oxford phrasal 1997: 207]. Такое отрицательное осмысление не может не подвести к параллели с пословицей, актуализирующей анализируемый концепт как бремя, груз: *You buy land, you buy stones* [Oxford proverbs 1992: 144].

В концепте *land* реализуется понимание чего-то земного, преходящего. Земля как ценность уступает другим ценностям: *When house and land are gone and spent, then learning is most excellent; Learning is better than house and land* [Oxford proverbs 1992: 144].

Концептуальная структура лексемы *land* лучше всего отражена в словаре [Longman Activator 1994]. Данный словарь [Longman Activator 1994: 735-736] представляет анализируемую лексику как следующие лексико-семантические варианты: (1) an area of land that someone owns or controls; (2) the surface of the land; (3) the land when compared with the sea or air. Словом-симиларом для первого значения является *territory*, для второго - *ground*, а для третьего – *dry land, the ground*. В аксиологическом аспекте *land* имеет ценность как собственность, как первородная ценность. С другой стороны, она может превращаться в обузу или может оказаться предметом мотовства.

Концепт *land* вырастает во фрейм, когда актуализируются связи и отношения данного концепта с другими соотносящимися с ним концептами. Большую помощь в построении фрейма может оказать словарь “Essential Activator”, который устроен на когнитивных принципах. В словарной статье этого словаря слово представлено как область, которая покрывается значением данной лексической единицы. Одновременно даются синонимы, слова-симилары, объективируются семы, заложенные в семантической структуре и неочевидные для не-носителя языка. Фрейм LAND может включать концепты *environment, town, area, beautiful*, и раскрываться при анализе лексем (например: *environment, town, sea, field, the grounds, landscape, scenery, the ground, earth, soil, dirt, mountain, hill, valley, plain, forest, wood, rainforest, jungle, desert, river, stream, lake, pond, island, peninsula, the coast, the shore, beach, the seaside, geography* [Essential Activator 2000: 413]).

Концепт *land* может быть задействован в сценарии [ВОЗВРАЩЕНИЕ КУДА-ЛИБО], [НЕУДАЧНОЕ ОКОНЧАНИЕ

СОБЫТИЙ], [ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУДНОГО СЫНА / ДОЧЕРИ], [ВОЗВРАЩЕНИЕ К РОДНЫМ БЕРЕГАМ / В РОДНЫЕ ПЕНАТЫ] и т.п.

Все вышеизложенное подтверждает понимание того, что природа концепта представляет несомненную трудность для лингвиста вследствие его комплексного характера. Тем не менее, исследователи не отказываются от последовательных и методичных попыток, направленных на раскрытие природы концепта. При этом доминирующее значение приобретает тот факт, что в концепте соединяются лингвистическое и экстралингвистическое знания.

Что касается лингвистической части концепта, то, несомненно: он соотносится со значением, лексемой и потенциальной семемой. Это, в свою очередь, обуславливает выбор методов лингвокогнитивного анализа. Поскольку в лингвистическом плане концепт коррелирует со значением слова, а смысловое содержание лексической единицы принято описывать «как систему семем и сем (семантических признаков), имеющих полевою структуру – с ядром, ближней, дальней и крайней периферией» [Попова, Стернин 2001: 58], соответственно, объективации концепта может способствовать семный анализ: вычленение и описание семем, а в их составе и сем; компонентный анализ. В связи с тем, что лингвисты склоняются к мысли о полевой организации концепта, то его объективации служит и построение соответствующего функционально-семантического поля. Это обусловлено тем, что так как «языковые знания являются частью неязыковых знаний, а языковая картина мира как бы «вмонтирована» в его когнитивную структуру, то семантические поля входят в качестве составных фрагментов в когнитивные поля, фреймы, концептосферы» [Васильев 2000: 249]. Поскольку одно и то же значение может быть выражено различными словами, то представляется возможным обратиться к анализу синонимического, антонимического рядов, поиску ключевого слова в составе синонимического ряда, анализу словарных дефиниций, лексической сочетаемости, деривационного поля, паремий. Лексическая сочетаемость способствует «проявлению» концепта. Анализ словарных дефиниций способствует вычленению точного значения концепта, так как словарные толкования выявляют важнейшие классификационные признаки [Попова, Стернин 2001: 86]. Изучение деривационного поля служит осознанию всего смыслового богатства концепта, «обыгранного» в разных словах одного деривационного поля. Анализ паремий выявляет зафиксированные языковым сознанием морально-нравственные ориентиры, в которых задействован тот или иной концепт.

При изучении концепта велик потенциал текстологического анализа, так как текст гармонично соединяет в себе лингвистическое и

экстралингвистическое. Обращение к тексту обусловлено тем, что значения отдельных лексических единиц лучше всего можно понять с точки зрения их вклада в процесс интерпретации текста [Филлмор 1988].

Исследователи подчеркивают, что описание концепта возможно проводить и при помощи психолингвистических методов в ходе эксперимента: посредством лингвистического интервью, что связано с образной основой концепта.

2.3. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ПРИРОДА КОНЦЕПТА

Благодаря осознанию национально-культурной специфики познавательной деятельности и в частности центрального понятия лингвокогнитологии «концепт», олицетворяющего когницию, лингвистическая когнитология стала плодотворным направлением для проведения лингвокультурологического исследования. За счет отхода от транслитеральной интерпретации термина «концепт» (в течение длительного времени концепт понимался как термин, равнозначный понятию [ЛСС 1975: 263; Беляевская 1985; Булыгина, Шмелев 1997: 489]) и пониманию того, что “акцентируя реалии, к которым нас отсылает слово, он позволяет отвлечься от принятого в логике термина *понятие*” [Фрумкина 2001: 45]. Расхожим стало понимание концепта как следствия преломления языковых и культурологических векторов. Культурный аспект концепта акцентируется в его интерпретации как “сгустка культуры в сознании человека”. Это “то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, “не творец культурных ценностей” – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее” [Степанов 2000: 42-43]. Когнитивная трактовка концепта выявляет прежде всего его ментальную природу. Так, Р.М. Фрумкина считает, что концепт вскрывает «ментальную сущность» значения [Фрумкина 1995: 88, 89]. Аналогичной точки зрения придерживается А.П. Бабушкин, определяя концепт как «ментальную репрезентацию» связей между объектами действительности [Бабушкин 1996: 16]. Кроме того, когнитивная интерпретация концепта делает очевидной нечеткость его границ [Слышкин 2000: 9]. Лингвистическая сторона концепта высвечивается в определении его как “алгебраического” выражения значения, которым пользуются носители языка в устной и письменной речи. Такой процесс формирования концептов связан с тем, что “охватить значение во всей сложности человек просто не успевает, иногда не может, а иногда по-своему интерпретирует его (в зависимости от своего

образования, личного опыта, принадлежности к определенной среде, профессии и т.д.)” [Лихачев 1997: 281]. Национальная специфика концепта высвечивается в трактовке данного понятия Н.Д. Арутюновой. В русле данных воззрений концепт понимается как нечто, относящееся к области практической (обыденной) философии, и является результатом взаимодействия культурологических факторов, к которым относятся национальная традиция, фольклор, религия, идеология, жизненный опыт, образы искусства, ощущения и система ценностей. Концепты образуют “своего рода культурный слой, посредничающий между человеком и миром” [Арутюнова 1993: 3]. Этот подход явно перекликается с этнографическим определением феномена культуры, сформулированным Э.Б. Тайлором: “культура <...>слагается в своем целом из знания, верований, искусства, нравственности, законов, обычаев и некоторых других способностей и привычек, усвоенных человеком как членом общества” [Тайлор 1989: 18]. В рамках такого подхода акцент делается на контекстуальной связи формирующегося в сознании индивида или коллектива концепта с уже усвоенными глобальными общественными ценностями данного социума” [Слышкин 2000: 10]. Концепт имеет и психофизиологическую основу, существуя в психике человека [Фрумкина 1995: 91]. Этой основой служит “некий чувственный образ, к которому “прикреплены” знания о мире, составляющие содержание концепта” [Попова, Стернин 2001: 57]. Все вышеприведенные трактовки концепта высвечивают различные аспекты данного понятия, ибо концепт есть сложное целое, совокупность целого ряда составляющих.

Таким образом, в лингвистических терминах концепт сопрягается со значением слова. Так, в некоторых работах содержание концепта равноценно семантике языкового знака [Апресян 1995а: 56; Никитин 1983: 8]. Вместе с тем концепт представляет собой и представление о значении данного слова, сформированное и хранимое носителями языка. Причем формирование этого представления испытывает влияние как факторов социума, так и индивида самого. По существу, концепт формируется в сознании индивида в процессе социализации личности. При этом освоение лингвистического значения слова параллельно с социализацией личности и освоением ею своего культурного пространства и является факторами, способствующими рождению концепта. Совершенно естественно, что концептосфера индивида динамична, она может расширяться за счет появления новых концептов и изменения объема и области значения уже имеющихся. При этом новые концепты могут появляться за счет обогащения личностного и социального опыта индивида, а также за счет появления новых концептов в массовом сознании, т.е. в социуме. Всплеск рождения концептов

отмечается в обществе в момент его реструктурирования, во времена перемен, перехода от одной социо-культурной парадигмы к другой. Ярким примером этого является перестроечная реальность в СССР с появившимися и вошедшими в повседневный обиход концептами “гласность”, “перестройка” и т.п. и дальнейшее социальное строительство новой демократической России: “новый русский”, “евроремонт” и т.п. Однако и спокойное течение социально-политической жизни не является препятствием рождению новых концептов, хотя, безусловно, бурного всплеска в этом случае уже не наблюдается. Рождению концептов в этом случае способствуют средства массовой информации, культурная среда, политическая жизнь, расширяющиеся и углубляющиеся международные контакты. Таким образом, появление новых слов, новых значений уже имеющихся лексических единиц являются свидетельством появления новых концептов. В этой связи лингвистической реальности и потребностей ежедневной социальной жизни состоит языковая основа концепта. Концепт, являясь ментальной сущностью, входит в когнитивную базу носителей языка. В этом смысле концепт соотносится с фреймом, сценарием. Понимание концепта как ментальной сущности отражает природу данного образования, соотнесенного с отражением в человеческом опыте информационных структур.

С другой стороны, концепт является частью культурного фона данного социума. Подчеркивается, что одним из компонентов семантики языкового знака является когнитивная память слова, то есть смысловые характеристики языкового знака, связанные с его исконным предназначением и системой духовных ценностей носителей языка [Апресян 1995б: 170]. Таким образом, в концепте отражено то, каким образом общество освоило данную лексическую единицу, как преломило окружающую действительность, какие стороны концепта высветило, какое наполнение внесло в лексическую единицу в соответствии с культурой в широком смысле данного национально-культурного сообщества. В этом смысле можно сопоставлять один и тот же концепт разных национально-культурных образований, различных социальных групп в рамках одного образования, различных индивидов. Результатом можно предположить наличие различий в наполнении концептов, с одной стороны, и в самой номенклатуре концептов, с другой. Так, в русском языковом сознании советского времени концепт “коммунизм” имел наполнение, отличное, от содержания одноименного концепта представителей так называемых капиталистических стран, русский анекдот отнюдь не является английской шуткой при том, что анекдот – это, действительно, шутка, но шутка совершенно определенного рода.

Культурный аспект концепта является базисным в его понимании как составляющей языковой картины мира. Вся совокупность концептов, то есть концептуальная картина мира, соотносится с языковой картиной мира, выраженной посредством лексических единиц. Языковая картина мира представляет собой в когнитивных терминах концептосферу языка. Концепт есть базовая строительная единица концептуальной картины мира, соотносенной с языковой картиной мира. В пределах концептосферы складываются концепты, концептуальные поля, фреймы, сценарии. В плане лингвокультурологии концепт, являющийся инструментом лингвистической когнитологии, представляет собой более “удобную” единицу анализа, ибо по определению концепт предполагает культурный фон, “культурологическую подоплеку”, которую бывает не только сложно вычленивать из семантической структуры, но и дать именование этому образованию в чисто лингвистических терминах (см. об этом [Иванова 2002: 30-60]).

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод о комплексной природе концепта, что подтверждается рядом современных исследований (см. [Воркачев 2001; Попова, Стернин 2001: 37]), и выявить структуру концепта. Структура концепта включает в себя лингвистическую, когнитивную, культурологическую, психологическую составляющие и имеет национальную специфику. Лингвистическая составляющая сводится или сопрягается с семантикой соответствующего языкового знака. Когнитивная составляющая предполагает информативную единицу, некий “квант” познания мира, единицу ментального лексикона, отраженную в человеческой психике [Когнитивный словарь 1996: 90]. В когнитивном смысле концепт обозначает “любой произвольно выделяемый участок семантического поля языка” [Слышкин 2000: 11], что собственно и составляет трудность анализа и изучения данного явления. Культурологическая составляющая концепта включает ценностный аспект [Слышкин 2000: 11-12], понятийный и образный элементы [Карасик 1996]. Ценностный аспект концепта обусловлен его культурологической сущью. Ценностная оценка – необходимое условие формирования концепта. Думается, что ценностная составляющая окрашивает концепт по мере его вхождения и локализации в общей системе культуры и культурных ценностей. “Оценивается то, что нужно (физически и духовно) человеку и Человечеству <...> Мир представляется оценкой как среда и средство для человеческого бытия” [Арутюнова 1998: 181]. “Понятийный элемент формируется фактуальной информацией о реальном или воображаемом объекте, служащем основой для образования концепта” [Слышкин 2000: 12]. Другим проявлением комплексности концепта является наличие трех

слоев, которые относятся к понятийной сфере концепта. Так, предлагается выделять три слоя концепта:

“1) основной актуальный признак, известный каждому носителю культуры и значимый для него;

2) дополнительный, или несколько дополнительных пассивных признаков, актуальных для отдельных групп носителей культуры;

3) внутренняя форма концепта, не осознаваемая в повседневной жизни, известная лишь специалистам, но определяющая внешнюю, знаковую форму выражения концептов” [Степанов 2000: 44].

“Образная составляющая культурного концепта связана со способом познания действительности, исторически предшествующим понятийному. <...> В образный элемент концепта входят все наивные представления, закрепленные в языке, внутренние формы слов, служащих выражению данного концепта, устойчивые мыслительные картинки” [Слышкин 2000: 13].

С точки зрения обслуживания коммуникативных потребностей социума концепты разбиваются на индивидуальные, микрогрупповые, макрогрупповые, национальные, цивилизационные, общечеловеческие в зависимости от типа сообщества, в котором они функционируют [Слышкин 2000: 14]. Существующие в виде совокупности потенциалов, заключенных в словарном запасе языка в целом или его отдельного носителя, концепты образуют концептосферу [Лихачев 1993: 5]. Концептосфера отражает картину мира, реконструируемую в результате анализа языковых средств. В этой связи необходимо отграничить терминологическую область, покрываемую каждым из упомянутых терминов. Необходимо отметить, что некоторые лингвисты употребляют один из двух терминов: “наивная картина мира” у Ю.Д. Апресяна [Апресян 1995а: 56], “концептосфера” у Д.С. Лихачева [Лихачев 1993]. Другие лингвисты указывают на синонимичность данных терминов и отдают предпочтение одному из них, исходя из задач и целей исследования [Слышкин 2000: 13-14]. Действительно, данные термины в своем широком понимании взаимозаменяемы. Вместе с тем представляется, что они привносят разные акценты при проведении лингвокультурологического исследования.

Интерес представляет выявление взаимоотношений и взаимодействия терминов “концептосфера” и “фоновые знания коммуникантов”. Осуществление коммуникации невозможно без “общего основания” (common ground) [Clark 1996: 92-121], то есть того, что информационно связывает участников коммуникации и способствуют взаимопониманию между ними. По сути, речь в данном случае идет о концептосфере, однако, не только о ней. Понятие общего основания

представляется более широким, чем концептосфера. Общее основание охватывает все то, что является «контекстуальным фоном» данной коммуникации, то есть все знания, верования, образы, предположения, ожидания, разделяемые участниками общения. При этом общее основание может существовать как коллективное (*communal common ground*) и как личностное (*personal common ground*). Коллективное общее основание соотносится с культурным сообществом, в котором функционируют коммуниканты. Личностное общее основание обусловлено личными отношениями участников общения, их совместным опытом [Clark 1996: 120-121].

Термины “концептосфера”, “фоновые знания” и “общее основание” имеют свою четкую область приложения, хотя между ними и существует некоторое взаимопроникновение и взаимозаменяемость в некоторых филологических контекстах. Концептосфера предполагает мир концептов, существующих в рамках имеющейся картины мира. При этом концепты могут обслуживать индивида, микро- и макрогруппы, национальные сообщества, цивилизацию и человечество в целом. Соответственно, возможны расхождения концептосфер в разных типах общения. Может случиться так, что фоновые знания наряду с общими концептами будут включать и другие элементы ситуации общения. Концептосфера является частью системы фоновых знаний или общего основания. Вместе с тем наряду с общими концептами участники коммуникации связаны общностью опыта, общностью данной ситуации общения.

В связи с этим необходимо терминологически развести фоновые знания и общее основание. Фоновые знания акцентируют общность информационного поля общения. Общее основание подчеркивает общность контекста. Фоновые знания, обеспечивая вертикальный контекст общения, составляют вертикальную ось коммуникации. Общее основание является горизонтальной осью общения, это, как уже было отмечено выше, знания, верования, образы, предположения, ожидания, разделяемые участниками коммуникации [Clark 1996: 120-121].

Таким образом, концептосфера есть совокупность концептов, характерная для данной национально-культурной общности. Фоновые знания – это информационное поле коммуникантов, или носителей языка, в более широком плане. Это то, что составляет вертикальный контекст общения. И, наконец, общее основание – горизонтальный контекст, то есть то, что разделяют участники общения в момент общения. Совершенно естественно, элементы вертикального и горизонтального контекста могут наслаиваться и принадлежать обеим осям одновременно. Именно это обстоятельство обуславливает трудность дифференциации

обеих осей. Концептосфера является фактором коммуникативной компетенции, которая предполагает умение выбрать концепты, необходимые для реализации перлокутивного эффекта, то есть для воздействия на адресата, и умение найти языковые соответствия, адекватные ситуации общения [Слышкин 2000: 25].

Как было отмечено выше, термин “языковая картина мира” связывает язык с мировидением, с тем или иным способом концептуализации окружающей действительности при помощи языковых средств. Термин “языковая картина мира” подчеркивает системный характер данного образования и делает акцент на отражении при помощи языковых средств многообразных связей и реалий окружающей действительности, сочетающихся в нечто единое целое – в картину мира. Причем эта картина мира составлена при помощи языковых единиц различных стратумов языковой системы. Концептосфера акцентирует потенциал словаря того или иного языка, то есть лексической составляющей языковой системы. Исходя из вышесказанного, представляется необходимым подчеркнуть разноуровневость данных терминов. “Картина мира” является результатом взаимодействия всех средств языковой системы. “Концептосфера” соотнесена с отражением окружающей действительности в той мере, в какой проявляется национальная специфика существующих в ней концептов. Кроме того, “языковая картина мира” делает акцент на лингвистической стороне данного явления. “Концептосфера” на первый план выдвигает ментальную сторону. Концептосфера – это совокупность ментальных сущностей, отраженная в вокабуляре языка в целом или его отдельного носителя. Языковая картина мира есть отражение связей окружающей действительности посредством системного использования языковых единиц различных уровней. Концептосфера соотносится с деятельностным аспектом, она представляет собой то культурологическое информационное пространство, в рамках которого коммуницируют носители языка одного и того же национально-культурного сообщества. Коммуниканты не взаимодействуют в рамках языковой картины мира. Языковая картина мира является системным абстрактом. Этот термин соотносится с языком, как конструктом. Концептосфера представляет собой необходимое условие осуществления коммуникации. Это те ментально-информационные рамки, в пределах которых коммуниканты эффективно взаимодействуют. В этом плане концептосфера коррелирует с “глобальным вертикальным контекстом” [Ахманова, Гюббенет 1977; Гюббенет 1980], фоновыми знаниями [Шабес 1989] коммуникантов, или иначе “общими знаниями” (D.K. Lewis), или “совместными знаниями”

(Н.Н. Clark, С.Р. Marshall), или “общим основанием” (Н.Н. Clark, цит. по [Слышкин 2000: 16-17]).

2.4. ПРОЦЕССЫ КАТЕГОРИЗАЦИИ В КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Действие процессов концептуализации распространяется на все пространство языка. Однако наиболее наглядно оно проявляется на материале лексической системы. Суть процесса концептуализации сводится к структуризации знаний посредством концептуальных единиц. “Каждый отдельный акт концептуализации представляет собой пример решения проблемы и в нем задействованы механизмы умозаключений, получения выводных данных (инференции) и другие логические операции” [Когнитивный словарь 1996: 93]. Тесно связанным с процессом концептуализации оказывается процесс категоризации. Категоризация направлена на “объединение единиц, проявляющих в том или ином отношении сходство или характеризующихся как тождественные, в более крупные разряды” [Когнитивный словарь 1996: 93]. Категоризация завершается построением классификационных объединений: классов, разрядов, группировок, множеств, категорий [Когнитивный словарь 1996: 46]. При рассмотрении когнитивной категории встает вопрос о соотношении категории, с одной стороны, и концепта, фрейма, сценария, классификаторов, с другой. Категория представляет собой более высокую степень абстракции. Так, Н.Н. Болдырев полагает, что “в основе формирования категорий лежат определенные структуры знаний – знания о том, какие элементы входят в состав или могут быть отнесены к данной категории, каковы их основные характеристики, как и какими отношениями они связаны с другими категориями, какие образцы являются более типичными для этой категории, а какие – менее типичными и т.д.” [Болдырев 2000: 66]. Соответственно, в основе категории находится прототипический концепт, или прототип, который и определяет ее содержание [Болдырев 2000: 83]. Таким образом, “категоризация – это, с одной стороны, знание категорий объектов и явлений и их названий и, с другой стороны, сам процесс отнесения тех или иных объектов к конкретной категории, включая присвоение им соответствующих названий” [Болдырев 2000: 67]. При этом необходимо подчеркнуть, что когнитивная категория – это единица ментального освоения мира высокой степени обобщения. Следует оговориться, что степень абстракции может варьироваться, поскольку “категоризация предметов и явлений окружающего мира может происходить на разных

уровнях” [Болдырев 2000: 84-85]. Категория, таким образом, представляет определенную иерархию. Следовательно, логично сделать вывод о вертикальном и горизонтальном аспектах категории. Вертикальный аспект категории свидетельствует об иерархической упорядоченности членов категории, а горизонтальный аспект выделяет один из уровней абстрагирования. Так, категория “*Social organization in groups*” может быть представлена уровнями *people and populations; the people; culture and civilization; cultures and civilizations, groups and parties; societies, clubs and parties; other larger groups of people; other smaller groups of people; country and state; parts of countries; parts of towns and cities; kinds of towns and cities; people belonging to cities and countries; relating to nations and races* [Longman Lexicon 1981: 96-102]. Вся совокупность данных подкатегорий представляет собой горизонтальный срез и может быть представлена следующим горизонтальным срезом «*towns and cities*», охватывающим такие единицы, как *town, city, village, hamlet, settlement, township* [Longman Lexicon 1981: 100]. Вслед за Э. Рош, выделяют базовый, суперординатный и субординатный уровни категории. Если два последних термина служат для выявления взаимосвязи в отношениях иерархии, то базовый уровень закрепляется за одним из горизонтальных срезов. Это некий средний уровень таксономической иерархии, который является операбельным для носителя языка. “Дело в том, что обыденное сознание, по мнению психологов, оперирует именно базовым уровнем, не требующим специальных, теоретических знаний об объектах. На этом уровне восприятие и категоризация объектов осуществляются гештальтно, то есть нерасчлененно: мы воспринимаем объекты и оперируем их концептами неосознанно, не задумываясь об их основных характеристиках и составляющих компонентах” [Болдырев 2000: 86]. Базовый уровень представлен такими членами категории, которые легки для осознания, удобны для эксплуатации. Степень абстракции базового уровня не требует больших усилий при освоении членов категории. Свидетельством этого является тот факт, что данный уровень осваивается детьми в первую очередь [Болдырев 2000: 87]. Вполне закономерно, что базовый уровень содержит наибольшую часть наших знаний о мире. Дж. Лакофф объясняет, что базовый характер категорий базового уровня обусловлен соответствующим уровнем (1) восприятия, для которого типично целостное восприятие формы, оценочный ментальный образ, быстрая идентификация; (2) функции, задающей общую моторную программу как единую систему действия; (3) коммуникации, что отражается в выборе наиболее частотных, коротких и контекстуально нейтральных слов; (4) организации знания, поскольку именно на этом уровне хранится наибольшее количество характеристик членов категории [Lakoff 1990: 47].

Таким образом, нельзя не согласиться с утверждением Н.Н. Болдырева, что для процесса категоризации важно не только выполнение таких операций, как “членение мира на категории разного уровня абстракции и соотнесение с ними определенных объектов и явлений, но и специальное выделение срединного уровня как психологически более значимого, то есть базового” [Болдырев 2000: 89]. Процесс категоризации протекает за счет активизации когнитивных моделей. Эти последние составляют когнитивный аппарат, результатом действия которого и являются категориальные классификации [Лакофф 1988: 31].

Заслуга выделения когнитивных моделей принадлежит Дж. Лакоффу. Он различает пропозициональные, схематические модели образов, метафорические и метонимические модели [Лакофф 1988: 31-32]. Пропозициональные модели вычлняют элементы, характеризуют их и идентифицируют связи между ними. При использовании пропозициональных моделей оказывается незадействованным механизм воображения. Пропозициональные модели наиболее типичны для структуриации человеческого знания. Примером пропозициональной модели может служить модель той или иной области опыта в ее таксономическом выражении. Когнитивная категория временной отнесенности в английском языке указывает на отнесенность во временном плане, на временной оси, к прошлому, настоящему или будущему. Вместе с тем она указывает на предшествование какому-либо событию и временной отрезок, который занимало данное действие или состояние. Такое объяснение существующим грамматическим категориям с позиций когнитивистики дает возможность выхода из тупика, созданного подходами, выработанными в рамках традиционной грамматики. Исходя из логики рассуждений последней, трудно было уложить вместе все эти временные аспекты действия и / или состояния (дискуссии по этой проблеме отражены во всех обзорах системы грамматических времен английского глагола [Смирницкий 1959; Бурлакова, Иванова, Почепцов 1981: 51-65; Ильиш 1948; Ильиш 1971: 76-98; Бархударов 1975; Блох 1983: 137-175].

Когнитивная модель “схематические модели образов” представляет собой “специфические схематические представления образов, таких, как траектории, длинные тонкие формы или вместилища” [Лакофф 1988: 31]. Так, в качестве примера Дж. Лакофф приводит наше знание о свечах как схематическое представление о длинных тонких предметах. Среди наиболее типичных образных схем различают: вместилище, источник – путь – цель, связь, часть – целое, центр – периферия, вверх – вниз, передняя сторона – задняя сторона, линейная упорядоченность и др. [Болдырев 2000: 90]. Устройство ядра, например,

предполагает центр и периферию, монета предполагает наличие двух сторон: “орел” и “решка”.

Метафорические модели являются моделями перехода от пропозициональных или образно-схематических моделей одной области к соответствующей структуре другой области. Так, метафора “КАНАЛ”, используемая для обозначения процессов и реалий коммуникации “позволяет перейти от знания о перемещении предметов в контейнерах к пониманию коммуникации как перемещения идей в словах” [Лакофф 1988: 32]. Образ свечи как длинного тонкого предмета используется при описании высоких худощавых людей. Двусторонность некоторых объектов послужила основой синтаксической модели “с одной стороны ... с другой стороны”. В английском языке аналогичная структура также имеет в основе метафорическую модель *on the one hand - on the other hand*. Судьба уподобляется копейке и выпадает человеку то орлом, то решкой. Н.Н. Болдырев отмечает, что для метафорического переноса обязательно наличие области источника и области цели. В процессе переноса структура модели области источника транспонируется на структуру модели области цели [Болдырев 2000: 90].

Метонимические модели понимаются как “модели одного или нескольких описанных выше типов, дополняемые указанием функций, выполняемых одним элементом по отношению к другому, то есть “часть категории замещает всю категорию для какой-нибудь когнитивной цели” [Лакофф 1988: 34]. Так, колеса как часть автомобиля, выступающего в качестве средства перемещения, используются для обозначения самого автомобиля. При этом необходимо уточнить, что метонимический перенос осуществляется в пределах одной-единственной концептуальной области [Болдырев 2000: 91].

Элементы категорий вступают в различные отношения друг с другом, представляя тем самым различные формы категоризации мира. Когнитивные модели, образующиеся в результате различных группировок внутри категорий, являются сложными построениями. Эта сложность обусловлена различными конфигурациями, которые принимают категории в процессе своего становления, что коррелирует со сложностью и многообразием объектов объективной реальности и их взаимоотношениями друг с другом. Сформированные тем или иным образом категории отличаются своим рисунком, или схемой. На основании особенностей строения выделяются такие категории, как категории базового уровня, классические, порождаемые, радиальные, градуируемые, кластерные и некоторые другие. Список этот может расширяться в соответствии с изменениями в схемах строения категории при отражении того или иного объекта или фрагмента объективной

реальности. Первичными являются базовые категории, так как они в естественной форме отражают категоризацию мира в процессе обыденного познания. «В основе их формирования лежат концепты базового уровня, имеющие структуру гешталтов, в которых целое доминирует над частью (гешталты общего внешнего вида, например, стола, стула, собаки и т.д.), то есть любой объект воспринимается как нечто целое, а не как состоящее из отдельных частей. При этом необходимость знания частей обусловлена только необходимостью знания их функций относительно целого. Другими словами, базовые категории соответствуют естественному восприятию и категоризации объектов окружающего мира без выделения характерных для них признаков» [Болдырев 2000: 92].

Классические категории структурированы как пучки признаков и выделяются в процессе научного познания. Для классической классификации характерна иерархическая структура, когда каждая последующая категория вмещает в себя все признаки нижестоящих категорий. Классические категории оформляют специальные, теоретические знания.

“Порождаемые категории определяются или порождаются ее центральными членами, к которым применяются какие-либо общие правила. Например, категория “звук” определяется через категорию “фонема” (плюс позиционные и комбинаторные правила)” [Болдырев 2000: 92].

“Радиальная категория структурируется схемой “центр – периферия”. Одна подкатегория образует центр, другие подкатегории связаны с центром различными типами отношений и в то же время сами могут быть подцентрами” [Болдырев 2000: 92]. Представляется, что грамматические категории времени, вида и временной отнесенности являются примером радиальной категории, а не классической, как их принято рассматривать в традиционной грамматике. Категория грамматического времени образует центр, а категории вида и временной отнесенности являются подцентрами. В определенных употреблениях (например, в системе неличных форм) вид и / или временная отнесенность приобретают статус центров. Собственно говоря, понимание двойственности грамматической категории было отражено в ряде грамматик [Бурлакова, Иванова, Поцепцов 1981: 54-65], однако в силу традиционного классического понимания категории подобная трактовка подвергалась критике за отсутствие логики [Блох 1983: 168-169]. Когнитивная лингвистика позволяет решить проблему системы времен английского глагола с позиции не классических, а другого рода категорий.

“Градуированные категории отличаются расплывчатостью границ. В основе их формирования лежат параметрические (градулируемые) концепты, которые соотносятся с определенной шкалой и выражаются словами типа: высокий, богатый, близкий, глубокий, средних лет и т. п. <...> Градуированные категории могут также возникать и на основе неградулируемых концептов, в результате возникающих несоответствий между идеализируемой и реальной моделью мира. Так, идеализированная модель мира предполагает, что холостяк – это неженатый мужчина (пример Ч. Филлмора), и не учитывает существование священников, монахов, двоеженцев, гомосексуалистов, внухов и людей, состоящих в разводе или в гражданском браке» [Болдырев 2000: 93].

“Кластерные категории представляют собой сложное пересечение нескольких подкатегорий, которое психологически является более центральным, чем сами подкатегории. Например, к категории “настоящий отец” в зависимости от того или иного контекста может быть отнесен и генетический отец и тот, кто усыновил и воспитывает ребенка, или то, кто его поддерживает материально и т.д. Кластерной категорией в языке можно считать категорию фазовости глагольного действия, которая объединяет такие подкатегории, как фаза начала, фаза продолжения и фаза прекращения действия, - ни одна из которых не может рассматриваться как центральная” [Болдырев 2000: 93].

Осознание процессов категоризации, которые совершаются ежечасно, ежеминутно в деятельности человека, является исключительно важным для понимания устройства языка, с одной стороны, и осуществления речевой деятельности, с другой. Устройство языка закрепляет результаты познавательной деятельности, то есть результаты концептуализации и категоризации. Определяющий характер процессов категоризации обусловлен тем, что “как и знания о мире, знание языковых единиц, которые тоже являются частью этого мира, хранятся в нашей памяти в категориальной форме. Соответственно, язык – это категориальное образование» [Болдырев 2000: 95]. Собственно, это вывод, к которому уже давно пришли лингвисты, поскольку грамматические категории уже давно выделены ими для описания грамматики языка. Однако традиционная классификация грамматических категорий при том, что она несет положительный заряд классической категоризации, выделяющей четкие категории, несовпадающие друг с другом и находящиеся в определенных суперординатных / субординатных (иерархических) отношениях, как выясняется, не является единственным способом категоризации. Кроме того, она обладает больше описательной, нежели объяснительной силой. И, наконец, будучи характерной для

научного, теоретического познания, классическая категоризация далеко не всегда совпадает с обыденной, профанной категоризацией, которая и оказывается закрепленной в языковой форме. Именно поэтому нередко трудно уложить противоречивые языковые факты в прокрустово ложе классической категории. Ярким примером противоречивости, порождаемой классической категоризацией, является рассмотрение глагольных категорий времени, вида, временной отнесенности / ретроспекции, категории определенности / неопределенности, системы местоимений. Курс теоретической грамматики английского языка является ярким показателем сопротивления языкового материала классическим принципам категоризации. В этом плане выделение различных типов когнитивных категорий является настоящим двигателем и стимулом для поиска новой аргументации, направленной на объяснение сложнейших языковых фактов.

Прежде всего, возрастают возможности лексической категоризации, то есть объединения слов по их лексическим значениям. Однако лексическая категоризация выполняет только функцию отражения и хранения знаний, она не служит передаче законов функционирования языка. Эти законы приобретают обязательность при рассмотрении тонкостей и деталей грамматической категоризации. “Под грамматической категоризацией понимается объединение слов в различные категории по лексико-грамматическим и грамматическим значениям” [Болдырев 2000: 95]. Такой взгляд на лексическую и грамматическую категоризации находится в полном соответствии с идеями О. Шпенглера, рассуждавшего о судьбах грамматики и словарного запаса в следующих терминах: “Первая связана с духом, а второй с вещами и их положением в пространстве” [Шпенглер 2000: 857]. Исходя из этого посыла, О. Шпенглер выделяет грамматику в качестве ядерного компонента, который определяет своеобразие языка. Рассуждая в подобном духе, О.Шпенглер делает вывод о том, что “большие семьи языков являются в конечном итоге всего лишь грамматическими семьями” [там же].

В речи происходит взаимодействие лексической и грамматической категоризации: “формирование и передача смыслов в процессе общения основывается на взаимодействии лексической и грамматической категоризации слов, их системных и функциональных значений, то есть на функциональной категоризации слов в высказывании” [Болдырев 2000: 98]. “Функциональная категоризация слова в высказывании базируется на нескольких основных принципах взаимодействия системного значения слова и его функционального осмысления. Это актуализация (реализация системного, исходного

значения слова в неизменном или модифицированном виде: в основе формирования смысла лежат те же характеристики, что и фиксированы в словаре), перекатегоризация (переосмысление слова в результате его соотнесения с другой категорией за счет реализации признаков другой категории и другого концепта, например не действия, а процесса: *Eight o'clock came and went*), поликатегоризация (одновременная реализация нескольких концептуальных характеристик или признаков разных концептов, то есть соотнесение слова с двумя разными категориями: *They walked in silence – They walked + They were silent*)” [Болдырев 2000: 98].

Прототипический подход таит в себе широкие перспективы при описании языка и объяснении особенностей функционирования его единиц. Действительно, прототипический принцип категоризации вполне отвечает языковой реальности, обнаруживающей в себе центральные (прототипические) и нецентральные (периферийные) элементы. Содержание категории в наиболее “чистом” виде отражается в прототипе [Болдырев 2000: 102]. Так, прототипический подход объясняет существование глаголов, не содержащих описания действия. Соответственно, прототипом категории глагола выступают глаголы действия. Другие же глаголы концептуализируют “события окружающего мира как процессы (не зависящие от энергии и воли субъекта), свойства (характеристики субъекта по характерным для него действиям и поступкам), состояниям (психологические и эмоциональные состояния, физические и умственные способности и т.д.) и отношения (различные типы логических отношений: тождество, различие, соответствие, партиитивность и т.д., - которые устанавливаются говорящим между теми или иными объектами материального мира)” [Болдырев 2000: 102]. Действительно, глаголы состояния, свойства, отношения трудно вписываются в определение глагола как части речи, содержащей исключительно указание на действие [Каушанская 1963: 75; Гордон, Крылова 1974: 7], на действие или процесс [Хаймович, Роговская 1967:117], на процесс [Ильиш 1971: 27]. Выделение прототипа категории глагола и осознание важности прототипического принципа в организации языковой категории выводит исследователя из тупика, предопределенного принципами классической категоризации. Так, в связи с делением английских глаголов на динамические и статальные (*dynamic and stative verbs*) в зависимости от характера качественного изменения, происшедшего за определенный период (количество) времени, категориальным значением глагола признается развернутость во времени (*dimensionality in time*) [English grammar 1977: 115]. С другой стороны, лингвисты не оставляют попыток выведения общего категориального значения. Однако и в данном случае исследователь выигрывает, используя

прототипический принцип. Осознание трудности выделения категориального значения приводит к тому, что оно находит сложное выражение с указанием на семантическую дифференциацию глаголов на глаголы действия, процессы или состояния, которые служат установлению отношений между участниками действия, процесса или состояния [Longman Grammar 2000: 63]. Достоинство прототипической организации категории состоит в том, что она стимулирует исследователя к поиску типичного в данной категории и к объяснению нетипичных случаев исходя из единых принципов классификации. Так, в основе деления глаголов на акциональные, процессуальные, статальные, глаголы свойства и отношения лежат такие концептуальные характеристики, как (1) субъектная ориентированность, (2) объектная ориентированность, (3) аспектуально-темпоральные и качественные признаки, включающие локализованность во времени, фазовую дискретность, кратность действия и длительность [Болдырев 2000: 102-103]. Возможна и другая комбинация признаков при семантической дифференциации глаголов. Принимая во внимание основное значение (core meaning), аспектуальность, субъектно-объектные и агенсно- пациенские отношения глаголы можно поделить на деятельностные, коммуникативные, ментальные, каузативные, репортажные, аспектуальные и бытийные, или отношенческие. 49% употреблений современного английского языка сохраняют за собой глаголы движения, ментальные и бытийные встречаются в 27% (19% + 8%). Вместе с тем частотность глаголов испытывает влияние регистра речи. Так, дистрибуция деятельностных глаголов варьируется от 49% в разговорной речи и доходит до 52% в художественной прозе, снижается в новостном регистре речи до 41%, достигая минимума употребления в академической прозе – около 29%. Ментальные глаголы частотны в разговорной речи (28%) и художественной прозе (29%). Экзистенциальные глаголы употребительны в художественной прозе (20%), новостях (18%) и академической прозе (28%). Более частотны, чем в других регистрах, каузативные и репортажные глаголы в академической прозе [Longman Grammar 2000: 360-366].

Тот факт, что некоторые глаголы могут относиться к разным группам, тоже находит объяснение с позиции когнитивной лингвистики. Это обусловлено возможностью функциональной поликатегоризации, то есть одновременной реализации нескольких категориальных значений одного и того же глагола, реализацией любых концептуальных признаков, которые могут быть не зафиксированы в системном значении глагола, или перекатегоризации, которая обусловлена значением грамматической формы или функциональным значением глагола в предложении в

сочетании с функциональными значениями связанных с ним слов [Болдырев 2000: 104-105].

Выявление прототипической семантики очень важно, так как она определяет использование слов в предложении для передачи различных функциональных смыслов. “Она также позволяет получить более глубокое представление, с одной стороны, о структуре и содержании тех концептов, которые лежат в основе формирования соответствующих языковых категорий, о принципах организации этих категорий и языковых знаний в целом и, с другой стороны, о механизмах взаимодействия когнитивных и языковых структур в процессе формирования смысла высказывания” [Болдырев 2000: 106].

2.4.1. Категоризации лексики и лингво-культурная специфика

Действие когнитивных факторов широко используется при анализе семантических процессов, происходящих в слове. Аппарат и процедуры когнитивной лингвистики находят приложение при описании процессов изменения значения слов. Так, при изменении значения слова производится семантический сдвиг, запускаемый в действие посредством обобщения, уточнения, фигурального употребления, подстановки или семантического сдвига [Berndt 1989: 76 ff]. Семантический сдвиг делает очевидным ход процесса познания, освоение данной лингво-культурной общностью фактов, процессов и объектов окружающей действительности. Таким образом, протекание перечисленных выше процессов в рамках семантической структуры слова, безусловно, является свидетельством в пользу реальности и очевидности национально-культурной специфики, которая отражается и выражается посредством языковых единиц.

В этом плане интерес представляет сравнение процессов построения прототипических моделей и концептуализации семантических сдвигов в рамках эквивалентных лексических единиц на материале различных языков. Такое сопоставление будет способствовать выявлению культурологической компоненты семантической структуры слова. Когнитивная лингвистика предлагает аппарат для выявления национально-культурной специфики, то есть она позволяет локализовать сферу действия культурологической компоненты.

Информацию о национально-культурной специфике можно почерпнуть в результате сравнения категории и ее языковой реализации в различных языках. Один и тот же объект может послужить выделению различных прототипических признаков в силу (1) различной географической сферы обитания и (2) различной обиходной практики по

освоению окружающей действительности, что находит свое выражение в языковых единицах. Воссоздание категории, отраженной в языковой картине мира, представляется возможным произвести за счет анализа семантической структуры соответствующих лексических единиц и характера их сочетаемости.

Категория может быть представлена как полевая структура, в центре которой находится прототип, окруженный центральными членами категории. Далее, на разном расстоянии от ядра и центра, располагаются периферийные члены категории. Категория “птица” имеет следующее представление в английском языке. Прототипом категории выступает robin. К центральным членам категории относятся dove, swallow, sparrow, duck, swan. Отчуждение некоторых свойств и атрибутов птицы как родового понятия и отдельных ее видов послужило их концептуализации этих свойств. Метафоризации подверглись такие качества птицы, как маленький размер и способность щебетать (LITTLE BIRD как секретный источник информации), наличие крыльев и способность летать (сравнение птицы и летательных аппаратов), нахождение в клетке (BIRD как узник), редкость, что характеризует павлина как представителя одного из видов (RARE BIRD как странный человек), отсутствие интеллектуальных способностей (не имеющий ценности), использование топота ног и шиканья для отпугивания, что проделывают с гусями, (TO GET THE BIG BIRD как «зашикать», «прогнать», «уволить»). Семантический сдвиг, который выражается в специализации, уточнении, и обобщении, способствует созданию новых категорий. Cock, hen, turkey, отпочковываясь, образуют категорию FOWL. Результатом обобщения является категория YOUNG BIRD [Ungerer, Schmid 1997: 262-262]. Категориальными признаками английской ПТИЦЫ, таким образом, является (1) наличие двух крыльев, благодаря чему bird используется для названий летательных аппаратов missile, aircraft; (2) небольшой размер и ощущение незащитности, что позволяет характеризовать женщину молодого возраста как bird; (3) наличие двух ног, а потому bird экстраполируется на человека как двуногого существа; (4) возможность заточения и самовольного обретения свободы позволяет сравнить узника и птицу (a bird has / is flown); (5) олицетворение цели для охотника (kill two birds with one stone, a bird in the hand is worth two in a bush); (6) отсутствие интеллекта (bird-brain(ed)); (7) характер жизненного уклада, который требует ранних подъемов (an early bird); (8) быстрота перемещения (like a bird); (9) способность щебетать и щебетом что-то передавать (a little bird told me); (10) наличие оперения для того, чтобы судить о повадках (bird of

a feather); (11) возможность напугать и заставить улететь (get the bird)⁹. В английской языковой картине мира BIRD – это покрытое пухом и перьями двуногое позвоночное существо небольшого размера с крыльями, быстро летающее, щебечущее, являющееся целью птицелова или охотника, могущее быть заточенным в клетку, но могущее из нее вылететь, не отличающееся интеллектом, рано встающее и поддающееся испугу при топании и шикании, имеющее оперение, по которому группируются птицы одного оперения.

В русском языке категориальными признаками ПТИЦЫ является: (1) наличие крыльев, что способствует метафорическому переосмыслению в *стальную птицу*; (2) наличие двух ног и принадлежность к классу позвоночных, являясь категориальным признаком, способствовало созданию таких характеристик человека, как *невелика птица*, *важная птица*, *стреляная птица*, *перелетная птица* (Все перечисленные словосочетания были созданы за счет присоединения частного признака (размер, важность, наличие опыта, врожденная «охота к перемене мест») к категориальному; (3) характер жизни: *как небесная птица жить*, то есть жить не заботясь ни о чем; (4) характер передвижения (дальность, неуловимость, недостижимость): *синяя птица* (о счастье, о мечтах); (5) быстрота перемещения: *птицей*, то есть быстро, *птица-тройка* о быстро мчащемся средстве передвижения; (6) обнаруживаемость свойств по полету: *видать птицу по полету*. Наряду с ПТИЦЕЙ русский язык концептуализировал категории, образованные от «птичьих» производных: ПТИЧКА, ПТАХА, ПТАШКА. К категориальным признакам ПТИЧКИ относятся: (1) принадлежность к отряду птиц; (2) определенная форма, которая выражается в наличии двух крыльев: ПТИЧКА как пометка, галочка; (3) маленький размер, subtilность, что объясняет использование данного слова по отношению к ребенку, девушке, женщине; (4) беззаботный характер существования, что позволяет называть беспечного, несерьезного человека ПТИЧКА БОЖЬЯ. Категориальные признаки ПТАХИ включают (1) принадлежность к отряду птиц; (2) маленький размер, в силу которого данное слово используется как ласковое название ребенка, девушки, женщины, а также по отношению к небольшим птицам. ПТАШКА предполагает наличие следующих категориальных признаков: (1) принадлежность к классу птиц; (2) особенности жизненного уклада: ранние подъемы и вольная жизнь (*вольная пташка*, *ранняя пташка*). Благодаря развитой системе словообразования русский язык специфицирует атрибуты птицы за счет дериватов ПТИЧИЙ, ПТЕНЕЦ, ПТЕНЧИК. Атрибуты ПТИЦЫ

⁹ Материалом для исследования послужил словарь [Oxford: 90].

манифестируются в следующих устойчивых сочетаниях: (1) наличие острого клюва (*птичий нос, птичье лицо*); (2) отсутствие интеллекта (*птичья память*); (3) владение непонятным языком (*птичий язык*); (4) отсутствие серьезного обеспечения (*на птичьих правах*); (5) высота полета (*с высоты птичьего полета*); (6) аналогия с чем-то недоступным, неизведанным, мифическим (*птичье молоко*). Обобщению подверглись ПТЕНЕЦ и ПТЕНЧИК и используются для именованя молодого поколения (*птены гнезда Петрова*)¹⁰. Итак, в русской языковой картине мира ПТИЦА - это покрытое пухом и перьями позвоночное существо с крыльями, двумя ногами, острым клювом, быстро летающее, даже неуловимое, щебечущее на неизвестном языке, не имеющее постоянного дома, не знающее родины, беззаботно живущее на свете, могущее быть посаженным в клетку, но могущее из нее вылететь, не отличающееся интеллектом, рано встающее, вольно живущее, с характеризующим ее полетом, недоступное или связанное с чем-то недоступным. Данные признаки являются прототипическими.

Анализ показывает, что прототипические признаки птицы в английском и русском языках в своей большей части совпадают. Культурологическая компонента маркирует некоторые элементы семантической структуры лексемы ПТИЦА: один категориальный признак служит разным целям (узнавать по полету (рус.) / оперению (англ.); щебетание как признак условного языка (рус.) / сообщения новостей (англ.)), концептуализированность / неконцептуализированность признака (наличие клюва; вольная жизнь; недоступность, неуловимость). Кроме того, в русском языке благодаря развитой системе суффиксации произошла концептуализация членов категории – дериватов лексемы ПТИЦА, которые взяли на себя некоторые из прототипических признаков: маленький размер, форму (птичка) и характер жизни (вольная пташка) В английском языке новая категория была создана за счет обобщения специфицирующего словосочетания *young bird*.

Рассматривая категорию ПТИЦА с целью выявления национально-культурной специфики, необходимо указать и на видовую представленность данного класса. Культурологическая маркированность будет проявляться в метафоризации различных признаков различных птиц в зависимости от географической среды обитания лингво-культурной общности, что нашло отражение в следующей таблице (табл. 1).

¹⁰ Анализ проводился по материалам словаря [БТСР: 1043, 1044].

Табл. 1. Концептуализация различных свойств составляющих категории ПТИЦА.

<u>Русский язык</u>	<u>Английский язык</u>
Аист принес	
Черный ворон	
Белая ворона	White crow
Стреляный воробей	Sparrow (=cheeky, sharp-witted city dweller)
Ворковать, как голуби	
Шипит, как гусь	Wild as a cock goose
Надутый, как индюк	Cock-headed
Грациозный, как лебедь	
Лебединая верность	
Куриные мозги	Bird-brained, cock-brained, hen-brained
Жар-птица	
Сорока на хвосте принесла	A little bird told me, chatter like a magpie
Лучше синица в руке, чем журавль в небе	A bird in the hand is better than Two in a bush
Мудрость совы	A wise owl
Драчливый, как петух	Proud as a cock, wild as a hawk, fierce as a goose
Болтливый, как попугай	Magpie
Ласточкино гнездо	
Перелетная птица	

Заливаться соловьем	Sing like a lark
Соловья баснями не кормят	
	Duck-hearted (=feeble-hearted)
Орлиный нос	Aquiline nose, hawk-nosed
Взгляд как у орла	Eagle eyes, hawk-eyed

В русском языке концептуально представленными являются *голубь, аист, журавль, синицы, петух, курица, орел, индюк, гусь, лебедь, ворон, ворона, сойка, сова, ласточка*. В английском языке: *crow, owl, cock, magpie, sparrow, hen, hawk, eagle, lark, goose, duck, jay*¹¹. У одних и тех же представителей птичьего мира концептуализированы различные признаки, получающие статус категориальных. Различаются и прототипы данной категории (воробей в русском языке и robin в английском).

Итак, для воссоздания категории ПТИЦА были выявлены прототипические и типические атрибуты, выделен базовый уровень, которому отвечает лексема “птица”, проанализированы субординатный (название пород птиц) и суперординатный (относящиеся к классу живых существ) уровни.

Анализ категориальных признаков русской ПТИЦЫ и английской BIRD выявляет сходное строение категории в обоих языках, в чем наглядно проявляется действие межъязыковых универсалий. Тем не менее, универсалии не затушевывают действия национально-культурной специфики, которая выражается в некотором варьировании категориальных признаков. Отличны прототипы категорий. Национально-культурная специфика приобретает наглядность в наполнении категории на субординатном уровне, в концептуализации различных черт различных представителей субординатного уровня. Принимая во внимание, что знак имеет форму и план выражения, культурологическая компонента маркирует возможности морфологической системы (богатство аффиксальных средств в русском языке, что дает возможность расширения категории и концептуализации новых членов категории). Таким образом, аппарат когнитивной лингвистики способствует выведению культурологической маркированности во внешний план и,

¹¹ Английские языковые единицы воспроизведены из [Wilkinson 1992: 142-147, 237-245].

следовательно, помогает локализовать сферу действия культурологической компоненты.

2.4.2. Категоризация грамматического значения и лингво-культурная специфика

Вполне естественно встает вопрос о национально-культурной специфике грамматики. Этот вопрос следует решать в том смысле, могут ли факты грамматического строя рассматриваться как культурологически маркированные. Процедуры и методика анализа когнитивной лингвистики позволяет дать ответ и на этот вопрос. Так, когнитивному анализу была подвергнута видо-временная система глагола. Причем для этой цели необходимо было найти и предложить унифицированную систему анализа. Такая попытка была предпринята Б. Хайном [Heine 1991] в отношении показателей времени, вида и наклонения. В качестве начальной точки его системы выступают пропозициональные схемы (propositional schemas), которые представляют процессы и события и состоят из трех элементов: две составляющие и характер их взаимоотношения друг с другом. Все схемы делятся на две большие группы: базовые и дериваты. Базовые схемы охватывают: местонахождение, движение, действие (Location, Motion, Action). Базовые схемы конкретизируются набором схем-дериватов: уподобление, сопровождение, обладание, способ, изменение состояния, волеизъявление (Equation, Accompaniment, Possession, Manner, Change of state, Volition). Основные пропозициональные схемы, лежащие в основании категорий времени и вида, представлены Б. Хайном в следующем виде (цит. по [Ungerer, Schmid 1997: 259]):

Табл. 2. Пропозициональные схемы представления процессов и событий.

Location “ <i>X is at Y</i> ”	Equation “ <i>X is like (a) Y</i> ” Accompaniment “ <i>X is with Y</i> ” Possession “ <i>X has Y</i> ” Manner “ <i>X stays in a Y manner</i> ”
Motion “ <i>X moves to / from Y</i> ”	Change of state “ <i>X becomes Y</i> ”
Action “ <i>X does Y</i> ”	Volition “ <i>X wants Y</i> ”

Б. Хайн предлагает возможные способы грамматикализации, которые стимулировали развитие видо-временных значений в тех или иных пропозициональных схемах. Так, схема “Волеизъявление” порождает будущее время (будущее с will в английском языке), в немецком языке основой будущего времени стала грамматикализация схемы изменения состояния (werden (=become) – будущее в немецком языке), «Сопровождение» развивается в африканских языках в показатели процессуальности. Схема «Движение» может быть использована как для ретроспекции, так и для проспекции. Соответственно, результатом могут быть будущие, перфектные, прошедшие времена. Схема «Действие» может быть использована как для выражения ингрессивности (начала действия), так и для выражения завершения и продолжения действия. Такая многозначность осмысления характера действия послужила процессу категоризации так, что в конечном итоге выразилось в развитии и существовании различных видо-временных систем в различных языках несмотря на наличие общей концептуальной базы мышления. Таким образом, предложенное Б. Хайном описание механизмов грамматикализации убеждает, что процессы концептуализации и категоризации могут обладать объяснительной силой применительно и к грамматической системе языка и могут способствовать выявлению лингво-культурной специфики фактов грамматической системы.

2.5. ФРЕЙМЫ И СЦЕНАРИИ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Проблема унификации метаязыка когнитивной лингвистики касается и таких терминов, как фрейм и сценарий. Сравнительно небольшой период существования лингвокогнитологии является причиной наличия неустоявшейся терминологии в этой области исследований. С другой стороны, большой интерес к этому направлению и его бурное развитие стимулируют поиск учеными круга наиболее приемлемых терминов и их оптимальной интерпретации. В связи с этим лингвокогнитивная терминология даже в пределах исследований одного автора подвергается постоянной ревизии. Так, Ч. Филлмор первоначально определяет фрейм как любую систему выбора лингвистических вариантов. При этом самыми простыми случаями являются выборки слов, однако выбор касается грамматических правил или языковых категорий, которая ассоциируется с прототипическими примерами сцен [Филлмор 1975: 124]. Таким образом, фрейм понимается как множество лингвистических опций, которые ассоциируются с так называемыми

сценами, в других трактовках [Ungerer, Schmid 1997: 209] – ситуациями. Со временем у того же исследователя усиливается когнитивный компонент трактовки фрейма. В дальнейшем Ч. Филлмор определяет фреймы как “специфические унифицированные рамки знаний или связанные схематизации опыта” [Fillmore 1985: 223]. Позднее он определяет фрейм как “когнитивные структуры <...>, знание которых предполагается для концептов, закодированных в словах” [Fillmore & Atkins 1992: 76]. Таким образом, произошло очевидное изменение акцентов в понимании фреймов. Оно состоит в продвижении в понимании фрейма как лингвистического конструкта к его когнитивной трактовке. Действительно, в плане лексической семантики фрейм объективирует взаимодействующие лексические единицы. С точки зрения когнитологии он отражает знания, верования, относящиеся к определенной сфере опыта, которые в некоторых трактовках получают название ситуации, как например [Ungerer, Schmid 1997: 211]. В качестве пускового устройства для фрейма служат категории, так как фреймы устроены в формате категорий и их взаимосвязей и именно посредством категорий активируется фрейм [Ungerer, Schmid 1997: 213]. Таким образом, теория фреймов, разработанная Ч. Филлмором, позволяет преодолеть ограничения классической теории категоризации и вносит значительный вклад в лексическую семантику.

Фреймы находят широкое использование и в синтаксической теории. Так, они позволяют заглянуть за рамки поверхностной структуры и исследовать возможности компонентов той или иной грамматической структуры на предмет выполнения функции субъекта и объекта действия. Фрейм дает возможность выделить конфигурацию взаимодействующих категорий, входящих в рамки той или иной языковой структуры, и соотнести ее с ментальными структурами. Соотнесение языковой и ментальной структур позволяет установить различие в синтаксической перспективе различных языковых структур, покрывающих одну ситуацию, или сферу опыта. При описании события необходимо выделить категории, входящие в это событие и установить взаимосвязи между данными категориями. Так, фрейм [КОММЕРЧЕСКОЕ СОБЫТИЕ] предполагает четыре основные взаимодействующие категории: ПОКУПАТЕЛЬ, ПРОДАВЕЦ, ТОВАР, ДЕНЬГИ. Фрейм [КОММЕРЧЕСКОЕ СОБЫТИЕ] может быть описан при помощи глаголов *sell*, *cost*, *charge*, *pay*. Каждый из этих глаголов коррелирует с перспективой фрейма. Во главу угла может быть поставлен продавец (глаголы *sell*, *charge*) или покупатель (глаголы *cost*, *pay*).

Положительный заряд теории фрейма состоит в том, что, объективируя интерактивные лексические сети, то есть связи слов, фрейм

помогает произвести детальный семантический анализ глаголов, ибо благодаря ему высвечиваются отношения управления, выводятся во внешний план различные участники фрейма. В связи с этим велики возможности лингвокогнитологии и в частности фреймового подхода при создании словарей, которые бы, с одной стороны, ситуационно представляли опыт по освоению объективной действительности, а, с другой стороны, содержали бы все возможные формы описания идентичной ситуации с анализом перспективизации ее различных компонентов. Фреймовый подход вскрывает глубинную структуру, что позволяет произвести унификацию синтаксических моделей, задействованных при описании ситуации, входящей в рамки фрейма. А это, в свою очередь, дает единое основание для сравнения различных синтаксических моделей, выявления перспективы предложения, рассмотрения субъективно-объективных отношений. Наконец, фреймовый подход выводит на поверхность анализа незначительные когнитивные категории, которые не находят языкового воплощения в поверхностной структуре. Например, в предложениях *David spent 10 pounds on an old shirt. The old shirt cost David 10 pounds*, оба глагола предполагают продавца, но внимание направлено на деньги и покупателя в первом и товар – во втором предложении [Ungerer, Schmid 1997: 210-211].

В несколько ином свете когнитивный характер фрейма предстает в интерпретации фрейма М. Минским. Он определяет фрейм как структуру данных для представления стереотипной ситуации [Minsky 1975: 212]. Иногда фрейм охватывает такое количество категорий, что становится, по существу, обобщенной схемой, которая предполагает знание под-фреймов, специфицирующих данный общий фрейм. Так, в качестве примера фигурирует фрейм [ПОЛЕТ НА САМОЛЕТЕ]. Он включает такие категории, как ПИЛОТ, СТЮАРД(ЕССА), СПАСАТЕЛЬНЫЙ ЖИЛЕТ, РЕМЕНЬ БЕЗОПАСНОСТИ, БИЗНЕС КЛАСС, ЭКОНОМ КЛАСС, ИНСТРУКЦИИ ПО БЕЗОПАСНОСТИ. Вместе с тем этот фрейм предполагает знание под-фреймов [ПРИЕМ ПИЩИ], [ПРОСМОТР КИНО], [ПОСЕЩЕНИЕ ТУАЛЕТА] и т.д. В виду того, что многие ежедневные ситуации комплексны, можно предположить, что знания должны быть представлены в сложных фреймах – системах [Minsky 1975: 227]. Фрейм-система включает наше знание об определенных ситуациях и, соответственно, воздействует на наше понимание языковых единиц, относящихся к данной ситуации. Если ситуация представлена не как набор данных, а видится с точки зрения перспективы последовательных шагов (sequential perspective), мы выходим за грани фрейма и имеем скрипт, то есть структуры знаний, которые специально предназначены для часто происходящих последовательностей

событий. Так, в качестве примера [Ungerer, Schmid 1997: 213-214] предлагают скрипт [ПОЛЕТ НА САМОЛЁТЕ].

Табл. 3. Скрипт [ПОЛЕТ НА САМОЛЁТЕ].

Pre-flight stage	<i>go to airport > look for check-in counter > check in > go through customs (on international flights) > look for gate > wait for flight to be called</i>
The flight	<u>Pre-take-off stage</u> <i>board plane > look for seat > stow away hand luggage > sit down and buckle up safety belt ></i>
	<i>listen to safety instructions > take off</i> <u>Flight stage</u> <i>get drinks > get meal > talk to neighbour, sleep, read, watch movie etc > go to toilet > buckle up safety belt > land</i>
	<u>Post-landing stage</u> <i>unbuckle safety belt > get up > get hand luggage</i>
Post-flight stage	<i>get off the plane > get luggage > go through customs (on international flights) > get out of airport</i>

Таким образом, в данной трактовке фреймы представляют собой структуры знаний, относящиеся к часто происходящим ситуациям, которые находят языковое отражение в лексических связях между глаголами и в синтаксисе сложных синтаксических структур. Скрипт / сценарий используется для объяснения структур знаний, которые представлены большими последовательностями событий, связанных между собой каузальными цепочками [Ungerer, Schmid 1997: 217].

Знание как фреймов, так и сценариев представляется совершенно естественным для человека. Именно таким образом, в виде последовательности действий, мы рисуем себе ту или иную ситуацию действительности. Исходя из этого, фрейм и сценарий предстают в качестве ключа к дешифровке сообщений, ведь любой разговор

предполагает неозвученную часть информации, письменный текст также не фиксирует многие эпизоды, вписанные в нормальный ход событий. В процессе приема сообщения адресат постоянно сличает рецептируемое с имеющимся у него сценарием, так как именно в сценарии заложена предсказуемость [Colby 1987: 456] действий, лежащая в основе смысловой связности и позволяющая предвосхищать ход событий. Вполне понятно, что и фрейм и в большей степени сценарий культурологически маркированы. Культурологическая информация имеет источником саму окружающую действительность. Соответственно, культурологическая компонента отмечает как последовательность шагов, так и наполненность фрейма и, прежде всего, сценария. Так, в представленном выше сценарии типа “евро” нет упоминания о накопителе, где происходит ожидание посадки на самолет после регистрации на внутрироссийских линиях. По-разному осуществляется посадка, а это приводит к изменениям в структуре фрейма [ПОСАДКА НА САМОЛЕТ], отличаются фреймы [ВЫЕЗД ИЗ АЭРОПОРТА], [ВЫСАДКА ИЗ САМОЛЕТА], [ПОЛУЧЕНИЕ БАГАЖА]. Различным будет номенклатурный состав фреймов, а следовательно, и сценариев, а также различия затронут и последовательность компонентов фреймов и сценариев. Предлагаем сравнить модельный сценарий [ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ РЕБЕНКА], предложенный М. Минским, и его русский аналог.

Табл. 4. Сценарий [ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ РЕБЕНКА], действующий для английского и русского лингво-культурных сообществ.

Dress	Sunday best	Нарядное
Present	Must please host Must be bought and gift-wrapped	Что-нибудь (Даренному коню в зубы не смотрят)
Games	Hide and seek, pin tail on donkey	Каравай, ручеек, шарады, фанты, загадки
Décor	Balloons, favours crepe-paper	Необязательно
Party meal	Cake, ice cream, soda, hot dogs	Картошка с мясом, конфеты, газировка, торт
Cake	Candles, blow out, wish, sing birthday song	Модель не закреплена

Данная таблица является наглядным свидетельством взаимовлияния общего контекста ситуации, культуры и языка лингвокультурного сообщества. Кстати, причина непонимания юмора ситуаций кроется в том числе и в существовании различных фреймов, которыми пользуются члены разных лингво-культурных сообществ (это может касаться и членов различных социумных групп внутри одного ЛКС). Ярким примером несовпадения фреймов и сценариев является рассказ М. Зощенко “Аристократка” (Зощенко, 269-272). Принадлежность к единой языковой общности не затушевывает культурных различий между персонажами, каждый из которых имеет свою “идеологию”. Причем вовлечение в чужой сценарий вызывает у партнеров чувство дискомфорта. Так, героиня рассказа имеет определенный сценарий отношений [МУЖЧИНА - ЖЕНЩИНА], поэтому испытывает неловкость от внимания малознакомого мужчины: *Зачастил я к ней. В седьмой номер. Бывало, приду, как лицо официальное. Дескать, как у вас, гражданка, в смысле порчи водопровода и уборной? Действует?*

- Да, - отвечает, - действует.

И сама кутается в байковый платок, и ни мур-мур больше. Только глазами стрижет. И зуб во рте блестит.

То же чувство овладевает и главным героем, когда ему приходится реализовывать ожидания сценария героини: *Выйдем мы с ней на улицу, а она велит себя под руку принять. Приму ее под руку и волочусь, что щука. И чего сказать не знаю, и перед народом совестно.*

Не знаком герою и сценарий [ПОСЕЩЕНИЕ ТЕАТРА С ДАМОЙ], что, впрочем, вполне понятно, так как герой упоминает, что идея злосчастливого выхода в свет принадлежит не ему: *Ну, а раз она мне говорит:*

- *Что вы, говорит, меня все по улицам водите? Аж голова закрутилась. Вы бы, говорит, как кавалер и у власти, сводили бы меня, например, в театр.*

- *Можно, - говорю.*

Не знаком герою и фрейм [ТЕАТР], доказательством чего является тот факт, что он неожиданно для себя получает билеты на разные места: *И как раз на другой день прислала комячейка билеты в оперу. Один билет я получил, а другой мне Васька слесарь пожертвовал.*

На билеты я не посмотрел, а они разные. Который мой – внизу сидеть, а который Васькин аж на самой галерке.

Не ясно герою, что фрейм [ТЕАТР] предполагает просмотр действия спектакля, а входящий в него подфрейм [АНТРАКТ] включает

прогулку по фойе и посещение буфета. Беседа в антракте отражает полную неосведомленность героя в делах театральных.

Вот мы и пошли. Сели в театр. Она села на мой билет, я на Васькин. Сижу на верхотурье и ни хрена не вижу. А ежели нагнуться через барьер, то ее вижу. Хотя плохо. Поскучал я, поскучал, вниз сошел. Гляжу – антракт. А она в антракте ходит.

- Здравствуйте, - говорю.

- Здравствуйте.

- Интересно, - говорю, - действует ли тут водопровод?

- Не знаю, - говорит.

Поход в буфет является также инициативой героини, так как она знакома с этим сценарием. При этом она реализует знакомый для себя сценарий, что вызывает раздражение, недовольство и осуждение ее поведения героем.

И сама в буфет. Я за ней. Ходит она по буфету и на стойку смотрит. На стойке блюдо. На блюде пирожные.

А я таким гусем, таким буржуем нерезанным вьюсь вокруг ее и предлагаю:

- Ежели, говорю, вам охота скушать одно пирожное, то не стесняйтесь. Я заплачу.

- Мерси, - говорит.

И вдруг подходит развратной походкой к блюду и цоп с кремом и жрет.

А денег у меня – кот наплакал. Самое большое, что на три пирожных. Она кушает, а я с беспокойством по карманам шарю, смотрю рукой сколько у меня денег. А денег у меня – с гулькин нос.

Съела она с кремом, цоп другое. Я аж крякнул. И молчу. Взяла меня такая буржуазная стыдливость. Дескать, кавалер, а не при деньгах.

Я хожу вокруг нее, что петух, а она хохочет и на комплименты напрашивается.

Сценарий [ПОХОД В ТЕАТР] полностью освоен героиней. Она свободно чувствует себя в известном для нее формате отношений и обстоятельств, что подтверждается ее словами о привычности развития событий.

Я говорю:

- Не пора ли нам в театр сесть? Звонили, может быть.

А она говорит:

- Нет.

И берет третье.

Я говорю:

- *Натоцк* – не много ли? *Может вытоинить.*

А она:

- *Нет, - говорит, - мы привыклише.*

То, что герой не справляется со сценарием и не отвечает его требованиям приреquisiteвого характера, подчеркивают следующие слова героини: *А у дома она мне и говорит своим буржуйским тоном:*

- *Довольно свинство с вашей стороны. Которые без денег – не ездют с дамами.*

Таким образом, сценарий [ПОСЕЩЕНИЕ ТЕАТРА] представляется редуцированным в сознании героя.

Табл. 5. Сценарий [ПОСЕЩЕНИЕ ТЕАТРА], имеющийся у героя рассказа и реализуемый им.

До театра	Получить билет – пойти вместе с кем-л.
В театре	Сесть на место – смотреть {что? куда? зачем?} – антракт {что делать?} – досмотреть представление
После театра	Возвращение домой

В то же время данный сценарий носит развернутый характер у героини, о чем свидетельствует следующая сводная таблица.

Табл. 6. Сценарий [ПОСЕЩЕНИЕ ТЕАТРА], имеющийся у героини рассказа.

До театра	Получить приглашение кавалера
В театре	Сесть на удобное место – смотреть спектакль – занять время антракта прогулкой, разговором, посещением буфета (в буфете получить угощение от кавалера)
После театра	Добраться до дома в сопровождении кавалера

Обязательным условием, приреquisiteвого характера, приведения этого сценария в действие является наличие достаточных финансов у кавалера.

Сравнение этих двух сценариев объясняет неадекватность поведения каждого из персонажей с точки зрения другого. Результатом является непонимание друг друга, недовольство, фрустрация, что

подтверждает герой, заявляя, что больше он с аристократками отношений не имеет: *Так мы с ней и разошлись. Не нравятся мне аристократки.*

Наличие различных сценариев у представителей различных лингво-культурных общностей обыгрывается в шутках и анекдотах, юмористический эффект которых основан на владении различными когнитивными базами, охватывающими все структуры знаний (фреймы, сценарии, концепты, категории). Недаром лингвисты подчеркивают культурологическую обусловленность фреймов, так как отражая описываемую действительность, они выделяют лишь общие элементы ситуации [Ungerer, Schmid 1997: 218-219]. При этом специфика ситуации принимается за нечто само собою разумеющееся. Так, например, в ситуации купли-продажи не детализированы участники сделки и характер оплаты (кредитной карточкой, наличными или другим способом). Все это принимается за данность и не разъясняется говорящим, что может привести к провалам в коммуникации в связи с различиями в когнитивных базах коммуникантов.

Тем не менее, ряд исследований фреймовых структур выполняется в духе универсалистской концепции [Talmy 1978, 1985, 1988, 1991]. Так, Л. Тэлми предлагает использовать термин фрейм-событие. Прежде всего, он вводит понятие «событие». Так, для события «Движение» он предлагает универсальный принцип описания его восприятия: объект / фигура (figure), поверхность (ground) и путь (path). Объект / фигура отражает предмет, описывающий траекторию, поверхность служит вехой, путь показывает траекторию. Само движение может быть введено четвертым аспектом события, поскольку движение не является обязательным атрибутом (объект может быть недвижим как, например, лежащая книга). Пятым компонентом структуры события «Движение» является способ (manner), идентифицирующий характер движения. И шестым компонентом является указание на причину движения (cause), хотя она не всегда находит языковое выражение. Причина является важным фактором концептуализации движения. Все шесть когнитивных компонентов задействованы в концептуальной структуре события “Движение” [Talmy 1985: 61]. Таким образом, концептуализация и языковое выражение события “Движение” могут включать до 6 тесно связанных когнитивных единиц и отношений. Однако значимость этих отношений различна. Способ и причина далеко не всегда важны в реальной коммуникации, считает Л. Тэлми. Четыре других аспекта концептуализации – объект, движение, путь и поверхность – являются необходимо достаточными, становясь центральными и определяющими элементами события “Движение”. На основании такой дифференциации концептуальных элементов можно ввести понятие

“событие-фрейм”. Таким образом, событие-фрейм (event-frame) предполагает набор взаимообусловленных, сосуществующих концептуальных элементов и отношений. Эти элементы находятся в рамках события-фрейма. Другие элементы, которые носят окказиональный характер, находятся за пределами фрейма-события. На основании этого определения, Л. Тэлми различает 5 типов события-фрейма: движение, причинность, цикличность, взаимодействие участников и взаимоотношенность (Л. Тэлми в печати, цит. по [Ungerer, Schmid 1997: 223]).

Предложенная схема работает в простом предложении. Однако перед исследователями встает естественный вопрос, как при помощи данной схемы объяснить распространенное предложение, содержащее развернутые обстоятельственные группы. На данный момент имеют место два возможных способа решения проблемы. Так, Р. Лангакер, выделяя объект и поверхность, относит обстоятельственное уточнение к компоненту ОБСТАНОВКА (setting), который представляет собой низкую степень значимости. Трактовка Л. Тэлми носит отличный характер. Он рассматривает обстоятельственную группу в качестве эксплицитного уточнения компонента ПУТЬ. Этот когнитивный процесс выведения на первый план некоторой части события-фрейма именуется Л. Тэлми направлением внимания / окнами внимания (windowing of attention). Обратный процесс, когда часть процессуального материала уходит на задний план, называется зиянием (gapping). В приложении к событию-фрейму “Движение”, оба процесса можно именовать как “Путь-раскрытость” и “Путь-зияние”, если окна внимания открыты или закрыты в отношении компонента ПУТЬ.

Выделение окон внимания и зияний объясняет восприятие концепта “Движение” как некоей целостности и дает возможность придавать значимость различным элементам когнитивных компонентов события-фрейма.

Положительный заряд концепции Л. Тэлми обусловлен несколькими обстоятельствами. Во-первых, он сделал попытку типологизировать фреймы по характеру восприятия, которое определяется с универсалистских позиций. На базе анализа основных когнитивных отношений, он выделил фреймы – движения, каузации, цикличности, взаимодействия участников и взаимоотношений. Таким образом, ему удалось подвести все множество ситуаций реальной действительности к закрытому числу фреймов-событий, обобщающих факты реальной действительности. Такая классификация обеспечивает единое когнитивное основание всему множеству коммуникативных ситуаций и обобщает их посредством унификации процедуры анализа и категоризации фактов.

Безусловно, обратной стороной любого обобщения является то, что оно стирает специфику и концентрируется на типичных примерах, оставляя вне поля внимания пограничные, осложненные случаи. Унификации процедуры анализа послужила разработка компонентов события-фрейма. Так, обязательными компонентами события-фрейма “Движение” является объект, поверхность, путь и движение (Л. Тэлми), объект и поверхность (Р. Лангакер). Это составляет другое достоинство данного подхода. Благодаря специфике этого подхода возможно проследить универсалии человеческого восприятия, но эта схема дает возможность проследить и за культурной спецификой языков, в которых находят материальное воплощение все эти отношения. Так, компонент “Путь” в русском языке в большинстве случаев находит выражение в составе глагола за счет развитой системы префиксов: *ехать* – *про~*, *за~*, *пере~*, *подъ~*, *у~*. Способ действия чаще передается посредством специального слова: *ехать верхом*, *ехать на машине* (ср. в английском языке: *ride, drive*). Л. Тэлми сделал попытку вычленив национально специфичный элемент во фрейме. Так, с его точки зрения компонент ПУТЬ является фреймообразующим и связывает другие компоненты: ОБЪЕКТ, ПОВЕРХНОСТЬ, ДВИЖЕНИЕ. В зависимости от того, какой языковой единицей выражается ПУТЬ, можно выделить языки с глагольным фреймом и языки с сателитным фреймом. Такое деление принимает во внимание, какой когнитивный компонент выполняет фреймообразующую функцию. Наблюдение за языковым материалом русского языка позволяет отнести его к группе языков с глагольным фреймом. Отсутствие упоминания русского языка в работах Л. Тэлми, вероятно, обусловлено недоступностью материала, что может объяснить заявление столь обобщающего характера, что к языкам сателитного фрейма относятся наряду с английским и немецким все индоевропейские языки, кроме романских, а также финно-угорский и китайский. Русский язык, будучи индоевропейским, тем не менее, в этом отношении аналогичен романским.

Таким же образом можно проанализировать выраженность компонента СПОСОБ. Что касается СПОСОБА, русский язык является языком сателитного типа в отличие от английского, являющегося языком глагольного типа. Такой когнитивный подход к языковой реальности позволяет увидеть за непереваемостью отдельных глаголов совершенно различное картирование компонентов когнитивного фрейма посредством языковых единиц. Ср.: английские глаголы *bolt, dart, scamper, scurry, scuttle, scramble, slither, slide, sidle, sink, stomp, rustle, stroll*. Так, Д. Слобин подчеркивает, что испанские переводчики опускают характеристику по способу движения в 50% случаев, в то время как английские переводчики добавляют этот компонент к испанскому оригиналу в 25% случаев [Slobin

1996]. Последствием добавления компонентов, не обозначенных в тексте-источнике, является выведение их на первый план в отличие от оригинала.

В связи с тем, что в объективировании пути английский язык является языком спутникового типа, то спецификация ПУТИ в английском языке производится более детально, нежели в русском языке. Спутниковые глаголы, подчеркивающие особенности ПУТИ, раскрывают “окна внимания”.

Таким образом, использование понятия “событие-фрейм” для сравнения различных языков или для проведения сравнения различных повествовательных текстов весьма плодотворно, так как создается реальное основание для интересных наблюдений в плане лингвокультурологии. Очевидно, язык с спутниковыми фреймами, как например английский, больше приспособлен для описания СПОСОБА и детализированного описания ПУТИ. Причина этого коренится в том, что в языках спутникового типа СПОСОБ инкорпорируется в значение глагола, а информация о ПУТИ и ОКРУЖЕНИИ может быть выражена в том же предложении, что и движение, посредством открытия “окна внимания”. В языках глагольного фрейма описание события “Движение” ограничено самим движением. Зачастую описание способа возможно только за счет распространенных и громоздких конструкций. Аналогично, если сообщаются детали о ПУТИ и ОКРУЖЕНИИ, они выражаются дополнительными придаточными или различными оборотами. Поскольку это замедляет ход повествования, в языках глагольного фрейма говорящие могут не специфицировать ПУТЬ и СПОСОБ в пользу более наглядного описания ДВИЖЕНИЯ [Ungerer, Schmid 1997: 246].

2.6. КОГНИТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ И ЛИНГВО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА

Признавая универсальность мышления и его относительную стабильность в пространстве и во времени, естественно задаться вопросом о месте культурологического фактора, роли лингво-культурной и, уже, национально-культурной специфики в познании. В более конкретной постановке этот вопрос требует раскрытия механизма осуществления связи языка и культуры в терминах лингвокогнитологии.

Приведенный выше анализ лингвокогнитивного инструментария доказывает, что универсальность мышления и когниции как таковая не отрицает действия национально-культурной специфики. Более того, в многочисленных исследованиях по когнитивной проблематике выявляются несколько направлений, в рамках которых прослеживается

действие культурологических факторов. Прежде всего, имеется в виду категоризационная деятельность человека, то есть деятельность по освоению действительности, проходящая в форме рубрикации окружающей нас реальности посредством подведения ее объектов под определенные категории. В процессе категоризации деятельность человеческого разума подчиняется некоторым принципам, заметное место среди которых занимает принцип центральности. Так, категория прежде всего представлена основными членами, которые образуют центр категории. Центральные, менее центральные и периферийные члены категории связываются друг с другом при помощи цепочечной связи [Лакофф 1988: 16]. Соответственно, в процессе категоризации производится выбор членов категории, их иерархизация, организация и концептуализация. Связи в категориальных цепочках устанавливаются в зависимости от существующих в каждой культуре специфических для нее сфер опыта. При этом общее знание уступает свое преимущественное положение специфическому знанию [Лакофф 1988: 16]. Кроме того связи в категориальных цепочках могут задаваться исходя из существующих идеальных моделей мира, куда входят мифы, поверья и т.п. [Лакофф 1988: 16]. Национальная специфика категоризации связана с выделением прототипов, то есть “концептов, лежащих в основе формирования категории и определяющих ее содержание” [Болдырев 2000: 83]. Так, прототипом жилища для англичанина является дом, для русского – квартира. Таким образом, универсальный характер познания человеком окружающего мира испытывает мощное воздействие со стороны национально-культурного фактора, проявляющегося в специфике, “особенности” подхода к процессу познания со стороны данной этнокультурной общности. Как отмечает Г.А. Золотова, “действительность находит не только опосредованное отражение в языковых формах, она членится и организуется в сознании говорящих соответственно ее лингвистическому видению тем или иным национально-языковым коллективом” [Золотова 2001: 25]. Именно это обстоятельство объясняет сложный, не однозначный, не укладывающийся в готовые схемы характер взаимодействия национальной специфики и универсальности мышления и когниции.

Плодотворность когнитивного подхода в этом отношении обусловлена тем, что он дает возможность рассматривать факты языка сквозь призму обслуживаемой им познавательной деятельности. Это позволяет выстроить определенную систему из казалось бы разрозненных фактов. Когнитивный подход соотносит познавательную деятельность человека и вербальную актуализацию результатов этой деятельности посредством процесса категоризации. Категоризационная деятельность

обуславливает становление и функционирование когнитивных механизмов, что выражается в наличествующих в данном языке концептах, фреймах и сценариях. Концепты предполагают знания об отличительных, наиболее общих, существенных признаках объектов [ЛСС 1975: 263, 456]. Выделение тех или иных признаков в качестве определяющих зависит от многих экстралингвистических особенностей познавательной практики (ср.: *белье* в русском языке и *linen* в английском, где первоначальными существенными признаками при именовании¹² стали соответственно цвет и разновидность ткани). Фреймы – это «особые унифицированные конструкции знания или связанные схематизации опыта» [Филлмор 1988: 54], организованные вокруг понятия. Это то, что в традиционной трактовке соответствует лексико-семантическим полям. Другой структурой сознания является сценарий, репрезентирующий стереотипную ситуацию. Соответственно, сценарий представляет собой тематическую структуру [Когнитивный словарь 1996: 181, 188], как например: приветствие – прощание, поход в кино и т.п. Сценарий реализуется в виде текста и находит прямое отражение в речевом поведении коммуниканта. Национально-языковая специфика фреймов и сценариев является результатом практической деятельности данного национально-языкового сообщества (ср. фреймы *land – sea* в русском и английском языках, стратегию и тактику проведения телефонного разговора и т.п.). Изучение концептов, фреймов и сценариев представляет собой результат исследования деятельностной стороны человеческого разума. Единство критериев, положенных в основу такого анализа, обусловлено единством подхода. Следствием этого является упорядочение представления универсального и национально-специфического факторов. Таким образом, когнитивный подход, последовательно реализованный в исследовательской практике, мог бы существенно дополнить, уточнить и систематизировать уже имеющиеся данные о соотношении глобального и этнически ограниченного.

ВЫВОДЫ

Проблемы соотношения языка и мышления, универсального и национально-специфичного остаются на повестке дня лингвистов, не

¹² Мы склоняемся к точке зрения М.М. Маковского и А. Вежбицкой о неразрывной связи формы и значения, что обуславливает неслучайность именования [Маковский 1989; Wierzbicka 1988].

теряя своей актуальности. При их решении все большее осознание получает тот факт, что необходимо раскрыть механизмы взаимодействия языка и мышления, конкретной структуры знаний и процедур, которые выполняет мышление, и то, каким образом человек облакает мыслимое целое в языковое целое. В общем вопросе соотношения языка и мышления лингвокультурология фиксирует свое внимание на соотношении универсального и этно-специфичного: что во взаимодействии языка и мышления относится к универсалиям и что несет на себе специфическую печать этнической принадлежности. Поскольку лингвистика в решении этой задачи идет от языковой реализации, современным ключом к закодированному в языковой форме сообщению является когнитивная лингвистика. С точки зрения когнитивной лингвистики «язык – это и «дом логики» и «дом знания», и «дом философствования» [Степанов 1995: 8]. Все эти три составляющие являются частью когнитивной парадигмы, соответственно, вмещающей логические, эпистемические и философские основания. Все это позволяет когнитивной лингвистике предложить к услугам языковедов свой аппарат и методiku анализа, которые способствуют выделению когнитивных моделей, структур знаний, то есть всего того, что представляет конкретные инструменты осуществления познавательной деятельности человека. Кроме того, когнитивная лингвистика изучает язык, то есть то, что опосредует эту познавательную деятельность. Пользуясь определением Р. Дирвена, когнитивная лингвистика рассматривает язык как часть и медиаторное средство когнитивных способностей человека: восприятия, памяти, внимания, эмоций, рассуждения и т.п. Она сфокусирована на мотивации и иконических принципах лингвистической организации [Dirven 2000: 1]. Положительный заряд когнитивной лингвистики в настоящий момент сдерживается недостаточной разработанностью, а в силу этого многозначностью или уникальностью предлагаемой терминологии. Тот факт, что метаязык когнитивной лингвистики не устоялся, находит свое выражение в различных интерпретациях одних и тех же терминов, постоянном создании новых, которые соперничают с уже имеющимися в том, что касается области применения и определений, в выявлении различных взаимосвязей между имеющимися терминами. Так, фрейм приравнивается к разновидности концепта [Попова, Стернин 2001], интерпретируется как когнитивная модель [Ungerer, Schmid 1997: 211]. С другой стороны, когнитивная модель понимается как активизация категорий. Под категорией в этом смысле понимается «одна из познавательных форм мышления, позволяющая обобщить его опыт и осуществлять его классификацию» [Когнитивный словарь 1996: 45]. Вся эта риторика свидетельствует о необходимости привести метаязык

когнитивной лингвистики к определенному единообразию. С другой стороны, она отражает бурный всплеск лингвокогнитивных исследований, быстрое развитие этого направления, которое вскрывает новые исследовательские пласты и высвечивает новые перспективы для будущих изысканий. Все обозначенные выше факторы ставят исследователя, работающего в области когнитивной лингвистики, в затруднительное положение в связи с многочисленными расхождениями в метаязыке, с одной стороны, и в исследовательских практиках, с другой (направление Р. Лангакера, вскрывающего различные уровни познания, и направление Ч. Филлмора, который строит фреймы, объективирующие все знания в одном построении). Требуются тщательность и осторожность не только в оперировании терминами: прототип, концепт, фрейм, сценарий, скрипт и т.п., но и исходными понятиями: когнитивная модель, структуры знаний, знания - которые, на первый взгляд, представляются самоочевидными.

Ключевым термином, который одинаково часто и успешно используется в лингвокультурологии и лингвокогнитологии, является концепт. Он соединяет в себе результат познания и связанную с этим результатом человеческую практику, ибо формирование концепта всегда связано с «выделением набора признаков» [Когнитивный словарь 1996:46], отражающих существенные свойства объекта. Лингвокультурология концентрирует свое внимание на наличии культурно-языковой специфики, которая связана с конкретным именованием концепта и всем тем, что составляет концептуальное поле, то есть ассоциируемое с культурной средой и привнесенное ею в отношении того или иного концепта. Акцентируя определяющую роль концепта в лингвокультурологических исследованиях, нельзя не выделить те проблемы, которые затрудняют определение и понимание этого термина. Прежде всего, сущность концепта заключается в многообразии познания, которое принимает форму научного, обыденного, художественного. С другой стороны, язык обслуживает все эти формы познания. Соответственно, концепт в научном познании суть понятие, в профанном - он соотносится с семантикой слова, в художественном познании он приобретает формат образа, и все это облекается в языковую форму. Данное обстоятельство порождает все те сложности, которые испытывают лингвисты при определении концепта. Кроме того, сложным представляется вопрос соотношения вербализованности и / или невербализованности концепта. Дополнительная трудность обусловлена разнообразием форматов знаний, выступающих в виде концептов, представлений и т.п. Многоступенчатость процесса познания и в дальнейшем концептуализации (образ – представление и т.д.) также не способствует ясности вопроса. Противоречивость может исходить из

различного понимания концепта как термина, закрепляющего один формат знаний, или термина, покрывающего разнообразные форматы знаний (см., например, точку зрения З.Д. Поповой и И.А. Стернина, в соответствии с которой концепт охватывает и фрейм и сценарий и гештальт [Попова, Стернин 2001: 72-74]). Различные способы объективации концепта также препятствуют выработке единой точки зрения. Различна природа концепта в том, что касается языковых категорий. Трудность обусловлена определением структуры самого концепта: его многоструктурностью, определенным характером соотношения со значением слова, неоднородностью организации и содержания, многообразием способов репрезентации.

Национальная специфика концептов проявляется в нескольких возможных аспектах. Два из них выделены З.Д. Поповой и И.А. Стерниным: национальные различия в содержании близких концептов и наличие несовпадающих (сугубо национальных) концептов в концептосфере [Попова, Стернин 2001: 75]. Соответственно, может быть различным содержательное наполнение концепта. Может различаться номенклатура концептов вследствие различных условий жизни и деятельности лингво-культурного сообщества. Кроме этого, национальная специфика концепта может быть обусловлена различной степенью концептуализации, что выражается в «концептуальной истории» языковой единицы.

Безусловный интерес для лингвокультуролога представляет категоризация - процесс, обратный концептуализации. При этом заслуга когнитивной лингвистики состоит в разработке прототипической категоризации, отличной от классической, универалистской, в силу научности и доминирования теоретического познания. Прототипическая категоризация, закрепленная в языке (а языковое знание для когнитивной лингвистики равноправное знание [Dirven 2000: 1]), является результатом обыденного познания. Соответственно, изучение прототипической категоризации приводит к выявлению Лингвокультурной специфики. Национальная специфика проявляется в выборе прототипа категории, репрезентированности категории на суперординатном и субординатном уровнях профанного познания. Этнокультурная специфика наглядно и ярко прослеживается при изучении фреймов. Их языковое наполнение, перспективизация, тип фрейма, “окна внимания” оказываются подвержены влиянию лингво-культурных факторов.

Таким образом, благодаря когнитивным процедурам глубокому исследованию оказываются подвержены универсальные черты человеческого мышления и познавательной деятельности. Конкретика этноспецифического получает более четкие очертания в результате

анализа языковых манифестаций. Причем этноспецифика выражается как в особенностях языкового воплощения, так и в приведении в действие специфичных для данного этносоциума когнитивных приемов, принципов, моделей, способов структуриации знаний.

Действие культурологической компоненты на лингво-когнитивном уровне является опосредованным когнитивными моделями и структурами, а потому можно сделать вывод о ее имплицитности в отличие от эксплицитности культурологической компоненты, находящей непосредственное выражение в языковой сути: значении языковой единицы, необычной форме выражения.

Контрольные вопросы

Что изучает лингвокогнитология?

Каков исследовательский инструментарий когнитивной лингвистики?

Что понимается под концептом, фреймом, сценарием?

Каков лингвокультурологический потенциал концепта?

Что понимается под концептуализацией и категоризацией в когнитивной лингвистике?

Каким образом изучение когнитивных процессов способствует раскрытию лингво-культурной специфики языковых единиц?

Обязательная литература

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика (Курс лекций по английской филологии). – Тамбов, 2000.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1997.

Герасимов В.И., Петров В.В. На пути к когнитивной модели языка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. – М.: Прогресс, 1988.

Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общей редакцией Е.С. Кубряковой. – М., 1996.

Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. – М.: Прогресс, 1988.

Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Известия РАН СЛЯ. Т. 52. – 1993. - № 1.

Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж, 2001.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – М.: Академический проект, 2001.

Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. – М.: Прогресс, 1988.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящее время лингвистика переживает два принципиальных состояния. Речь идет о полупарадигматизме, который предполагает взаимоналожение нескольких парадигм научных исследований, и малой доле «чистого», «незамутненного» практическими соображениями теоретизирования». Манифестацией данных подходов является возникновение и развитие такого направления лингвистического анализа, как лингвокультурология. Находящаяся на стыке многочисленных и разнообразных направлений научных исследований (лингвистики, этнопсихолингвистики, этнофилософии, лингвострановедения, культурологии; в рамках лингвистики: семантики, прагматики, теории коммуникации, теории текста, теории речевых актов), поскольку «потребности развития той или иной технологии задают направление и масштаб теоретическим изысканиям» [Герасимов, Петров 1988: 5], лингвокультурология является неким прорывом к конкретике при ответе на вопрос о тайне владения языком. Что остается в языке после чистого лингвистического анализа, что трудно поддается объяснению, и вместе с тем, что составляет живую ткань языка, обслуживающего общество? Ответ на этот вопрос складывался в рамках психолингвистики, социолингвистики, лингвострановедения. Одной из попыток ответа на этот вопрос является лингвокультурология. Стимулированные переводческой, педагогической практикой, анализом коммуникативных неудач лингвокультурологические изыскания захватывают все более широкие области функционирования языка. Цель данных исследований состоит в освещении коммуникации (как письменной, так и устной) в рамках данного культурно-языкового, или национально-языкового, сообщества. Понимание социального характера языковой системы восходит к определению Ф. де Соссюра, который понимал язык как «социальный продукт, совокупность необходимых условностей, принятых коллективом, чтобы обеспечить реализацию, функционирование способности к речевой деятельности, существующей у каждого носителя языка» [Соссюр 1977: 47-48]. Эти воззрения вначале получили развитие в социолингвистике, которая исследует язык с учетом социальных параметров самого коммуникативного акта и участников коммуникации. В дальнейшем понятие социума стало включать и такую свою ипостась, как представление его в виде лингво-культурного образования. Соответственно, появился интерес к исследованию особенностей языка, обслуживающего лингво-культурную общность и отражающего лингво-культурные потребности членов этносоциума. В связи с этим анализ языковых универсалий уступает былое первенство изучению

идиоэтнических особенностей, и лидирующее положение занимает изучение “многоголосия” языков.

Обзор аппарата когнитивной лингвистики и анализ его функционирования убедительно доказывает, что возможности этой парадигмы лингвистических исследований достаточно широки и могут быть использованы при проведении лингвокультурологических исследований. Вскрывая особенности действия познания, связанные с его языковым воплощением, лингвокогнитология оказывается чутким инструментом, реагирующим на присутствие в языковых структурах разнородной информации. Соответственно, информация культурологического плана, отражающая этнокультурную специфику языковых единиц и отнесенная нами к сфере действия культурологической компоненты, также поддается дешифровке в результате применения когнитивного инструментария. При этом методологический аппарат когнитивной лингвистики обнаруживает большой исследовательский потенциал как при лингвокультурологическом анализе единиц языковой системы, так и при анализе дискурса.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Александрова 2002* – Александрова О.В. Филология, когнитивная лингвистика, дискурсивные исследования: общее и различное // С любовью к языку: Сборник научных трудов. – Москва – Воронеж: ИЯ РАН, Воронежский университет, 2002. – С. 61-65.
- Апресян 1979ст* – Апресян Ю.Д. Английские синонимы и синонимический словарь // Апресян Ю.Д., Ботякова В.В., Латышева Т.Э. и др. Англо-русский синонимический словарь. – М.: Русский язык, 1979. – С. 500-543.
- Апресян 1995а* – Апресян Ю.Д. Избранные труды, т.1. Лексическая семантика. – М.: Школа «Языки русской культуры», Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – VIII, 472 с.
- Апресян 1995б* - Апресян Ю.Д. Избранные труды, т.2. Интегральное описание языка и системная лексикография. - М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 767 с.
- Апресян 1995в* - Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. – 1995. - № 1. – С. 37-67.
- Арнольд 1979* – Арнольд И.В. Потенциальные и скрытые семы и их актуализация в английском художественном тексте // Иностранные языки в школе. – 1979. - № 5. – С. 10-14.
- Арутюнова 1988* – Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
- Арутюнова 1993* – Арутюнова Н.Д. Введение // Логический анализ языка. Ментальные действия. - М.: Наука, 1993. – С. 3-6.
- Арутюнова 1998* - Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998. – 896 с.
- Арутюнова 2000* - Арутюнова Н.Д. Наивные размышления о наивной картине языка //Язык о языке / Под общ. рук. и ред. Н.Д. Арутюновой. - М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 7-19.
- Ахманова, Гюбенетт 1977* – Ахманова О.С., Гюбенетт И.В. Вертикальный контекст как филологическая проблема // Вопросы языкознания. - 1977.- № 3. – С. 47-54.
- Бабушкин 1996* – Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж: Издательство Воронеж. гос. университета, 1996. –104 с.
- Бабушкин 2001* – Бабушкин А.П. «Возможные миры» в семантическом пространстве языка. – Воронеж: Воронеж. гос. университет, 2001. – 86 с.
- Баранов 2001* – Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 360 с.

- Баранов, Добровольский 1996* – Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Идиоматичность и идиомы // Вопросы языкознания. - 1996. - № 5. – С.51-64.
- Бархударов 1975* – Бархударов Л.С. Очерки по морфологии современного английского языка. – М.: Высшая школа, 1975. – 156 с.
- Бархударов 1980* – Бархударов Л.С. К вопросу о типах межъязыковых лексических соответствий // Иностранные языки в школе. – 1980. - № 5. – С. 11-16.
- Бельчиков 1988* – Бельчиков Ю.А. О культурном коннотативном компоненте лексики // Язык: система и функционирование / Отв. ред. Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1988. – С. 30-34.
- Бердяев 1997* – Бердяев Н.А. Судьба России. Самосознание. – Ростов н/Д: Феникс, 1997. – 544 с.
- Бибок 1996* – Бибок К. Проблема концептуальной семантики русского и венгерского языков // Вопросы языкознания. – 1996. - № 2. – С. 156-165.
- Бирвиш 1981* – Бирвиш М. Семантика // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая семантика. Вып. X. – М.: Прогресс, 1981. – С. 177-199.
- Бицилли 1993* – Бицилли П.М. Избранное. Историко-культурологические работы, том 1. – София: Университетско издательство «Св. Климент Охридски», 1993. – 396 с.
- Блинова 1989* – Блинова О.И. Языковое сознание и вопросы теории мотивации // Язык и личность. – М.: Наука, 1989. – С. 122-126.
- Блох 1983* – Блох М.Я. Теоретическая грамматика английского языка. – М.: Высшая школа. 1983. – 383 с.
- Болдырев 2000* – Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика (Курс лекций по английской филологии). – Тамбов, 2000. – 109 с.
- Брагина 1999* – Брагина Н.Г.Фрагмент лингвокультурологического лексикона (базовые понятия) // Фразеология в контексте культуры. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – С. 131-138.
- Бромлей 1973* – Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. - М., 1973. – 283 с.
- Булыгина, Шмелев 1997* – Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). - М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 576 с.
- Вайнрайх 2000* - Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. - Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртене, 2000. – 264 с.
- Вайсгербер 1993* – Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа. - Изд-во Моск. Ун-та, 1993. – 223 с.
- Васильев 1990* – Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика. – М.: Высшая школа, 1990. – 176 с.

- Васильев 2000* – Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика в свете когнитивной теории языка // *Germanica. Slavica. Turkica.* – Уфа, 2000. – С. 248-252.
- Вежбицкая 1997* – Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1997. – 405 с.
- Вендина 2002* – Вендина Т.И. Словообразование как источник реконструкции языкового сознания // *Вопросы языкознания.* – 2002. - № 4. – С.42-72.
- Верещагин, Костомаров 1983* - Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. - М., 1983. – 269 с.
- Верещагин, Костомаров 2000* – Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Речеповеденческое исследование Притчи Пушкина о блудной дочери // *Вопросы языкознания.* - 2000. - № 2. – С.90-117.
- Верховская 1980* -Верховская И.П. Видо-временные формы в английском сложноподчиненном предложении. - М.: Высшая школа, 1980. – 112 с.
- Виноградов 1995* – Виноградов В.В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования // *Вопросы языкознания.* – 1995. - № 1. – С. 5-36.
- Виноградов 1999* – Виноградов В.В. История слов / Российская академия наук. Отделение литературы и языка: Научный свет «Русский язык». Институт русского языка им. В.В.Виноградова РАН/ Отв. ред. академик РАН Н.Ю.Шведова. – М.: 1999. – 1138 с.
- Виноградов 2000* – Виноградов В.В. Язык Пушкина: Пушкин и история русского литературного языка. – М.: Наука, 2000. – 509 с.
- Виноградов 1983* –Виноградов М.Ф. Культурный компонент в определении значения слова в толковом словаре // *Лингвострановедческое описание лексики английского языка: Сборник научных трудов.* – М.: МОПИ им. Н.К.Крупской, 1983. – С. 30-34.
- Воркачев 2001* – Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // *Научные доклады высшей школы. Филологические науки.* – 2001. - № 1. – С. 64-71.
- Воробьев 1993* – О понятии лингвокультурологии и ее компонентах // *Язык и культура: Вторая международная конференция.* – Киев, 1993. – С. 42-48.
- Воробьев 1997* - Воробьев В.В. Лингвокультурология (теория и методы). - М.: Изд-во РУДН, 1997. – 331 с.
- Воробьев 1999* – Воробьев В.В. О статусе лингвокультурологии // *Материалы IX Конгресса МАПРЯЛ (Братислава 1999): Доклады и сообщения российских ученых.* – М.: 1999. – С. 96-117.

- Выготский 1998* – Выготский Л.С. Психология искусства. – Минск: «Совершенное Слово», 1998. – 480 с.
- Гак 1998* – Гак В.Г. Языковые преобразования. - М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.
- Гак 2000* – Гак В.Г. Язык как форма самовыражения народа // Язык как средство трансляции культуры. – М.: Наука, 2000. – С. 54-68.
- Герасимов, Петров 1988* – Герасимов В.И., Петров В.В. На пути к когнитивной модели языка // Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка. Вып. XXIII. – М.: Прогресс, 1988. – С. 5-11.
- Гершанова 2003* – Гершанова А.Ф. Концепты «рай» и «ад» в языковой картине мира В.В. Набокова (по роману «Дар»): Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2003. – 19 с.
- Голякова 2002* – Голякова Л.А. Текст. Контекст. Подтекст. – Пермь: Изд-во Пермского университета, 2002. – 232 с.
- Гордон, Крылова 1974* – Гордон Е.М., Крылова И.П. Грамматика современного английского языка. – М.: Высшая школа, 1974. – 336 с.
- Гринберг, Осгуд, Дженкинс 1970* – Гринберг Дж., Осгуд Ч., Дженкинс Дж. Меморандум о языковых универсалиях // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 5. – М., 1970. – С.31-44.
- Гудков 1999* – Гудков Д.Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. – М.: Изд-во МГУ, 1999. – 152 с.
- Гулыга 2002* – Гулыга А.В. Русская идея как постсовременная проблема // Русская идея: Сборник произведений русских мыслителей. – М.: Айрис-пресс, 2002. – С. 5-24.
- Гумбольдт 1984* – Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – 397 с.
- Гюббенет 1980* – Гюббенет И.В. К вопросу о «глобальном» вертикальном контексте // Вопросы языкознания. – 1980. - № 6. – С. 97-102.
- Добровольский 1997* - Добровольский Д.О. Национально-культурная специфика во фразеологии (1) // Вопросы языкознания. - 1997. - № 6. – С. 37-48.
- Добровольский 1998* - Добровольский Д.О. Национально-культурная специфика во фразеологии (2) // Вопросы языкознания. - 1998. - № 6. – С. 48-57.
- Добродомов 2002* – Добродомов И.Г. Еще раз об исторической памяти в языке // Вопросы языкознания. – 2002. - № 2. – С. 103-108.
- Драч 1996* – Драч Г.В. Культура // Человек и общество. (Культурология) Словарь-справочник. – Ростов-на-Дону, 1996. – С. 233-245.
- Евтушенко 2001* – Евтушенко О.В. Архетип пространства (от Пушкина до Набокова) // Текст. Интертекст. Культура: Сборник докладов международной научной конференции (Москва, 4-7 апреля 2001) /

- Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; Ред.-сост. В.П. Григорьев, Н.А. Фатеева. – М.: Азбуковник, 2001. – С. 41-50.
- Елизарова 2000* – Елизарова Г.В. Культурологическая лингвистика (Опыт исследования понятия в методических целях). – СПб.: Изд-во «Бельведер», 2000. – 140 с.
- Жолковский 2001* – Жолковский А.К. Бессмертие на время (К поэзии грамматического времени у Пастернака) // Текст. Интертекст. Культура: Сборник докладов международной научной конференции (Москва, 4-7 апреля 2001 г.) / Российская академия наук. Институт рус. яз. им. В.В. Виноградова; Ред.-сост.: В.П. Григорьев, Н.А. Фатеева. – М.: Азбуковник, 2001. – С. 66-77.
- Залевская 2000* – Залевская А.А. Введение в психолингвистику. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2000. – 382 с.
- Захаренко 1999* – Захаренко И.В. Прецедентное высказывание как объект лингво-когнитивного анализа // IX Конгресс МАПРЯЛ (Братислава). Доклады и сообщения российских ученых. – М., 1999. – с. 143-150.
- Звегинцев 1960* – Звегинцев В.А. Теоретико-лингвистические предпосылки гипотезы Сепира-Уорфа // Новое в лингвистике. Выпуск 1 / Составление, редакция и вступительные статьи В.А.Звегинцева. – М.: Издательство иностранной литературы, 1960. – С. 111- 134.
- Звегинцев 2001* – Звегинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 312 с.
- Зинченко 1997* – Зинченко В.П. Посох Осипа Мандельштама и Трубка Мамардашвили. К началам органической психологии. – М.: Новая школа, 1997. – 336 с.
- Иванова 2002* – Иванова С.В. Культурологический аспект языковых единиц. – Уфа, 2002. – 114 с.
- Иванова, Бурлакова, Почепцов 1981*- Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. – М.: Высшая школа, 1981. – 285 с.
- Иевлева 2000* – Иевлева М.Х. Тавтологии типа *N cor N*: когнитивно-функциональный анализ: Автореферат дисс. ... канд.филол.наук. – Уфа, 2000. – 22 с.
- Ильиш 1971* – Ильиш Б.А. Строй современного английского языка. – Ленинград: Просвещение, 1971. – 366 с.
- Ионин 1996* – Ионин Л.Г. Социология культуры. – М.: Логос, 1996. – 280 с.
- Кабакчи 1998* – Кабакчи В.В. Основы англоязычной межкультурной коммуникации. – СПб.: РГПУ им. А.И.Герцена, 1998. – 232 с.
- Карасик 1996* – Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. – Волгоград – Архангельск: Перемена, 1996. – С.3-16.

- Караулов 1987* -Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. - М.: Наука, 1987.- 262 с.
- Караулов 1999* -Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. - М.: ИРЯ РАН, 1999. – 180 с.
- Каушанская 1963* – Каушанская В.Л., Ковнер Р.Л., Кожевникова О.Н. и др. Грамматика английского языка. – Ленинград: ГУПИ Министерства Просвещения РСФСР, 1963. – 319 с.
- Кильдибекова 2000* – Кильдибекова Т.А. Когнитивный подход к исследованию лексической системы языка // *Germanica. Slavica. Turcica.* – Уфа: Изд-ие БашГУ, 2000. – С. 160-169.
- Кобозева 2000* – Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.
- Когнитивная психология 2002* – Когнитивная психология / Под редакцией В.Н. Дружинина, Д.Б. Ушакова, 2002. – М.: ПЕР СЭ, 2002. – 480 с.
- Когнитивный словарь 1996* – Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общей ред. Е.С. Кубряковой. - М., 1996. – 245 с.
- Колшанский 1975* – Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. – М.: Наука, 1975. – 229 с.
- Колшанский 1976* – Колшанский Г.В. Некоторые вопросы семантики языка в гносеологическом аспекте // Принципы и методы семантических исследований. – М.: Наука, 1976. – С. 5-30.
- Колшанский 1990* – Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. - М.: Наука, 1990. – 105 с.
- Корнилов 2000* – Корнилов О.А. Языковые картины мира как отражения национальных менталитетов: Автореферат дисс. ... доктора филол. наук. – М., 2000. – 45 с.
- Костомаров, Бурвикова 2000* – Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Об одной из единиц описания текста в аспекте диалога культур // Иностранные языки в школе. – 2000. - № 5. – С. 3-6.
- Кох 1978* – Кох В.А. Предварительный набросок дискурсивного анализа семантического типа // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста. – М.: Прогресс, 1978. – С. 149-171.
- Красных 1998* – Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). – М.: Диалог-МГУ, 1998. – 352 с.
- Красных 2001* – Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2001. – 270 с.
- Красных 2002* – Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 284 с.

- Красных 2003* – Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность?. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.
- Красухин 2000* - Красухин К.Г. Слово, речь, язык, смысл: индоевропейские истоки // Язык о языке / Под общим рук. и ред. Н.Д. Арутюновой. - М.: Языки русской культуры, 2000. – С.23-44.
- Кубрякова 1986* - Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. – М.: Наука, 1986. – 158 с.
- Кубрякова 1992* – Кубрякова Е.С. Лексикон как компонент языковой способности человека // Английский лексикон в лингвистическом и культурологическом пространстве: Сб. науч. тр. Вып.400. – М.: МГЛУ, 1992. – С.4-12.
- Кубрякова 1995* – Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века / Под ред. Ю.С. Степанова. – М.: РАН, ИЯ РАН, 1995. – С. 144-238.
- Кубрякова 1997* – Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. – М., 1997. – 327 с.
- Кукушкина 1984* – Кукушкина Е.И. Познание, язык, культура. – М.: Издательство Московского Университета, 1984. – 263 с.
- Культурология: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений (издание третье).* – Ростов н/Д: «Феникс», 2002. – 608 с.
- Ладо 1989* – Ладо Р. Лингвистика поверх границ культур // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XXV. – М.: Прогресс, 1989. – С. 32-62.
- Лакофф 1981* – Лакофф Дж. Лингвистические гештальты // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая семантика. Вып. X. - М.: Прогресс, 1981. – С. 350-368.
- Лакофф 1988* – Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. – М.: Прогресс, 1988. – С. 12-51.
- Леви-Стросс 1999* – Леви-Стросс К. Первобытное мышление. – М.: ТЕРРА-Книжный клуб; Республика, 1999. – 392 с.
- Леонтьев 1976* – Леонтьев А.А. Психолингвистический аспект языкового значения // Принципы и методы семантических исследований. М.: Наука, 1976. – С.46-72.
- Леонтьев 1997* – Леонтьев А.А. Психология общения. – М.: Смысл, 1997. – 365 с.
- Леонтьев 2001* – Леонтьев А.А. Язык и речевая деятельность в общей т педагогической психологии: Избранные психологические труды. – М.: Московский психолого-социальный институт, Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. – 448 с.

- Лихачев 1993* – Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Известия РАН СЛЯ. Т.52. - 1993. - № 1. – С.3-9.
- Лихачев 1997* – Лихачев Д.С. Смех как мировоззрение // Лихачев Д.С. историческая поэтика русской литературы. - СПб: Алетейя, 1997. – С. 342-403.
- Лотман 1997* -Лотман Ю.М. Семантика культуры и понятие текста// Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / под ред. В.П. Нерознака. - М.: Academia, 1997. – С.202-212.
- Лотман 1999* – Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – 464 с.
- Маковский 1989* – Маковский М.М. Удивительный мир слов и значений. Иллюзии и парадоксы в лексике и семантике. – М.: Высшая школа, 1989. – 201 с.
- Маковский 1996с* – Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. – М.: Гуманитарный изд. центр «Владос», 1996. – 416 с.
- Маковский 1996я* – Маковский М.М. Язык – Миф – Культура. Символы жизни и жизнь символов. – М., 1996. – 329 с.
- Маковский 1999* – Маковский М.М. Историко-этимологический словарь английского языка. – М.: Издат. дом «Диалог», 1999. – 416 с.
- Маркарян 1977* – Маркарян Э.С. Культура как способ деятельности // Вопросы философии. - 1977. - № 11. – С. 137-141.
- Мартине 2000* - Мартине А. Предисловие // Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. - Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртене, 2000. – С.18-21.
- Маслова 2001* – Маслова В.А. Лингвокультурология. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
- Мурашов 2001* – Мурашов Р.З. Некоторые проблемы контрастивной аспектологии // Вопросы языкознания. – 2001. - № 5. – С. 86-112.
- Мурашов 2002* – Мурашов Р.З. Сопоставительная морфология немецкого и башкирского языков. Глагол. – Уфа: РИО БашГУ, 2002. – 174 с.
- Никитин 1983* – Никитин М.В. Лексическое значение слова. (Структура и комбинаторика). – М.: Высшая школа, 1983. – 128 с.
- Никитина 1989* – Никитина С.Е. Языковое сознание и самосознание личности в народной культуре // Язык и личность. – М.: Наука, 1989. – С.34-40.
- Николаева 2000* – Николаева Т.М. От звука к тексту. - М.: «Языки русской культуры», 2000. – 680 с.
- Николаева 2002* – Николаева Т.М. «Скрытая память» языка: попытка постановки проблемы // Вопросы языкознания. – 2002. - №4. – С.25-41.

- Николина 2001* – Николина Е.А. Грамматические формы времени в свете поэтического эксперимента // Текст. Интертекст. Культура: Сборник докладов международной научной конференции (Москва, 4-7 апреля 2001 г.) / Российская академия наук. Институт рус. яз. им. В.В. Виноградова; Ред.-сост.: В.П. Григорьев, Н.А. Фатеева. - М.: Азбуковник, 2001. - С. 51-65.
- Орлова 1994* – Орлова Э.А. Введение в социальную и культурную антропологию. – М.: Изд-во МГИК, 1994. – 214 с.
- Панова 2001* – Панова Л.Г. Модели времени в поэзии Манделштама 1908-1937гг. // Текст. Интертекст. Культура: Сборник докладов международной научной конференции (Москва, 4-7 апреля 2001 г.) / Российская академия наук. Институт рус. яз. им. В.В. Виноградова; Ред.-сост.: В.П. Григорьев, Н.А. Фатеева. - М.: Азбуковник, 2001. – С.78-96.
- Панфилов 1982* – Панфилов В.З. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания. - М.: Наука, 1982. – 357 с.
- Пассов 1998* – Пассов Е.И. Коммуникативное иноязычное образование. Концепция развития индивидуальности в диалоге культур. – Липецк, 1998. – 159 с.
- Петрова 1988* – Петрова С.Н. Когнитивные параметры и семантика понимания // Мышление. Когнитивные науки. Искусственный интеллект. – М., 1988. – С. 119-130.
- Писанова 1997* – Писанова Т.В. Национально-культурные аспекты оценочной семантики: Эстетические и этические оценки. – М.: Изд-во ИКАР, 1997. – 320 с.
- Попова, Стернин 2001* – Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж, 2001. – 191 с.
- Потебня 1999* – Потебня А.А. Полное собрание трудов: Мысль и язык. - М.: Лабиринт, 1999. – 300 с.
- Почепцов 1990* – Почепцов О.Г. Языковая ментальность: способ представления мира // Вопросы языкознания. – 1990. - № 6. – С. 110-122.
- Проскурин 1990* – Проскурин С.Г. О значениях «правый – левый» в свете древнегерманской лингвокультурной традиции // Вопросы языкознания. – 1990. - № 5. – С. 37-49.
- Прохоров 1997* – Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. – М.: Изд-во ИКАР, 1997 – 228 с.
- Пфандль 2000* – Пфандль Х. «Не делай мне жизнь тяжело!» (Mach' mir das Leben nicht schwer!) Некоторые наблюдения о силе языковых концептов в контексте языков // Слово во времени и пространстве. К 60-летию проф. В.М. Мокиенко. – СПб: Фолио-Пресс, 2000. – С.358-373.

- Рассел 2001* – Рассел Б. Проблемы философии. – Новосибирск: Наука, 2001. – 111 с.
- Рахилина 2000* – Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. – М.: Русские словари, 2000. – 416 с.
- Розин 2002* – Розин В.М. Культурология. – М.: ИНФРА-М, ФОРУМ, 2002. – 344 с.
- Самигуллина 2003* – Самигуллина А.С. Уменьшительность: лингвокогнитивный подход (на материале английского, немецкого и русского языков): Автореферат дисс. канд. филол. наук. – Уфа, 2003. – 23 с.
- Сепир 1992* – Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. - М., 1992. – 319 с.
- Серебренников 1988* – Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / Под ред. Б.А. Серебренникова. – М.: Наука, 1988. – 216 с.
- Серио 2001* – Серио П. Анализ дискурса во Французской школе [Дискурс и интердискурс] // Семиотика: Антология / Сост. Ю.С. Степанов. - М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001 – С. 549-562.
- Слышкин 2000* - Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. - М.:Academia, 2000. – 128 с.
- Слюсарева 1985* – Слюсарева Н.А. Функциональная грамматика и когнитивность морфологии // Проблемы функциональной грамматики / Отв. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Наука, 1985. – С.56-65.
- Смирницкий 1959* – Смирницкий А.И. Морфология английского языка. – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1959. - 440 с.
- Соссюр 1977* – Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1977. – 695 с.
- Степанов 1989* -Степанов Ю.С. Индоевропейское предложение. - М.: Наука, 1989. – 248 с.
- Степанов 1995* – Степанов Ю.С. Изменчивый «образ мира» в науке XX века // Язык и наука конца XX века / Под ред. Ю.С. Степанова. – М., 1995. – С.7-34.
- Степанов 2000* - Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. - М.: Академический проект, 2001. – 990 с.
- Степанов 2001a* – Степанов Ю.С. Вводная статья. В мире семиотики // Семиотика: Антология / Сост. Ю.С. Степанов. - М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001 – С. 5-42.

- Степанов 2001б* – Степанов Ю.С. Семиотика концептов // Семиотика: Антология / Сост. Ю.С. Степанов. - М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001 – С. 603- 612.
- Стефаненко 2000* – Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. – М.: ИП РАН, Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000. – 320 с.
- Тайлор 1989* – Тайлор Э.Б. Первобытная культура. - М.: Политиздат, 1989. –573 с.
- Тарасов 2000* – Тарасов Е.Ф. Язык как средство трансляции культуры // Язык как средство трансляции культуры. – М.: Наука, 2000. – С. 45-53.
- Тарасова 1992* – Тарасова И.П. Смысл предложения-высказывания и коммуникация: Автореферат дисс. ... доктора филол. наук. – М., 1992. – 44 с.
- Текст 1989* - Антипов Г.А., Донских О.А., Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А. Текст как явление культуры. - Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1989. – 197 с.
- Телия 1998* – Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 288 с.
- Тер-Минасова 2000* – Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово/Slovo, 2000. – 624 с.
- Толстой 1997* - Толстой Н.И. Этнолингвистика в кругу гуманитарных дисциплин // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / под ред. В.П. Нерознака. - М.: Academia, 1997. – С. 306-315.
- Томахин 1980* – Томахин Г.Д. Понятие лингвострановедения. Его лингвистические и лингводидактические основы // Иностранные языки в школе. – 1980. - № 3. – С.77-81.
- Тураева 1994* – Тураева З.Я. Лингвистика текста и категория модальности // Вопросы языкознания. – 1994. - № 3. – С. 105-114.
- Урысон 1995* – Урысон Е.В. Фундаментальные способности человека и наивная «анатомия» // Вопросы языкознания. – 1995. - № 3. – С.3-21.
- Урысон 1998* – Урысон Е.В. Языковая картина мира vs. обиходные представления (модель восприятия в русском языке) // Вопросы языкознания. – 1998. - № 2. – С.3-21.
- Урысон 1999* – Урысон Е.В. Языковая картина мира и лексические заимствования (лексемы *округ* и *район*) // Вопросы языкознания. – 1999. - № 6. – С.79-82.
- Успенский 1994* – Успенский Б.А. Избранные труды, т.2. Язык и культура. – М.: Изд-во «Гнозис». 1994. – 688 с.
- Филлмор 1988* – Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. – М.: Прогресс. 1988. – С. 52-92.

- Философия культуры 1998* – Философия культуры. Становление и развитие / Под редакцией М.С. Кагана, Ю.В. Перова, В.В. Прозерского, Э.П. Юровской. – СПб.: Изд-во «Лань», 1998. – 448 с.
- Фирсова 2001* – Фирсова Н.М. Испанский речевой этикет. – М.: ИНФРА-М, 2001. – 183 с.
- Фрумкина 1995* – Фрумкина Р.М. Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? // Язык и наука конца XX века / Под ред. Ю.С. Степанова. – М., 1995. – С.74-117.
- Фрумкина 2001* – Фрумкина Р.М. Психолингвистика. – М.: Издат. центр “Академия”, 2001. – 320 с.
- Хаймович, Роговская 1967* – Хаймович Б.С., Роговская Б.И. Теоретическая грамматика английского языка. – М.: Высшая школа, 1967. – 298 с.
- Халеева 1989* – Халеева И.И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи (подготовка переводчиков). – М.: Высшая школа, 1989. – 238 с.
- Хейзинга 2001* – Хейзинга Й. Homo ludens. Человек играющий. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. – 352 с.
- Хойер 1999* – Хойер Р. Антропологическая лингвистика // Зарубежная лингвистика. II / Общая ред. В.А. Звегинцева, Б.А. Успенского, Б.Ю. Городецкого. – М.: Изд. группа «Прогресс», 1999. – С. 44-66.
- Человеческий фактор 1991* – Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. – М.: Наука, 1991. – 240 с.
- Шабес 1989* – Шабес В.Я. Событие и текст. – М., 1989. – 175 с.
- Шафигов 1999* – Шафигов С.Г. Теория семантического поля и компонентной семантики его единиц. – Уфа, 1999. – 88 с.
- Шаховский 1998* – Шаховский В.И. Языковая личность в эмоциональной коммуникативной ситуации // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – 1998. - № 2. – С. 59-65.
- Шведова 1999* – Шведова Н.Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским семантическим словарем» // Вопросы языкознания. - 1999. - № 1. – С.3-16.
- Швейцер 1988* – Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. – М.: Наука, 1988. – 215 с.
- Швейцер, Никольский 1978* – Швейцер А.Д., Никольский Л.Б. Введение в социолингвистику. – М.: Высшая школа, 1978. – 216 с.
- Шмидт 1978* – Шмидт З.Й. «Текст» и «история» как базовые категории // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста. – М.: Прогресс, 1978. – С. 89-108.
- Шмидт 2001* – Шмидт В. Нарративные уровни: «события», «история», «наррация» и «презентация наррации» // Текст. Интертекст. Культура: Сборник докладов международной научной конференции (Москва, 4-7

- апреля 2001 г.) / Российская академия наук. Институт рус. яз. им. В.В. Виноградова; Ред.-сост.: В.П. Григорьев, Н.А. Фатеева. - М.: Азбуковник, 2001. - С.25-40.
- Шпенглер 2000* – Шпенглер О. Закат Европы. – Минск: Харвест; Москва: АСТ, 2000. – 1376 с.
- Якобсон 1998* - Якобсон Р. Избранные работы по лингвистике. - Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртене, 1998. – 448 с.
- Языковая номинация 1977* – Языковая номинация (Общие вопросы) / Отв. редакторы: Б.А. Серебренников, А.А. Уфимцева. – М.: Наука, 1977. – 360 с.
- Яковлева 1994* – Яковлева Е.С. Фрагмент русской языковой картины времени // Вопросы языкознания. – 1994. - № 5. – С. 73-89.
- Яковлева 1995* – Яковлева Е.С. Час в русской языковой картине времени // Вопросы языкознания. – 1995. - № 6. – С.54-76.
- Яковлева 1998* – Яковлева Е.С. О понятии «культурная память» в применении к семантике слова // Вопросы языкознания. – 1998. – № 3. – С.43-73.
- Яковлева 1999* – Яковлева Е.С. Идиоматическая фразеология как объект лингвистики и дидактики // Материалы IX Конгресса МАПРЯЛ (Братислава 1999): Доклады и сообщения российских ученых. – М., 1999. – С.521-522.
- Яковлева 2000* – Яковлева Е.С. Пространство умозрения и его отражение в русском языке // Логический анализ языка. Язык пространств. - М.: «Языки русской культуры», 2000. – С. 268-276.
- Berndt 1989* – Berndt R. A History of the English Language. – Leipzig: Verlag Enzyklopädie, 1989.
- Bowerman 1996* – Bowerman M. The Origins of Children’s Spatial Semantic Categories: Cognitive versus Linguistic Determinants // Rethinking Linguistic Relativity / Ed. by J.J. Gumperz and S.C. Levinson. – Cambridge University Press, 1996. – P. 145-176.
- Brooks 1968* – Brooks N. Teaching Culture in the Foreign Language Classroom // Foreign Language Annals. – 1968. - # 1.
- Clark 1996* – Clark H.H. Using language. - Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1996. – 436 p.
- Close 1994* – Close R.A. A Teachers’ Grammar: An Approach to the Central problems of English. – Language Teaching Publications, 1994. – V p., 166 p.
- Dirven 2000* – Dirven R. Cognitive Linguistics. – LAUD Linguistics Agency: University-GH Essen, 2000. – 9 p.

- English Grammar 1977* – English Grammar. A University Handbook. – Leipzig: VEB Verlag Enzyklopadia, 1977. – 406 p.
- Fillmore 1975* – Fillmore Ch. C. An alternative to checklist theories of meaning // Proceedings of the Berkley Linguistic Society / Ed. by C. Cogen, H. Thompson, G. Thurgood and K. Whistler. – Berkley: Berkley Linguistic Society, 1975. – P. 123-131.
- Fillmore 1985* – Fillmore Ch.C. Frames and the semantics of understanding // Quaderni di semantica. – 1985. – VI. – P.222-254.
- Fillmore, Atkins 1992* – Fillmore Ch.C., Atkins B.T. Toward a frame-based lexicon: The semantics of RISK and its neighbors // Frames, fields, and contrasts / Ed. by A. Lehrer and E.Kuttay. – Hillsdale / N.J.: Lawrence ErlbaumAssoc., 1992. – P. 75-102.
- Hanvey 1976* – Hanvey R.G. Cross-cultural awareness // An attainable global perspective. – New York: Center for global perspective, 1976.
- Harnisch 1981* – Harnisch H. Zur tätigkeitsbezogenen Sprachbetrachtung in der sowjetischen Psycholinguistik und zu ihren Grundlagen // Funktional-Kommunikative Sprachbeschreibung. Theoretisch-methodische Grundlegung. Von einem Autorenkollektiv unter Leitung von W. Schmidt. – Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1981. – S.44-55.
- Heine 1991* – Heine B., Claudi U., Hunnemeyer Fr. Grammaticalization. A conceptual framework. – Chicago, 1991.
- Hudson 1991* – Hudson R.A. Sociolinguistics. – Cambridge, New York, Port Chester, Melbourne, Sydney: Cambridge University Press, 1991. – 199 p.
- Jackendoff 1992* – Jackendoff R. What is a concept? // Frames, fields, and contrasts. New essays in semantics and lexical organization. – Hillsdale, 1992. – P. 191-209.
- Kramsch 1994* - Kramsch C. Context and culture in language teaching. – Oxford University Press, 1994. – VIII, 295 p.
- Lakoff 1990* – Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind. – Chicago-London: The University of Chicago Press, 1990.
- Langacker 1991* - Langacker R.W. Concept, Image, and Symbol: the cognitive basis of grammar. - Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1991. – X, 395 p.
- Langacker 1997* - Langacker R.W. The conceptual basis of cognitive semantics // Language and conceptualization / Ed. by J. Nuyts and E. Pederson. – Cambridge, 1997. – 281 p.
- Leech, Svartvik 1983* – Leech G., Svartvik J. A Communicative Grammar of English. - M.: Prosveshcheniye, 1983. – 304 p.
- Levinson 1996* – Levinson S.C. Relativity in spatial conception and description // Rethinking Linguistic Relativity / Ed. by J.J. Gumperz and S.C. Levinson. – Cambridge University Press, 1996. – P. 177-202.

Linguistics 1995 – The Linguistics Encyclopedia / Ed. by K. Malmkjaer. - London and New York: Routledge, 1995. – XX, 575 p.

Longman Grammar 2000 – Biber D., Johansson S., Leech G., Conrad S., Finegan E. Longman Grammar of Spoken and Written English. – Longman Pearson Education Limited, 2000. – XXVIII, 1204 p.

Lucy 1996 – Lucy J.A. The scope of linguistic relativity: An analysis and review of empirical research // *Rethinking Linguistic Relativity* / Ed. by J.J. Jumpers and S.C. Levinson. – Cambridge University Press, 1996. – P. 37-69.

Malinowsky 1949 – Malinowski B. The problem of meaning in primitive languages // Ogden C.K., Richards I.A. The meaning of meaning. – London, 1949. – P. 296-336.

Omaggio 1986 – Omaggio A.C. Teaching Language in Context. - Boston, Mass.: Heinle & Heinle Publishers, Inc., 1986. – 479 p.

Oxford 1990 – Oxford R.L. Language Learning Strategies: What every teacher should know. – New York: Newbury House / Harper & Row, 1990. – XXII, 342 p.

Oxford 1995 – Oxford R.L., Anderson N.L. A Crosscultural View of Learning Styles // *Language Teaching*. - # 28. – October 1995.

Palmer 1996 – Palmer G.B. Toward a Theory of Cultural Linguistics. – Austin: University of Texas Press, 1996. – XII, 348 p.

Scollon & Scollon 1995 – Scollon R., Scollon S.W. Intercultural communication. A discourse approach. – Oxford UK & Cambridge USA: Blackwell, 1995. – VIII, 271 p.

Seelye 1993 – Seelye H.N. Teaching Culture: Strategies for Intercultural Communication. – Lincolnwood, Illinois USA: NTC Publishing Group, 1993. – XIII, 289 p.

Slobin 1996 – Slobin D.I. From “thought and language” to “thinking for speaking” // *Rethinking Linguistic Relativity* / Ed. by J.J. Gumperz and S.C. Levinson. – Cambridge University Press, 1996. – P. 70-96.

Talmy 1978 – Talmy L. Figure and ground in complex sentences // *Universals of Human Language* / Ed. by J. Greenberg et al. – Vol.4. – Stanford: Stanford University Press, 1978. – P. 627-649.

Talmy 1985 – Talmy L. Lexicalization patterns: Semantic structure in lexical forms // *Language typology and semantic description* / Ed. by T. Shopen. – Vol.3. – Cambridge: Cambridge University Press, 1985. – P. 36-149.

Talmy 1988 – Talmy L. Force dynamics in language and cognition // *Cognitive Science*. – 1988. - # 12. – P. 49-100.

- Talmy 1991* – Talmy L. Path to realization: A typology of event conflation // Proceedings of the seventeenth Annual Meeting of the Berkeley Linguistic Society. – Berkeley: Berkeley Linguistic Society, 1991. – P. 480-519.
- Ungerer, Schmid 1997* – Ungerer F., Schmid H.-J. An Introduction to Cognitive Linguistics. – London and New York: Longman, 1997. – 293 p.
- Whorf 1956* – Whorf B. Language, Thought, and Reality. – Cambridge, Mass. : MIT Press, 1956. – XI, 278 p.
- Wierzbicka 1988* – Wierzbicka A. The Semantics of Grammar. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins B.V., 1988. – 618 p.
- Wierzbicka 1993* – Wierzbicka A. reading human faces // Pragmatics and Cognition. – 1993. - # 1. – p. 1-23.

СЛОВАРИ

- Американа 1996* – Американа. Англо-русский лингвострановедческий словарь / Под ред. и общ. рук. Г.В.Чернова. – Смоленск: Полиграмма, 1996. – 1185 с.
- Апресян 1979* – Апресян Ю.Д., Ботякова В.В., Латышева Т.Э. и др. Англо-русский синонимический словарь. – М.: Русский язык, 1979. – 544 с.
- Бенсон 1990* - Бенсон М., Бенсон Э., Илсон Р. Комбинаторный словарь английского языка. – М.: Русский язык, 1990. – 286 с.
- БТСР* – Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
- Даль* - Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Том IV. – Издат. центр «Терра», 1994. – 683 с.
- ЛСС 1975* – Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. – М.: Наука, 1975. – 720 с.
- ЛЭС 1990* – Лингвистический энциклопедический словарь. - М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
- НИЭС 2000* – Новый иллюстрированный энциклопедический словарь. - М.: Большая Российская энциклопедия, 2000 – 912 с.
- Ожегов* – Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. - М.: Русский язык, 1985. – 797 с.
- Словарь синонимов* – Словарь синонимов русского языка. Том второй / Под ред. А.П. Евгеньевой. – Л.: Ленинград. отделение изд-ва «Наука», 1971. – 856 с.
- ФЭС 2000* – Философский энциклопедический словарь. - М.: ИНФРА, 2000. – 575 с.
- ЭЛС 2001* – Исаев М.И. Словарь этнолингвистических понятий и терминов. – М.: Флинта: Наука, 2001. – 200 с.

Britannica v. 16 – The New Encyclopaedia Britannica. Micropaedia. Knowledge in Depth. –Vol. 16. – Encyclopaedia Britannica, Inc.: Chicago, 1994. – 994 p.

Britannica v. 22 – The New Encyclopaedia Britannica. Micropaedia. Knowledge in Depth. –Vol. 22. – Encyclopaedia Britannica, Inc.: Chicago, 1994. – 994 p.

Collins Idioms 1997 – Collins Cobuild Dictionary of English Idioms. - The Univ. of Birmingham: Harper Collins Publishers Ltd, 1997. – XVII, 493 p.

Cambridge – Cambridge International Dictionary of English. - Cambridge Univ. Press, 1995. – XVIII, 1773 p.

Essential Activator 2000 – Longman Essential Activator: Put Your Ideas into Words. – Longman: Pearson Education Limited, 2000. – VII, 997 p.

Hornby 1967 – The Advanced Learner's Dictionary of Current English, by A.S. Hornby, E.V. Gatenby, H. Wakefield. - London: Oxford Univ. Press, 1967. – XXXII, 1200 p.

Idioms 1983 – Seidl J., McMordie W. English idioms and how to use them/ Foreword by prof. Mednikova E.M. - M.: Vyssaya skola, 1983. – VI, 266 p.

Language Teaching and Applied Linguistics – Dictionary of Language Teaching and Applied Linguistics / compiled by J.C. Richards, J. Platt, H. Platt. – Longman Group Limited, 1993. – 423 p.

Longman 1995 – Longman Dictionary of Contemporary English. - Longman Group Ltd., 1995. - XXII, 1668, B22 p.

Longman Activator 1994 – Longman Language Activator. – Longman Group UK Limited, 1994. – F34, 1587, B11 p.

Longman Idioms 1994 – Longman Dictionary of English Idioms. - Longman Group Ltd, 1994. – XX, 387 p.

Longman Culture 1992– Longman Dictionary of English Language and Culture. - Longman Group UK Ltd, 1992. – F 31, 1528, B27 p.

Longman Lexicon 1981 – Longman Lexicon of Contemporary English / Ed. by T. McArthur. – Longman Group UK Limited, 1981. – XV, 910 p.

Macmillan- Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. – Macmillan Publishers Limited, 2002. – XIV, 1692 p.

Oxford – The Concise Oxford Dictionary of Current English / Ed. by J.B. Sykes. - Oxford: Clarendon Press, 1984. – XX, 1258 p.

Oxford Phrasal 1997 – Oxford Dictionary of Phrasal Verbs / Ed. by A.P. Cowie, R. Mackin. – Oxford, N.Y.: Oxford University Press, 1997. – XVIII, 518 p.

Oxford Proverbs 1992 – The Concise Oxford Dictionary of proverbs / Ed. by J. Simpson. – Oxford, New York: Oxford Univ. Press, 1992. – XIII, 316 p.

Webster – Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language. - New York: Gramercy Books, 1983. – VIII, 1693 p.

Webster Synonyms 1984 – Webster’s New Dictionary of Synonyms. - Springfield, Mass.: Merriam-Webster Inc., Publishers, 1984. – 32a, 909 p.
Wilkinson 1992 – Wilkinson P.R. Thesaurus of Traditional English Metaphors. – London, New York: Routledge, 1992. – XIII, 777 p.

Список художественных источников

Зоценко – Зоценко М. Избранное. – Ростов н/Д: Феникс, 2000. – 448 с.
Christie 1969 – Christie A. Evil under the Sun. – Fontana Books, 1969. – 189 p.
Christie 1984 - Christie A. The Murder at the Vicarage. – New York: Berkley Books, 1984. – 230 p.
Maurier – Maurier D. du. Frenchman’s Creek. – Penguin Books, 1962. – 238 p.

Список сокращений использованных периодических изданий

ВУ – Вечерняя Уфа

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Предисловие</i>	3
<i>Введение</i>	5
Раздел 1. Лингвокультурология как новое направление лингвистических исследований	8
1.1. Язык и культура как составляющие лингвокультурологического исследования	8
1.2. Культурно-языковая специфика и культурно-языковые универсалии	17
1.3. Языковая личность в лингвокультурологической парадигме	28
1.4. Единицы лингвокультурологического исследования	38
1.5. Формат и перспективы лингвокультурологического исследования	57
Выводы	62
Контрольные вопросы	65
Обязательная литература	65
Раздел 2. Когнитивные инструменты лингвокультурологического исследования	67
2.1. Язык и мышление в свете лингвокультурологии	67
2.2. Исследовательский инструментарий когнитивной лингвистики: концепт, фрейм, сценарий	74
2.3. Лингвокультурологическая природа концепта	89
2.4. Процессы категоризации в когнитивной лингвистике	96
2.4.1. Категоризация лексики и лингво-культурная специфика	105
2.4.2. Категоризация грамматических значения и лингво-культурная специфика	110
2.5. Фреймы и сценарии как объект лингвокультурологического анализа	112
2.6. Когнитивные процессы и лингво-культурная специфика	123
Выводы	125
Контрольные вопросы	128
Обязательная литература	129
Заключение	131
Библиография	133
Словари	147
Список художественных источников	149
Список сокращений использованных периодических изданий	149